НАШЕ КУПЕЧЕСТВО И ТОРГОВЛЯ

СЪ СЕРЬЕЗНОЙ И КАРРИКАТУРНОЙ СТОРОНЫ.

НАШЕ КУПЕЧЕСТВО

И

ТОРГОВЛЯ

СЪ СЕРЬЕЗНОЙ И КАРРИКАТУРНОЙ СТОРОНЫ.

СБОРНИКЪ,

ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

РУССКАГО КУПЦА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1865.

Дозволено цензурой Москва, 13 октября 1864 года.

Купца теребятъ, а въ душу его еще не заглянули.

К. Аксаковъ.

Предлагаемый сборникъ предполагается къ выходу въ неопредѣленные сроки, смотря по накопленію матеріяла и удобству ихъ къ изданію.

Наше купечество и торговля въ послѣднее время стали предметомъ особаго интереса и изученія: множество статей, съ цѣлію удовлетворенія этой потребности, является почти ежедневно то въ томъ, то въ другомъ изъ повременныхъ изданій; между мелкими въ послѣднее время не мало и крупныхъ статей, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ „Апраксинцы" и „Биржевые Артельщики" Лейкина заслуживаютъ полнаго вниманія. Статьи эти главнымъ образомъ раздѣляются на два отдѣла — съ серьознымъ направленіямъ и юмористическимъ — каррикатурнымъ. Такая двойственность содержанія предлагается и въ нашемъ сборникѣ — двойственность эта вызывается самимъ предметомъ и еще надолго сохранитъ этотъ характеръ: развитіе нашей торговли тѣсно связано съ развитіемъ самаго купеческаго общества; общество это, въ слѣдствіе многихъ историческихъ причинъ и невыгодъ своего положенія, отлилось въ оригинальную, своеобразную форму, оно прославилось замкнутостію и особенностями своей жизни и вызвало цѣлый особый отдѣлъ литературы — „изъ купеческаго быта" достойнымъ представителемъ котораго явился Островскій. Весьма многое проявилось въ немъ и проявляется до сихъ поръ, дико, ярко. Все это, или большая часть отражается на торговомъ дѣлѣ и на оборотъ, изъ области дѣ-

ла переходитъ въ самый бытъ общества. Многое неудобно укладывается въ простое, открытое изложеніе и требуетъ формы юмористической и иносказательной. Въ слѣдствіе-то этого и нашъ сборникъ носитъ двойственный характеръ. — Затрогивая теперь дѣло съ разныхъ сторонъ, мы считаемъ лишнимъ всякія обѣщанія, одно только можемъ сказать при выходѣ этаго перваго выпуска, что цѣль наша — изученіе и и уясненіе нашей торговли и купеческаго быта и трудъ этотъ дѣло не одного лица; мы по возможности будемъ избѣгать такъ называемаго обличительнаго направленія: при такомъ богатомъ матеріалѣ какъ нашъ торговый и купеческій бытъ, довольно если вѣрно и близко передать то, что идетъ и дѣлается у всѣхъ насъ предъ глазами. Касаясь больныхъ ранъ этого общества необходимо имѣть въ виду вышеприведенную мѣткую и полную живаго, теплаго участія къ этому обществу фразу К. С. Аксакова: всякое явленіе имѣетъ свою причину и основаніе и потому-то въ первомъ отдѣлѣ нашего сборника, большею частію, приведены причины положенія, въ которомъ въ настоящее время находится наше купечество и торговля, во второмъ, большею частію, ихъ послѣдствія.

Русскій купецъ.

I.

НАШЕ КУПЕЧЕСТВО И ТОРГОВЛЯ

СЪ СЕРЬЕЗНОЙ СТОРОНЫ.

I.

Торговля и купцы.

Въ настоящее время съ особеннымъ любопытствомъ читаются статьи о торговлѣ, въ нихъ, по преимуществу, обращается вниманіе на методъ веденія нашего торговаго дѣла, на его особенности, на купеческую сноровку и т. п. Объяснить подобное любопытство и подобное вниманіе вообще не трудно: всѣмъ вообще, волею неволею, приходится взяться за трудъ, торговля представляетъ много соблазновъ, извѣстно, что многіе разжились отъ нее — разбогатѣли и незнакомаго и мало знакомаго тянетъ къ ней, завлекаетъ познакомиться, чтобы черпнуть изъ этого источника; замѣчательно при этомъ, что знакомство съ нашею торговлей дается вообще не легко... Не легко же дается потому, что оно прежде всего въ исключительномъ положеніи...

Цѣль нашей книги по возможности объяснить эту исключительность и торговли и купеческаго общества.

Торговлю нашу тонко знаютъ одни купцы, торговля послушна только въ ихъ рукахъ, но это никакъ не значитъ, чтобы она должна быть и остаться у насъ именно таковой, какова она у насъ въ настоящее время...

Г-нъ Ѳедченко на публичныхъ чтеніяхъ въ Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ передалъ слѣдующій фактъ изъ торговой жизни за послѣднее время: извѣстно, что итальянцы — уполномоченные составившейся въ Италіи компаніи для заведенія прямыхъ отношеній по этому дѣлу съ Азіей, видя настоятельную современную потреб-

ность въ хлопкѣ, обратили вниманіе и на него и изъявили желаніе принять на себя трудъ исправленія недостатковъ въ этой промышленности, которыя главнымъ образомъ состоятъ въ дурной очистки отъ сѣмянъ и упаковки... Дѣло это объяснилось и возбудило неудовольствіе въ нѣкоторой части нашего купечества — хорошо знакомаго съ нашими отношеніями къ Бухарѣ и Персіи. Въ Петербургѣ составилась компанія десяти участниковъ съ паями по 10,000 р. с., уполномоченный этой компаніи пріѣхалъ въ Москву, и на первыхъ порахъ обратился онъ къ одному изъ первыхъ нашихъ прядильщиковъ, *письменно*.

Письмо осталось безъ отвѣта. Со вторымъ письмомъ былъ отправленъ посланный, которому было наказано *непремѣнно требовать отвѣта*, хотя на словахъ. „Мнѣ теперь некогда, отвѣчалъ на это фабрикантъ, а просите его завтра пожаловать въ *Лоскутный*, мы бы тамъ потолковали". Въ третьемъ письмѣ объясняли, что это дѣло серьезное, что для него нужно не трактирная бесѣда, а общественное вмѣстѣ съ другими бумагопрядильщиками обсужденіе, не терпящее отлагательство. Отвѣта не послѣдовало и дѣло это, какъ кажется, осталось непричемъ.

Этотъ послѣдній, самый свѣжій фактъ, мы принимаемъ за исходную точку нашей небольшой монографіи.

Фактъ этотъ дѣйствительно грустный и съ перваго взгляда вся вина падаетъ на фабриканта, который такъ туго отозвался общественному дѣлу, на его равнодушіе, на его неподвижность; если же вглядываться глубже въ это дѣло, то вина въ подобномъ дѣлѣ идетъ далѣе и распространяется на все купеческое общество, которое съ давнихъ поръ, руководясь какими-то тайными силами, непонятно и какъ бы на перекоръ всѣмъ движеніямъ послѣдняго времени остается при своемъ упрямомъ равнодушіи избѣгаетъ въ дѣлѣ, прямо въ ущербъ дѣлу, всего общественнаго и живетъ и богатѣетъ и банкрутится особнякомъ.

Что же такъ настроило, что расположило и располагаетъ это общество къ подобному направленію?

Вопросъ этотъ проходитъ прямо и естественно въ настоящее время.

На первомъ планѣ стоитъ тутъ опытъ — опытъ не располагающій къ общественности и къ дружному преслѣдованію общими силами цѣлей, которыя были бы безъ сомнѣнія полезны всему русскому обществу... Возьмемъ недавнее время, вспомнимъ двѣ купеческо-общественныя компаніи заведенныя въ разныхъ странахъ нашей обширной территоріи во всемъ противоположныхъ другъ другу — Кяхтинскую и Кавказскую компаніи—что вышло изъ этого казавшагося блестящимъ дѣла, какое оно оставило впечатлѣніе, каковы результаты его? Лицо, стоявшее во главѣ первой, лицо, въ которое была общая вѣра, лицо, на самомъ дѣлѣ даровитое и талантливое не могло вынести трудности этого дѣла, которое въ непродолжительное время значительно потерпѣло и ввело въ чувствительный убытокъ очень не мало капиталовъ—мы помнимъ тотъ страхъ и неудовольствіе, которое ярко проглянуло въ то время и отшатнуло общество отъ разныхъ компаній и на первыхъ же порахъ развитія какой-либо общественности располагало къ ней враждебно цѣлое общество; чрезъ нѣсколько времени образовывается другая компанія — Кавказская, которая сулитъ золотыя горы, дѣло начинается сборомъ значительнаго капитала и благодаря незнанію края и рѣшительной непрактичности въ пріемахъ дѣловеденія, а болѣе всего распоряженію управленія дѣло рухнуло самымъ шумнымъ образомъ. Со времени этой неудачной попытки привитія русскаго дѣла въ двухъ мѣстахъ, вышедшихъ изъ издавна очертившагося круга нашей торговой территоріи—неудача на самыхъ первыхъ порахъ прямого естественнаго развитія нашей торговли можно сказать безошибочно затормозило всякое развитіе ея извнѣ, все скучилось у себя дома, все стало болѣе прежняго бояться новизны и неизвѣстности и дѣло пошло по старой рутинной дорогѣ, не забѣгая даже мыслею далѣе освоившихся ярмарокъ; въ такомъ положеніи дѣло оставалось долгое время—почти все время царствованія императора Николая, во время котораго зачались и рухнули и упомянутыя компаніи.... Съ водвореніемъ новаго порядка вещей, съ прогрессивнымъ ходомъ новаго времени, съ наступленіемъ неминуемой нужды подымать наши промышленныя силы и наконецъ съ появленіемъ цѣлой тучи акціонерныхъ компаній, купеческое обще-

ство, хотя и держало себя осторожнѣй другихъ, какъ уже болѣе опытное, но все-таки не могло не заразиться акціонерной горячкой, заразившись оно и поплатилось — это также не могло хорошо расположить купечество къ общественности въ дѣлѣ, оно начало сторониться и отъ прогрессивныхъ идей и отъ новизны, наконецъ неудачи компаній и ассоціацій немногихъ лицъ — двухъ, трехъ товарищей, несостоятельность компанейскихъ мануфактуръ, прядиленъ и т. п. и влілтельнѣе другаго—шутиха разныхъ незрѣлыхъ начинаній, пожаръ Апраксина двора и многое другое въ этомъ родѣ окончательно расхолодило купеческое общество къ какимъ-либо общественнымъ предпріятіямъ и оно къ сожалѣнію до сихъ поръ продолжаетъ также недружелюбно относиться и къ такимъ начинаніямъ, которыя имѣютъ или по крайней мѣрѣ начинаютъ имѣть уже совсѣмъ другой характеръ, къ которому можно смѣло причислить недавно заявленную мысль о составленіи компаніи для прямаго дѣла съ Бухарой, по такъ насущно необходимому для насъ хлопку.

Съ другой стороны правильному отношенію купечества къ торговлѣ и выходу купечества изъ своей замкнутой среды не мало мѣшаетъ и другая сторона дѣла, которая хотя безспорно живетъ большею частію въ прошломъ, но не совсѣмъ еще отрѣшилась и отъ настоящаго времени... Возьмемъ недальное и недавнее—Москву и первыя года настоящаго царствованія, въ переходное состояніе котораго многое было видно несравненно ярчѣ: придирки и стѣсненія того, что себя разумѣло подъ именемъ начальства давало знать себя на каждомъ шагу, промышленность и торговля и это время и долго, долго прежде и послѣ должна протискиваться чрезъ всѣ препятствія, чрезъ всѣ затрудненія, покупать каждый свой шагъ, подкупать многое и многихъ, чтобъ сколько-нибудь успѣшно вести свое дѣло; сколько анекдотовъ, преданій, повѣрій о столкновеніяхъ съ губернаторами, полицмейстерами, правителями разныхъ канцелярій, частными приставами, квартальными, даже хожалами, ходитъ и до сихъ поръ между нашими купцами и промышленниками и ходятъ они не даромъ и незря, а необходимо прямо и естественно дадутъ матеріялъ для будущаго историка нашей торговли и промышленности...

Вотъ по этимъ-то матеріяламъ, до сихъ поръ еще не только не собраннымъ, но еще мало кѣмъ тронутымъ и мало кому извѣстнымъ видно, *) ясно видно, что прошлое и еще недавнее время не только не способствовало развитію и успѣшному ходу русскаго дѣла, но въ большинствѣ случаевъ затрудняло его самымъ ощутительнымъ образомъ. Кромѣ того общество это, отчужденное отъ участія полученія какихъ-либо свѣдѣній въ движеніе распоряженій высшаго начальства, распоряженій, касающихся прямо дѣла промышленности и торговли, въ большинствѣ своемъ мало развитое, самымъ дѣломъ и его черною работой отчужденное отъ другаго болѣе развитаго общества, съ туго, за хлопотами и безалабернымъ времяпрепровожденіемъ прививающеюся привычкою чтенія не проявляющее своего собственнаго голоса, мало въ массѣ проникнутое сознаніемъ пользы своего собственнаго органа, глохло въ этомъ своемъ большинствѣ и подавало знакъ жизни только нѣкоторыми смѣло впередъ выдвинувшимися личностями

Кто не бранитъ за все это нашего купечества? Мы, не разъ выражались объ немъ весьма для него не лестно; но свой своему по неволѣ другъ: побранишь, укажешь на недостатки да покажешь и хорошую сторону которыхъ не мало въ этомъ обществѣ. А загляните въ обличительную и необличительную литературу, припомните театральныя піесы съ сюжетами, взятыми изъ купеческаго быта, какъ тамъ часто купецъ — или отребіе общества, или плутъ, или смѣшенъ, и является въ такомъ видѣ, говоритъ такимъ языкомъ, какъ будто бы онъ совершенно изъ другаго міра. Бывши купцомъ, невольно задумываешься надъ этимъ страннымъ явленіемъ въ нашемъ, и именно только въ нашемъ русскомъ обществѣ. Само собою разумѣется, что здѣсь всего больше виноваты мы сами, виноватъ недостатокъ образованности, не лоска образованности, не свѣтскости, а главнѣйшаго, — недостатокъ развитія чувства собственнаго достоинства. Если мы сами въ себѣ не умѣемъ уважать ничего, кромѣ капитала, какъ же

---

*) Матеріялы эти, по большей части, въ ихъ первообразной формѣ, войдутъ въ третій выпускъ этого изданія

желать, чтобы другіе уважали въ насъ то, чего мы въ себѣ не признаемъ, — человѣческое достоинство? Тотчасъ же, непосредственно за этимъ, слѣдуетъ у насъ вторая бѣда, — совершенное отсутствіе понятія объ общественности.

Но обратимся къ прежнему, мы коснулись важнаго для насъ вопроса о болѣе правильной подготовкѣ, на мѣстѣ, бухарскаго хлопка, объ улучшеніи его породы посѣвомъ американскихъ сѣмянъ и пр. и пр. Составилась, какъ мы говорили, русская компанія, составилась она въ Петербургѣ, прислала своего уполномоченнаго искать поддержки въ Москвѣ и встрѣтила если не полное равнодушіе, то, по крайней мѣрѣ, какую-то нерѣшительность; — а Москва въ торговлѣ внутренней, въ производительности и въ торговлѣ съ Востокомъ всегда занимала и занимаетъ первое мѣсто. Чѣмъ же еще съ другой стороны объяснить такую странную нерѣшимость, такое почти равнодушіе къ дѣлу и къ такому дѣлу, которое во всякой другой странѣ, во всякомъ другомъ народѣ, особенно при настоящемъ недостаткѣ хлопка и при настоящемъ значеніи хлопка въ торговлѣ, взбудоражило бы всѣхъ и каждаго и нашло бы во всѣхъ готовность за него приняться?

Промышленники и торговые люди на это отвѣчаютъ такъ: „Необходимо, говорятъ они, знать дѣло со всѣми его мелочами и во всей его обстановкѣ, иначе оно остается безъ почвы, безъ мѣста и времени, въ которыхъ оно совершается.

„Кто намъ поручится," говорятъ они, „что построенное мною сегодня не сломается завтра? Выдержатъ ли ожидаемыя выгоды тотъ рискъ, на какой я пускаюсь, начиная новое дѣло? — а пройти чрезъ всѣ необходимыя для этого инстанціи, - рискъ весьма сильный, обезпечить противъ котораго не возьмется ни одно страховое общество. Хорошо тому обществу рѣшаться на все и рѣшаться скоро, которое о такомъ обезпеченіи не думаетъ, которое, рѣшаясь, думаетъ только о дѣлѣ? А мы? Можемъ ли мы покойно думать о дѣлѣ? Мы не дома, а на бивуакахъ: каждый день мѣняемъ обстановку и внутри и внѣ, и при такой перемѣнѣ, заикнется ли кто-нибудь спросить нашего согласія, хотя бы даже простаго отзыва? Есть ли у насъ учрежденіе, общественное мѣсто, гдѣ

бы мы, предъ лицемъ закона, и съ законнымъ правомъ на общественный голосъ, обмѣнялись своими понятіями, заявили требованія, обсудили выгоды и не выгоды дѣла, представили необходимыя условія его успѣха, зависящія уже не отъ насъ лично, не отъ нашихъ соображеній, даже не отъ нашихъ капиталовъ, а прямо отъ общественнаго устройства и отъ степени увѣренности нашей въ ненарушимость и въ незыблемость нашего общественнаго положенія?

„Какъ во все это вникнешь, такъ и насъ извинишь, и согласишся, что легко укорять словами — рутина, отсталость; но не легко подробно прослѣдить: что̀ именно держитъ въ ней, что̀ къ ней располагаетъ и что̀, сливаясь во едино, говоритъ народною пословицею: старый другъ лучше новыхъ двухъ. Надобно быть въ нашемъ положеніи, чтобы понять, каково приходится каждому, когда послѣ того какъ положишь капиталъ, то есть все заработанное всею жизнію и все доставшееся, положишь трудъ всей жизни, и вдругъ начнутъ ходить слухи о разныхъ перемѣнахъ, хотя бы напримѣръ въ тарифѣ. Тутъ не до того, чтобы вникать: на сколько онъ удовлетворяетъ, или неудовлетворяетъ теоріи, тутъ одна мысль затемняетъ все остальное, — да вѣдь я разсчитывалъ и имѣлъ право разсчитывать на порядокъ существующій, никѣмъ не былъ я предупрежденъ, что онъ измѣнится, никто не спросилъ меня, каково это подѣйствуетъ на мои дѣла, и всѣ меня же обвиняютъ въ осталости, и въ эгоизмѣ. Не остановишься ли въ раздумьи, когда первый разъ прочтешь хотя напримѣръ такое опредѣленіе, какъ *толченый рафинадъ*, — съ разу не поймешь что̀ и разумѣть то подъ этимъ“.

Давно уже мы прислушиваемся къ подобнымъ толкамъ нашихъ торговцевъ и промышленниковъ и теперь передаемъ ихъ, не прибавляя отъ себя ни полслова, а только обратимъ вниманіе нашихъ читателей на то, какъ неопредѣленность, безпризывность къ участію въ дѣлахъ, относящихся прямо до торговли и промышленности, успѣли своеобразно сформировать характеръ нашего купечества. Прислушайтесь къ обычному разговору помѣщика старыхъ временъ и настоящихъ, если не наступающихъ.

Помѣщикъ свободно говоритъ о своихъ помѣстьяхъ, о своемъ хозяйствѣ, о количествѣ десятинъ подъ запашкою, о лугахъ, хозяйственныхъ удобствахъ; подъ часъ войдетъ въ азартъ и прихвастнетъ, и приукраситъ и преувеличитъ. Послѣднее зависитъ уже отъ его личности, но по общему строю и въ большинствѣ личностей, или лучше, по самому характеру дворянства, никто не думаетъ ни скрывать, ни утаивать своихъ хозяйственныхъ оборотовъ. Большею частію бываетъ и такъ, что чѣмъ менѣе на дѣлѣ, тѣмъ больше имѣній и тысячъ десятинъ на словахъ, особенно когда помѣстья гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ губерніяхъ.

Купецъ же прежде всего не только не любитъ говорить про свои богатства, но не любитъ чтобы при немъ и рѣчь объ нихъ заводилась; если же объ этомъ весьма щекотливомъ предметѣ обращаются къ нему самому, онъ большею частію мастерски увертывается и отвиливаетъ, въ чемъ онъ сильно наловчился. „Помилуйте, что у насъ за дѣла, или, что у насъ за фабрика, такъ себѣ дѣлишки или фабриченка, на хлѣбъ только достаешь себѣ и ребятишкамъ.

„Ну, а если товарцу купить?“

— Покупаемъ помаленьку.

„Ну, а если вотъ всю мою партію“?

— Ничего и всю партію можно.

„Да вѣдь партія-то большая.“

— Какъ нибудь сможемъ, только если уступите какъ слѣдуетъ; на дѣло денегъ найти можно.

Нельзя не согласиться, что весь такой разговоръ страненъ и дикъ, но едва ли не согласится съ нами и читатель, что онъ прямо выходитъ изъ настоящаго положенія купечества. Вѣрьте, что чѣмъ будетъ опредѣленнѣе, яснѣе, и устойчивѣе положеніе, тѣмъ положительнѣе будетъ и ходъ объясненій,— пройдутъ *обиняки* сами собою и помину объ нихъ не будетъ.

Слава Богу и теперь уже по немножку горизонтъ проясняется, мало по малу тучи проходятъ, но пуганная ворона и куста боится: не скоро измѣнится то, что составилось долгимъ гнетомъ, долгимъ униженіемъ. Давно ли еще бывало, что купецъ и замѣтьте значительный, весьма не охотно входилъ въ близость съ сильными міра сего, и куда какъ жался,

когда они начнутъ разсказывать о своихъ громадныхъ помѣстьяхъ, — онъ слушаетъ и только одно себѣ думаетъ: „того и смотри попроситъ денегъ въ займы, откажешь, наживешь себѣ врага сильнаго; не откажешь.... человѣкъ-то онъ честный, взятокъ не беретъ, но не душа лжетъ, а мошна; долгу не заплатитъ не по нечестности, а по обстоятельствамъ“.

Сведите все это вмѣстѣ и сами сдѣлаете простое и прямое заключеніе, что купцу и промышленнику затѣвать новыя дѣла трудно. Отъ того-то и настоящая хлопчатобумажная компанія двигается медленно. „Когда бы какая-нибудь гарантія отъ правительства“, говорятъ многіе изъ нашего купечества, „было бы хоть на что опереться.“ Какъ ни странна съ перваго взгляда эта мысль о правительственной гарантіи въ дѣлѣ торговли, но она прошедшаго года сильно ходила въ Англіи, когда составлялась компанія для усиленія производительности хлопка въ индѣйскихъ владѣніяхъ Великобританіи.

При всѣхъ такихъ вопросахъ мыслящіе люди изъ купечества все останавливаются пока на одномъ: на необходимости отдѣльнаго министерства торговли и промышленности. Оно поведетъ за собою правильное образованіе торговыхъ палатъ, или совѣтовъ, не случайно собираемыхъ, не кое какъ, тоже совершенно случайно, составляемыхъ, а дѣйствительно представляющихъ собою промышленный и торговый классъ людей съ ихъ насущными потребностями, толкующихъ о важныхъ и обиходныхъ дѣлахъ не наскокомъ, а постоянно и правильно. Одно уже такое общественное обсужденіе вопросовъ сблизило бы купечество съ общественностію и отучило бы его отъ несноснаго, къ сожалѣнію на каждомъ шагу встрѣчающагося выраженія, — „ужь это *Я* вамъ говорю“. Пусть бы еще это въ Англіи гдѣ слово *я* (J) пишется и печатается всегда очень крупно, а у насъ, при полной его общественной незначительности, упиранье на него ведетъ только къ дикости и совершенному разъединенію.

II.

Причины выхода лучшихъ членовъ купечества изъ своего сословія.

Нашъ среднiй классъ, какъ вообще болѣе или менѣе извѣстно, еще мало опредѣлился: купцы первыхъ 2-хъ гильдiй мало смѣшиваются съ третьегильдейцами и мѣщанами *), и, кажется, имѣютъ претензiю составить что-то особое самостоятельно-переходное; но не смотря на это, здѣсь, разумѣется, мы будемъ брать этотъ классъ во всемъ его объемѣ, причисляя сюда и первогильдейцевъ и почетныхъ гражданъ, и держась только очень рѣзкаго различiя — *благородныхъ* и *неблагородныхъ*. Никто не станетъ спорить, что обвиненiя русской литературы послѣднихъ лѣтъ въ замкнутости, неразвитости жизни этого класса, ихъ отсталости и необразованiи совершенно справедливы. . Это совершенно ясно и очевидно: стòитъ только взглянуть на листъ ввозныхъ товаровъ, представить положенiе нашей внѣшней торговли, наконецъ сходить на биржу, прислушаться къ господствующему тамъ языку, хотя слегка познакомиться съ ходомъ и прiемами нашей торговли, и семейнымъ бытомъ этого класса, и обвиненiя мало того что оправдаются, а къ нимъ само собою присоединится множество другихъ.

Едва ли гдѣ гуще сумерки, гдѣ такъ необходимъ свѣтъ образованiя, необходимы, неотлагаемо необходимы сильные, рѣшительные, образованные, энергическiе дѣятели, какъ собственно въ торговомъ и вообще среднемъ классѣ. Едва ли гдѣ все такъ нестройно, такъ сбивчиво, такъ перемѣшались всѣ понятiя, какъ именно въ этомъ классѣ; онъ, не смотря на свое обманчивое наглядное однообразiе, такъ пестръ, такъ разнообразно настроенъ, что даже трудно близко и точно очертить его и уловить его истинный характеръ. Старыя по-

---

* Любопытно будетъ видѣть, что произведутъ вновь учрежденныя двѣ гильдiи и сближенiе сословiй въ городовомъ управленiи.

нятія и взглядъ на вещи и на дѣло, старый бытъ, замкнутость жизни, деспотизмъ въ семьѣ, въ дѣлѣ не доживаютъ своего вѣка, а еще живутъ во всемъ цвѣтѣ, въ полныхъ силахъ и крѣпко держатъ не мало свѣжихъ и молодыхъ силъ въ своихъ фальшиво-опытныхъ рукахъ. Немногіе изъ старыхъ, или взросшихъ на старомъ, понабрались новизны, пожалуй даже усвоили ея формы, но на дѣлѣ, и въ своихъ понятіяхъ, въ своемъ взглядѣ, остаются тѣми же, какъ и прежде; другіе допустили по необходимости частицу новизны, терпятъ ее, морщась, и ждутъ только случая прихлопнуть ее, выкинуть, уничтожить; третьи сознаютъ необходимость образованія, стараются не отстать отъ другихъ — какъ-нибудь воспитать дѣтей, но дѣлаютъ все это какъ бы ощупью, не зная еще какъ и чѣмъ взяться за это незнакомое имъ дѣло. Такую пестроту дополняютъ сильные практическіе природные умы, рядомъ опытовъ жизни и знаніемъ обстановки и общества достигающіе конечной своей цѣли — обогащенія; за тѣмъ нѣсколько отдѣльныхъ свѣтлыхъ личностей, наконецъ молодое, болѣе или менѣе, на разные голоса; образованное, но въ то же время не установившееся поколѣніе, съ своими претензіями на образованіе, съ своимъ умничаньемъ, со всѣми милыми качествами Липочки, въ извѣстной комедіи Островскаго.

Эта пестрота въ полномъ своемъ разнообразіи отражается во всемъ: и въ частныхъ, семейныхъ отношеніяхъ этого класса, и въ общественныхъ. Очевидно и понятно, что при такомъ положеніи вещей, общество это не покойно: оно шевелится, въ немъ происходитъ та внутренняя, часто мало замѣтная работа, которая рядомъ переворотовъ, побѣдъ съ одной стороны, и невольныхъ уступокъ съ другой, должна дать наконецъ надлежащее, болѣе разумное выраженіе классу. Изъ современнаго состоянія дѣла понятно также настоящее положеніе общества: не трудно угадать, на чьей сторонѣ до сихъ поръ перевѣсъ и кто до сихъ поръ его сильнѣйшій двигатель... Какъ бы то ни было, какъ бы часто ни повторялось прозвучавшее слово — прогрессъ, но тверды еще старыя основы, сильно еще самодурство, много еще потратится силъ на борьбу съ нимъ.

Постараемся же раскрыть эту борьбу, такъ какъ она стоитъ въ настоящее время: въ ней, вмѣстѣ съ какою-то необъяснимою слабостію, робостью и нерѣшительностію большинства немногихъ лучшихъ образованныхъ членовъ этого класса, мы видимъ главную причину стремленія къ переходу изъ одного класса въ другіе

Представимъ, что судьба и случай необыкновенно счастливо послужили молодому человѣку. Все способствовало къ возможно правильному его образованію. Онъ кончаетъ курсъ въ лучшемъ заведеніи, имѣющемъ цѣлію собственно-коммерческое образованіе; предъ нимъ двѣ дороги — одна университетъ и т. д.; другая — практическое примѣненіе знаній къ дѣлу — ремесло отцовъ. Съ самаго перваго шага его положеніе является какъ то двойственнымъ: съ одной стороны въ немъ затронута любознательность, ему данъ какой-то слабый, неясный намекъ обо всемъ, заронена *искра Божія*, которая только было начала разгораться; является необходимая потребность поддержать этотъ огонь; съ другой, онъ, хотя еще смутно, но уже чувствуетъ, что цѣль его иная, что его долгъ служить своему обществу, что вмѣняется даже въ обязанность въ коммерческихъ училищахъ для воспитанниковъ градскаго общества, (получающихъ образованіе на счетъ общества). Онъ оглядывается кругомъ, и надо сказать правду, мало находитъ отраднаго въ томъ, что видитъ. Члены училища, пожалуй, даже замѣчаютъ, что молодой человѣкъ не безъ дарованій, что человѣкъ онъ бѣдный, что надо бы помочь, но все это такъ близко соединено съ ихъ службой, съ недобровольными обязанностями, что едва успѣвши мелькнуть, оно живо и исчезаетъ, но кромѣ того, эти члены замѣчаютъ въ немъ *что-то такое*, чтò имъ не подходитъ. Вотъ это *что-то такое* на самыхъ первыхъ порахъ и является здѣсь въ самомъ незначительномъ зародышѣ тѣмъ, что со временемъ сдѣлается первою и важною причиною стремленія выйдти изъ своего званія. . . . .

Сознавъ нѣсколько свое положеніе, разсмотрѣвъ видѣнное и слышанное, ему невольно становится страшно за себя: онъ знаетъ, что онъ еще слишкомъ слабый боецъ, чтобъ выдержать ту борьбу, которую обусловило его образованіе. Едва

успѣлъ онъ заглянуть чрезъ немного приподнятый занавѣсъ, какъ его уже поразили и грязь и грубость и уродливость пріемовъ, и пестрота дѣла, и особыя сноровки дѣльцовъ. Другой міръ, другіе люди! объ нихъ онъ даже не имѣлъ и понятія, изучая историческое развитіе промышленности и дѣло *книжно*. Этотъ ложный страхъ, какъ выводъ невѣрно направленнаго образованія, съ одной стороны, и результатовъ иныхъ понятій съ другой, является первою и самою важною причиною другаго явленія, именно, почему у насъ такъ трудно, такъ враждебно въ вышеозначенномъ классѣ сходится наука съ жизнію, и вотъ съ этого уже разлада и начинается длинный рядъ испытаній, близкихъ столкновеній съ окружающею его средою, въ которой какъ кажется болѣе или менѣе человѣку воспитанному, все будто не такъ, какъ бы должно быть, и въ которой дѣйствительно много уродливаго. Результатомъ этого анализа обнаруживается третье явленіе, что, еще не имѣя никакихъ служебныхъ отношеній, онъ уже трудно сходится съ тѣмъ обществомъ, которому обязанъ служить. Мы еще постараемся воротиться къ этому предмету и просмотримъ весь рядъ этихъ любопытныхъ отношеній; теперь же обратимся къ одинаковой большею частію судьбѣ тѣхъ, которые бываютъ замѣчены большинствомъ, какъ люди не безъ способностей. И такъ молодой человѣкъ ищетъ занятія, съ разными, болѣе или менѣе вѣскими рекомендаціями. Онъ ходитъ отъ одной знаменитости промышленнаго міра къ другой. Какое же участіе принимаютъ эти знаменитости, даже службою своею обязанные принять участіе въ судьбѣ его? Чаще и скорѣй всего они отвѣчаютъ: „не знаю, батюшка, куда дѣвать васъ, вѣдь у меня дѣло простое: *языковъ иностранныхъ не нужно*, и прикащики въ черной работѣ, вамъ, пожалуй, она не поправится!“ Черная работа сейчасъ же пугаетъ молодаго человѣка, но нужда заставляетъ подавить этотъ ложный страхъ.

— Ничего, отвѣчаетъ онъ, — надо привыкать...

— Да нѣтъ-съ, вакантнаго мѣста-то нѣтъ! обратитесь-ка къ Ивану Ивановичу — ему, кажется, нуженъ человѣкъ. Обращается... [illegible]

— Такъ-то такъ съ, отвѣчаетъ Иванъ Ивановичъ, только вѣдь мнѣ къ амбару нуженъ человѣкъ простенькій. Вамъ бы надо что-нибудь почище; что жь въ самомъ дѣлѣ учились, учились, да въ такую должность вступать! Вы бы сходили къ Матвѣю Ивановичу, онъ человѣкъ самъ ученый, онъ могъ бы вамъ дать полезный совѣтъ.

Идетъ молодой человѣкъ къ Матвѣю Ивановичу. Матвѣй Ивановичъ говоритъ съ грѣхомъ пополамъ по французски и вмѣсто очковъ носитъ лорнетъ. У него есть даже контора: сидятъ трое прикащиковъ, изъ которыхъ главный, какъ большею частію бываетъ, получаетъ рублей пятьсотъ.

Входитъ молодой человѣкъ, добирается до Матвѣя Ивановича, объясняетъ ему дѣло, а Матвѣй Ивановичъ, отлагая все дѣло въ сторону, начинаетъ на своемъ оригинальномъ французскомъ языкѣ совершенно постороннее: какой-нибудь трактатъ о химіи, до которой онъ большой *охотникъ;* впрочемъ, какъ человѣкъ образованный, сажаетъ молодаго человѣка, въ противоположность необразованію, заставившему его, какъ просителя, стоять.

Долгое время съ терпѣніемъ выслушиваетъ молодой человѣкъ трактатъ о химіи; наконецъ, пользуясь усталостью Матвѣя Ивановича, старается обратить рѣчь къ своей просьбѣ.

— Да, о васъ-то? продолжаетъ Матвѣй Ивановичъ, — да что, батюшка, скажу вамъ, положа руку на сердце, что если хотите чему научиться, *по части торговли*, даю благой вамъ совѣтъ — *обратитесь къ нѣмцамъ.* Этотъ народъ у насъ все дѣло дѣлаетъ, и у нихъ все ведется въ порядкѣ, и людей много занято; они на это денегъ не жалѣютъ, а у насъ не то, развѣ вотъ только, развѣ у Александра Ивановича...

Почти вся внѣшняя торговля наша, какъ всякому давно извѣстно, находится въ рукахъ иностранцевъ, и по преимуществу Нѣмцевъ. Они захватили даже много и изъ внутренней. Прямое доказательство тому, что кромѣ С.-Петербурга, Риги, Одессы и другихъ приморскихъ и портовыхъ городовъ, много довольно большихъ, но по большей части мелкихъ конторъ лѣпятся въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, и такимъ образомъ, кромѣ внѣшней, на которую даетъ имъ какое-то странное и привилегированное право — наше незнаніе иностранныхъ

языковъ и пріемовъ международныхъ сношеній, или скорѣе наша лѣнь, равнодушіе и апатія, они проникаютъ и внутрь Россіи, захватываютъ, мѣшаются, интригуютъ и въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которая издавна составляла предметъ торговли и оборотовъ чисто-русскихъ фирмъ. Трудно объяснить, какъ этотъ смѣшанный германскій элементъ, съ которымъ, повидимому, мы не имѣемъ ничего общаго и расходимся почти въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ, могъ такъ смѣло и хитро достигнуть, большею частію на русскій же счетъ, до такого виднаго и рѣшительнаго положенія въ нашей промышленности и торговлѣ, и завязать такъ крѣпко свой хитрый узелъ; трудно объяснить это даже русскимъ равнодушіемъ и различными, не совсѣмъ удачными реформами. Во всякомъ случаѣ, это — предметъ довольно долгаго разбора; но какъ бы то ни было, положеніе нашей биржи и господство на ней иностранцевъ предметъ серьозный, о которомъ не мѣшало бы подумать, въ виду многихъ поднятыхъ улучшеній настоящаго благотворнаго времени.

И такъ, общество, воспитавшее молодаго человѣка, рѣдко находитъ среди себя мѣсто для него. Оно, по большей части, говоритъ, что у меня черно, а вамъ нужно почище, что *языковъ иностранныхъ мнѣ не нужно*, надо людей простенькихъ, одинъ пересылаетъ къ другому, и всѣ отзывы *можно* подвести подъ одну странную фразу, — что человѣку образованному нечего дѣлать въ этомъ обществѣ. Такъ ли это? Какъ нѣтъ дѣла тамъ, гдѣ на каждомъ шагу дѣло? На это очень ясно отвѣчаетъ одно оригинальное опредѣленіе дѣла — *дѣло заведенное!* Подъ дѣломъ заведеннымъ разумѣется дѣло, которое идетъ нѣсколько лѣтъ, по принятому уже одинъ разъ порядку, не смотря на то — хорошъ ли онъ или нѣтъ. Есть дома, которые не любятъ мѣнять служащихъ, не смотря на то — хороши они, способны и даже честны, или нѣтъ, а также измѣнять ходъ порядка дѣлъ, соображаясь болѣе или менѣе съ временемъ, хотя частію и видятъ, что старый порядокъ часто служитъ къ явному ущербу. Хозяева дѣла замѣчаютъ, положимъ, что главное распоряжающееся лицо, ими довѣренное, видимо радѣетъ о своей собственной пользѣ болѣе нежели о хозяйской; слышатъ, что со-

стояніе его растетъ годъ отъ году, что его квартира не хуже ихъ собственной, что у него и люди, и лошади, и экипажи,— они и не подумаютъ заглянуть хорошенько, серьозно въ положеніе своего дѣла; они убѣждены, что они богаты, что у нихъ домà, фабрики; нѣтъ и тѣни той мысли, что, можетъ быть, все это давно уже не ихъ. Всѣ изстари заведенные порядки идутъ прежней дорогой: тѣ же лица, тѣ же книги, тѣ же машины, тѣ же пріемы; время идетъ, одна новизна смѣняетъ другую, а у нихъ все двигается какъ встарь; явись новое лицо съ предложеніемъ своихъ услугъ, лицо, которое можетъ быть было бы полезно дому — отвѣтъ одинъ: нѣтъ мѣста у насъ, *дѣло заведенное*! Вдругъ неслышимо, невидимо, банкротство; лопается извѣстный богатый домъ. Отчего, почему? говорятъ всѣ, спрашиваютъ другъ друга, приходятъ въ какой-то паническій страхъ, а кредитъ, и безъ того мало развитый, еще болѣе укорачивается, стѣсняется.

Вотъ одинъ правдивый примѣръ старины и старыхъ воззрѣній, и странной, непонятной замкнутости, нежеланія принять въ дѣло свѣжихъ дѣятелей, а также вмѣстѣ съ тѣмъ и объясненіе, чтó именно заставляетъ искать выхода изъ своего званія.

Часто этотъ выходъ является, какъ спасеніе, на первомъ же шагу, при первой же попыткѣ. Нѣтъ мѣста, нѣтъ занятія! старые плуты, одѣтые въ дешевую честность, рыцари торгашества крѣпко еще сидятъ на своихъ мѣстахъ; они, какъ на врага, бросаются на все, на нихъ непохожее, и или испортятъ его, или постараются освободиться отъ него, или не допускаютъ его — нѣтъ мѣста, нѣтъ занятія! Что же дѣлать? Надо же *что-нибудь*.... И вотъ уже тутъ является мысль искать выхода изъ своего сословія, еще и не вступая въ него, по нуждѣ, по необходимости; вотъ и образуются изъ такихъ лицъ чиновники, учителя разныхъ уѣздныхъ училищъ, домашніе наставники, частные секретари, письмоводители. Они часто, сами не сознавая, изъ за куска хлѣба, увеличиваютъ касту, и такъ уже многочисленную, приносятъ скорѣй вредъ, нежели пользу, а между тѣмъ общество лишается можетъ быть полезнаго дѣятеля.

Возьмемъ теперь болѣе счастливаго, которому наконецъ пришлось найдти себѣ занятіе въ кругу своего общества, идти по той дорогѣ, къ которой онъ предназначенъ, по которой долженъ идти. При подобной судьбѣ замѣчаются различныя явленія: или человѣкъ, подъ гнетомъ окружающаго, при слабомъ характерѣ и еще шаткости убѣжденій, подчиняется обыденному ходу, становится въ ряды подвижниковъ старины, и вскорѣ самъ обращается въ гонителя своихъ прежнихъ убѣжденій: онъ дѣлаетъ уступки, уступаютъ и ему, или же онъ дѣлается особнякомъ въ этомъ обществѣ, и только по нуждѣ идетъ съ нимъ вмѣстѣ, или, наконецъ, не находя возможности примиренія выходитъ изъ своего званія. Неужели же до того сильно противодѣйствіе общества, что уже невозможно сойтись съ нимъ, хотя въ главныхъ взглядахъ на вещи и какъ-нибудь упрочить, мало по малу, свои къ нему отношенія? Кажется, что надо принять двѣ главныя причины этой разладицы и непрочности подобныхъ отношеній; первая и важная все таки заключается въ темныхъ, деспотическихъ и слишкомъ самобытныхъ понятіяхъ общества. Представить себѣ отношенія людей богатыхъ къ людямъ неимущимъ, старшихъ къ подчиненнымъ, и предъ вами раскроется цѣлый рядъ очень непріятныхъ, часто возмутительныхъ сценъ. Мало еще вошли въ этомъ обществѣ понятія учтиваго, гуманнаго обращенія; человѣкъ дающій средства къ жизни другому, считаетъ его уже человѣкомъ зависящимъ, слугою и смотритъ на него совершенно иначе, чѣмъ на людей, отъ него независящихъ. Въ голосѣ, въ манерахъ, во всемъ проявляется этотъ взглядъ; выраженія доходятъ до грубости, малѣйшая попытка — высказаться, со стороны служащаго, ведетъ часто къ разрыву. Изъ этого положенія только два выхода: или уступить, т. е. совершенно подчиниться обыденному ходу вещей — сдѣлаться совершенной машиной и исполнять все слѣпо, не разбирая, не думая и ни въ чемъ „не смѣть свое сужденіе имѣть"; или второе, — сдѣлаться *человѣкомъ нужнымъ*, т. е. узнать весь механизмъ дѣла, и особенно обратить вниманіе на тѣ пружины, которыми *по преимуществу* двигается дѣло, и дать понять, что онѣ извѣстны. Едва ли на то и на другое способенъ истинно образованный

человѣкъ: онъ скорѣе постарается избѣгнуть и того, и другаго. Во всѣхъ образованныхъ странахъ, на человѣка служащаго, особенно при коммерческомъ дѣлѣ, смотрятъ какъ на помощника; являясь участникомъ въ дѣлѣ, принимая на себя, за извѣстное вознагражденіе, его извѣстную часть, онъ принимаетъ также участіе въ печаляхъ и радостяхъ дома, которому онъ служитъ; онъ, нѣкоторымъ образомъ, его членъ и всегда имѣетъ въ него свободный входъ; часто, безъ его вѣдома, видя его усердіе и преданность, ему выдѣляется извѣстная, хотя и незначительная часть доходовъ, и нерѣдко, поступя бѣднякомъ въ должность, онъ оставляетъ ее со средствами начать что-нибудь на свой счетъ, и съ помощію стараго шефа, становится самостоятельнымъ. Есть и у насъ примѣры подобныхъ превращеній; есть, было и, надо надѣяться, будутъ и въ нашемъ купечествѣ нѣсколько свѣтлыхъ личностей, которые чисто по русски, въ пылу расположенія, облагодѣтельствовали не мало бѣдняковъ; но эти примѣры такъ рѣдки, что извѣстны почти каждому на перечетъ; большая же часть подобныхъ видоизмѣненій сопровождалась разными катастрофами, кончалась большею частію переходомъ капиталовъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, т. е. обогащеніемъ бѣднаго и обѣдненіемъ богатаго. Понятія же о томъ, какъ дорого то, чего невозможно заплатить никакими деньгами — хорошее, человѣческое обращеніе со служащимъ, данная ему доля участія въ семействѣ и постепенное расположеніе его такими средствами въ свою пользу, къ сожалѣнію, надо признаться, мало распространены. Если прибавить къ этому по большей части скудное содержаніе, прижимки, придирки всѣхъ родовъ, грязь помѣщенія, общество хозяйскихъ любимцевъ, развратъ и пьянство, почти какъ единственное удовольствіе подобныхъ людей, ихъ закоренѣлую ненависть ко всему, что̀ хотя не много выше ихъ, наконецъ, нерѣдкое сообщество какого-нибудь любимаго, лихаго наѣздника, кучера, помѣщающагося часто въ сосѣдствѣ и часто пользующагося бо̀льшимъ расположеніемъ хозяина, претензіи батюшкиныхъ и маменькиныхъ сынковъ, требованія потворства всѣмъ ихъ, по большей части, грязненькимъ затѣямъ; если представить при этомъ всю неурядицу дѣла, то будетъ легко понять, что

мысль — какъ нибудь выйдти изъ этого положенія и перемѣнить грязную каморку и сообщество круглыхъ невѣждъ на грязную канцелярію и чиновничество, приходитъ уже какъ мысль о спасеніи....

Это — одна сторона вышеозначенной разладицы и непрочности отношеній. Вторая также не менѣе важна: она состоитъ въ излишней требовательности тѣхъ, кто имѣетъ *претензіи* на образованіе и выдаетъ себя за *истиннаго* образованнаго.... Главный признакъ истиннаго образованія — совершенная твердость своихъ правилъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ уступчивость, мягкость, стараніе рядомъ очевидныхъ доказательствъ довести до желаемой цѣли. Истинно-образованный человѣкъ терпѣливъ; онъ заранѣе знаетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и что ему придется пережить и перенести; онъ до самой послѣдней возможности идетъ твердо по своей дорогѣ, шагъ за шагомъ, покойно, — наружно, хотя, быть можетъ, онъ въ это время и переживаетъ одну изъ трудныхъ минутъ; онъ только тогда бросаетъ дѣло, когда убѣдится, что оно неисправимо, и что идти впередъ нѣтъ никакой возможности; тогда только онъ ищетъ выхода изъ него.

Къ сожалѣнію, такихъ людей слишкомъ еще мало, даже и среди лучшихъ членовъ средняго сословія. Большая часть уже слишкомъ впечатлительна, ихъ сердитъ и возмущаетъ часто каждая бездѣлица, они стараются изъ подъ пеплу достать искру, раздуть ее въ пожаръ и кричать о помощи. Бывши воспитаны односторонне, теоретически, они съ перваго шагу, своими идеями, заносчивыми планами, дурно располагаютъ къ себѣ опытныхъ, часто дѣловыхъ практическихъ людей; они не хотятъ ни въ чемъ имъ уступить, и такимъ образомъ, сами бываютъ часто виновниками раздора. Рѣдко ли приходится слышать отъ нашихъ купцовъ, что *всѣ люди ученые — въ торговлѣ — люди негодные?* Это выраженіе какъ нельзя больше является обличителемъ и той и другой стороны, и ярко выставляетъ обоюдные недостатки. Основанія причины этой второй стороны разладицы надо искать уже въ направленіи образованія. Что же дѣлаютъ наши коммерческія училища, которыя основаны *именно съ цѣлію образованія купеческаго сословія* и представители и члены которыхъ

выбираются изъ именитыхъ, первостатейныхъ купцовъ. Принаровленъ ли способъ преподаванія *) къ потребностямъ общества и торговли? Знакомы ли начальники и преподаватели съ этими потребностями? Имѣютъ ли они доступъ, или, скорѣй, есть ли у насъ желаніе снизойти до купеческаго общества, на которое вообще эти наставники смотрятъ, или по крайней мѣрѣ смотрѣли до сихъ поръ, свысока и сходились только въ необходимыхъ случаяхъ жизни? Этотъ вопросъ нельзя рѣшить въ немногихъ словахъ: онъ предметъ серьознаго разбора, а между тѣмъ дѣло, сущность, т. е. то, что мы видимъ, то, что есть на самомъ дѣлѣ, — громко и дерзко говоритъ, что нѣтъ и нѣтъ. Вездѣ безотрадное „нѣтъ"! Зачѣмъ же и почему же это „нѣтъ"? А между тѣмъ, какія слѣдствія подобнаго, невольнаго отвѣта?.... Это разладица, и какъ слѣдствія ея, малое образованіе общества, малая представительность въ европейской торговлѣ, почти несамостоятельность ея! Благодаря Бога, наконецъ, хотя еще не смѣло, слабо, но стали показываться начала этихъ давно желаемыхъ, прямыхъ, непосредственныхъ сношеній, все шевельнулось, и общество какъ бы дружнѣе соединилось въ преслѣдованіи своихъ насущныхъ цѣлей; но вышеприведенная разладица, нестройность общества, все еще очевидны, и выходъ изъ своего званія все еще является какъ бы задушевною, заповѣданною мыслію и цѣлію!!

Много ожиданій впереди **), есть уже надежда на перемѣну и пошлинъ съ торговли, на измѣненіе банкротскаго устава, на отмѣну гильдій, на большія права торгующаго сословія въ интересахъ своего званія; остается еще сдѣлать не малое: — развить, соотвѣтственно требованіямъ времени, наше коммерческое образованіе.

Много уже и запасовъ этимъ ожиданіямъ, не обольщаясь которыми, надо наконецъ думать, что скоро будетъ понято всѣми, или по крайней мѣрѣ многими, то, что составляетъ теперь горячее убѣжденіе немногихъ; что наконецъ ком-

*) Собственно о потребностяхъ нашего коммерческаго образованія мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

**) Это было писано нѣсколько лѣтъ тому назадъ, кое что уже сбылось.

мерческія заведенія займутся своимъ назначеніемъ — *коммерческимъ образованіемъ*, всмотрятся въ современныя потребности, директоры явятся людьми опытными, знакомыми съ этими потребностями, и измѣнивши до сихъ поръ существующій, почти гимназическій курсъ, замѣнятъ его тѣмъ, что воспитаетъ молодыхъ людей, сообразно ихъ назначенію; что поймутъ наконецъ эти заведенія, что общество ожидаетъ отъ нихъ способныхъ дѣятелей, приготовленныхъ къ трудному дѣлу, ожидаетъ образованныхъ купцовъ, а не людей, набравшихся верховъ, часто никуда не ведущихъ къ дѣлу, и даже портящихъ свѣжую натуру; что обществу нужны люди, знающіе то, въ чемъ они отстали, владѣющіе необходимыми для дѣла языками, знакомые съ главными основаніями счетоводства, усидчивые, терпѣливые, настойчивые, дѣятельные; что имъ на долю выпадаетъ пролагать новую дорогу, а вмѣстѣ съ тѣмъ хорошенько вглядѣться въ старое; что фабрикантъ ищетъ человѣка свѣдущаго въ технологіи, въ химіи; что ему необходимо быть ознакомленнымъ съ тѣмъ, въ чемъ его усовершенствуетъ опытъ; купецъ хочетъ помощника, который бы помогъ ему въ томъ, чему онъ въ свое время самъ не научился; что молодые люди должны быть проникнуты идеей честности, строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей, уступчивостью по необходимости и настойчивостью тамъ, гдѣ нужно; что имъ будетъ внушено, что купцу, кромѣ того, чтобы заботиться о своихъ собственныхъ выгодахъ, надо быть и гражданиномъ и человѣкомъ; что въ его рукахъ лежитъ судьба многихъ, что на него, со временемъ, лягутъ многія служебныя обязанности, на которыя онъ долженъ смотрѣть не какъ человѣкъ посторонній, а какъ исполнитель и какъ довѣренный общества; что не имъ долженъ управлять секретарь мѣста его службы по выборамъ, а онъ давать направленіе и ходъ дѣлу, потому что дѣло ему должно быть болѣе близко и болѣе знакомо. Поймутъ наконецъ и члены этихъ заведеній, что выборъ ихъ обществомъ не есть счастливый случай избѣжать *службы*, удалиться отъ всѣхъ треволненій и пріѣзжать нѣсколько разъ въ годъ, или на дому подписывать что̀ ихъ попросятъ, а дѣло серьозное, живое дѣло, святая обязанность направленія воспитанія, — слѣдовательно

цѣлая судьба молодаго человѣка; что пора наконецъ откинуть эту сладкую дремоту, этотъ восточный far niente, а взяться за дѣло серьозно; что пора не избѣгать, не прятаться отъ того, что̀ громко проситъ о помощи; что его обязанность въ мертвыя формы вдохнуть жизнь, что нечего бояться книжной премудрости, а пора вносить въ нее житейскую мудрость; что нечего даже бояться своего необразованія, своего ученія на мѣдныя деньги, которое если не вполнѣ замѣнено, то по крайней мѣрѣ скрыто за опытомъ; что наука, особенно въ такомъ образованіи, какъ коммерческое, мертва безъ жизненнаго опыта, безъ того, что̀ на дѣлѣ замѣчалъ собственный глазъ; что ихъ обязанность указать то, что̀ направитъ наука; что онъ въ сынѣ, въ внукѣ долженъ стараться искать того, чего не могъ найти въ себѣ; что подъ его надзоромъ должны образоваться новые дѣятели, которые съ мѣткимъ, сильнымъ, практическимъ русскимъ умомъ, соединятъ европейское образованіе; что они надежда общества!

Поймутъ, надо также надѣяться, и воспитатели, и наставники, что имъ мало ихъ спеціальнаго, научнаго образованія, что они должны вглядѣться въ потребности общества, войти въ кругъ его, повѣрить опытомъ свои знанія, и что пора оставить свою любимую привычку держаться отдѣльно въ своемъ кружкѣ, жить изолированно и пренебрегать тѣмъ, что̀ никогда не заслуживало пренебреженія; поймутъ, что болѣе всего и чаще всего многое можно почерпнуть и многому научиться и въ простыхъ незатѣйливыхъ словахъ простаго, но практическаго человѣка; что къ нимъ не пристанетъ то, что ложно и фальшиво, и что только опытъ, повѣренный наукою, какъ грязная, расплавленная и очищенная отъ примѣсей руда, даетъ чистое золото.

Только этими общими усиліями опыта и знаній, только истиннымъ желаніемъ счастія и пользы молодому поколѣнію, можно надѣяться имѣть со временемъ такихъ людей, какихъ у насъ еще такъ мало, и которыхъ приготовили или счастливый случай, или заграничное воспитаніе; такихъ людей, которыхъ ждетъ, желаетъ, проситъ наша промышленность.

Въ этихъ легкихъ очеркахъ мы старались разсмотрѣть причины выхода *лучшихъ* членовъ средняго класса изъ сво-

его званія. Нами приведены серьозныя причины, часто доводящія до вынужденія выхода. Мы съ намѣреніемъ подчернули слова *лучшихъ*, и именно потому, что старались представить судьбу человѣка ищущаго средствъ къ жизни, что́ уже обязываетъ нѣкоторымъ образомъ къ большему совершенству и большему совершенствованію. Надо бы быть совершенно несправедливымъ, если бы къ числу ихъ не присоединить и людей съ независимымъ состояніемъ, хотя въ ихъ довольно частомъ выходѣ и несправедливомъ пренебреженіи своимъ званіемъ болѣе произвола и капризовъ, нежели въ вышеприведенныхъ отношеніяхъ. Къ несчастію, у насъ еще живо понятіе, что купеческое званіе — званіе *непочетное*. Дѣйствительно, было, даже и въ послѣднее время, много горькихъ опытовъ, гдѣ приходилось сознавать невыгоду своего положенія, и нерѣдко еще приходится испытывать обращеніе гоголевскаго городничаго, а именно въ томъ тонѣ, какимъ онъ начинаетъ говорить сосватавши свою дочку за важное лицо. Но едва ли доля вины не падаетъ въ этомъ случаѣ на принадлежащихъ къ купеческому сословію. Они кажется не лишены своихъ правъ, но по большей части остаются въ невинномъ невѣдѣніи оныхъ, и кромѣ того нерѣдкіе, собственные грѣшки заставляютъ ихъ забывать объ этихъ правахъ. Духъ большинства заражаетъ остальныхъ. Молодому поколѣнію, выросшему въ другихъ понятіяхъ, по большей части довольно смѣшанныхъ, учившемуся кое-чему и какъ-нибудь, это положеніе купца первое бросается въ глаза; слово „купецъ" звучитъ для него какъ-то дико, и онъ, самъ того не замѣчая, весьма часто доходитъ до пренебреженія своимъ званіемъ, вмѣсто того, чтобъ полюбить его всей душею, и со временемъ явиться его достойнымъ представителемъ... Не говоримъ о тѣхъ исключеніяхъ, которыя, ходомъ своего развитія, природными способностями, чувствуютъ себя предназначенными къ чему-либо другому: литераторъ, художникъ, артистъ, родившійся купцомъ, дѣлаетъ не менѣе чести своему сословію, если бы даже изъ него, вмѣсто этого, вышелъ замѣчательный промышленникъ. Указываемъ только на тѣхъ выскочекъ, которые, не бывъ особенно ни къ чему предназначены, не неся на себѣ той вышеприведенной невыносимой

тяготы, пренебрегаютъ своимъ сословіемъ, и званіе купца въ нашъ промышленный вѣкъ, считаютъ званіемъ непочетнымъ

Въ статьѣ нашей мы взяли одну часть средняго класса — собственно купечество; всѣ приведенныя отношенія двухъ партій въ остальныхъ званіяхъ можетъ уясниться изъ сравненія. Надо знать, что купечество все-таки считается однимъ изъ образованныхъ городскихъ обществъ.

III.

Потребности нашего коммерческаго образованія.

Подъ словомъ „купецъ" у насъ сложилось какое-то странное и мало-опредѣленное понятіе. Одни разумѣютъ въ немъ что-то необычайно дѣльное и прибыльное, самостоятельное и характеристическое; другіе видятъ въ немъ какую-то безобразную отсталость, объѣдающуюся и опивающуюся, скаредную и полудикую; третьи смѣшиваютъ это понятіе съ понятіемъ о породѣ, видятъ въ немъ особенную рассу. Изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ взглядовъ можно заключить положительно только одно: русское купечество составляетъ общество. Но что же это за общество и какія его потребности? Чтобы познакомиться съ этимъ обществомъ болѣе подробно, мы совѣтуемъ нашимъ читателямъ перечитать статью г. Добролюбова „Темное царство" написанную по поводу комедій г. Островскаго; сами же скажемъ нѣсколько общими словами, что купеческое общество — есть общество довольно самостоятельное, характеристическое, черезъ-чуръ упрямое, малосообщающееся съ другими обществами, въ *общемъ* мало развитое и распадающееся на нѣсколько отдѣловъ, одинъ на другой болѣе или менѣе похожихъ и идущихъ по одному и тому же направленію, подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ.

Обратимъ вниманіе на отдѣлы этого общества, на его такъ сказать, ступени или степени.

Есть дома, хотя ихъ и очень немного, которые своимъ образованіемъ, дѣятельностію и образомъ жизни ничѣмъ не уступаютъ такъ называемымъ вполнѣ образованнымъ домамъ высшаго нашего общества и отличаются отъ последнихъ развѣ только особеннымъ купеческимъ тактомъ, особымъ, яснымъ взглядомъ на вещи; къ этому отдѣлу можно отнести нѣкоторыхъ изъ торгующихъ, особенно петербургскихъ, и нѣкоторыхъ фабрикантовъ. Эти особи стоятъ, такъ сказать, на рубежѣ купечества, и главное ихъ желаніе самая задушевная мысль (за весьма рѣдкими исключеніями) — перейти этотъ рубежъ, сблизиться потѣснѣе съ слѣдующимъ рангомъ и, если возможно, попасть въ его члены. Этотъ отдѣлъ какъ бы стыдится своего общества. Конечно, и тутъ есть исключенія. Далѣе слѣдуетъ средній классъ, къ сожалѣнію не самый многочисленный, — классъ, который, кажется безошибочно, можно назвать лучшимъ, хотя въ немъ есть и самодурство, и своего рода дикость, и чванство, и приданоманія, и безобразное вѣденіе дѣлъ, и т. п., хотя и въ немъ нерѣдко, также какъ и въ высшемъ классѣ, въ *аристократіи купечества*, встрѣчаются члены, стремящіеся выдти изъ своего положенія и старающіеся приблизиться къ аристократіи, подражая ей отъ покроя платья и жены-аристократки до набора на збруѣ — включительно; но все-таки въ этомъ среднемъ классѣ, какъ намъ кажется, болѣе зачатковъ развитія, болѣе дѣла, болѣе дѣятелей.... Наконецъ, слѣдуетъ классъ самый многочисленный, самый *темный*, шевелящійся и двигающійся по разнымъ распутіямъ и дорогамъ и дробящійся, въ свою очередь, также на множество отдѣловъ, границами которыхъ можно, пожалуй, поставить „Дикого" и его племянника „Бориса", изъ драмы Островскаго: „Гроза".

Возвращаемся опять къ нашему вопросу. Какія же потребности такого многосторонняго общества? Отвѣчаемъ: образованіе, о которомъ твердятъ издавна и на всѣ голоса, широкое, солидное, коммерческое образованіе! Для купеческаго образованія у насъ два рода училищъ т. п. Коммерческія и Мѣщанское...

Можетъ ли же мѣщанское училище удовлетворить современнымъ потребностямъ коммерческаго общества и быть про-

водникомъ требуемаго образованія? Не думаемъ, чтобъ могло. Отдастъ ли, напримѣръ, купецъ аристократъ своего сына въ мѣщанское училище? Что будетъ дѣлать сынъ купца средняго класса въ этомъ училищѣ? Наконецъ, что сдѣлаетъ мѣщанское училище для купца даже послѣдняго класса?... Всѣ эти вопросы раждаются невольно, сами собою, и чтобъ отвѣчать на нихъ, слѣдовало бы, хотя вскользь, прослѣдить дѣла нашего купеческаго общества въ ихъ разнообразіи, о чемъ мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Наше коммерческое дѣло очень разнообразно и разнохарактерно; оно еще не сложилось, какъ слѣдуетъ, не установилось, оно по большей части еще *бродитъ*, выработываетъ себѣ форму. Представьте себѣ только нашу кругло-годовую ярморочную торговлю, представьте эти переѣзды, перевозы, разнообразіе требованій вкуса, условія мѣстныя, климатическія, характеръ народа разныхъ губерній; прослѣдите мысленно все торговое дѣло Россіи, начиная съ Петербурга, гдѣ оно встрѣчается съ заграничнымъ дѣломъ, которое, къ несчастію, менѣе нежели гдѣ-либо, при плохомъ нашемъ коммерческомъ образованіи, зависитъ отъ русскаго общества; перейдите къ центру русской промышленности и исходу нашей внутренней торговли — Москвѣ; прослѣдите движеніе Украинской торговли во всемъ ея разнообразіи; удѣлите часть вниманія сѣвернымъ и южнымъ портамъ: и русское коммерческое дѣло явится передъ вами во всей своей громадности и во всемъ разнообразіи.... Можно ли же его считать такъ мало значительнымъ, такъ мало заслуживающимъ вниманія, чтобъ удовольствоваться, для его правильнаго веденія, тѣми знаніями, которыя даетъ мѣщанское училище?

Остановимся для большей ясности хоть на двухъ главныхъ пунктахъ русской торговли: Петербургѣ, — какъ главномъ мѣстѣ нашей внѣшней торговли, — и Москвѣ — центрѣ мануфактурной промышленности.

Всякому, кто сколько-нибудь знаетъ дѣла Петербурга, кто хоть временно просматриваетъ *листы* привозныхъ товаровъ, кто, наконецъ, хоть по наслышкѣ знакомъ съ положеніемъ внѣшней торговли, хоть, пожалуй, по бесѣдамъ купца Вавилова, тому, конечно, болѣе или менѣе извѣстно, что она нахо-

дится не въ завидномъ положеніи относительно участія въ ней русскаго купечества. Что же за причина такого страннаго, не одно уже столѣтіе продолжающагося положенія? Что за странность, что для пріема иноземныхъ гостей, для переговоровъ съ ними, наконецъ для обмѣна съ ними того, что̀ имъ нужно, на то̀, что̀ намъ требуется, образовалось, само собою и безъ препятствій, особенное, будто уполномоченное ото всѣхъ русскихъ людей, совершенно не русское общество, которое пользуется извѣстными льготами и немалымъ матерьяльнымъ вознагражденіемъ, — извѣстнымъ споконъ вѣка подъ наименованіемъ коммиссіи — дель-кредере и т. п. Въ наше время вопросъ этотъ вызываетъ слишкомъ длинный отвѣтъ; въ былое же время на него можно было бы отвѣтить однимъ словомъ: причина — *необразованіе*, т. е, недостатокъ образованія и, какъ слѣдствіе этого, невозможность завязать прямыя сношенія съ иностранцами. Можно, кажется, смѣло сказать, что большая часть вины жалкаго состоянія нашихъ внѣшнихъ сношеній, не говоря уже о прошломъ времени, даже и до сихъ-поръ, когда пробуждается мысль о народномъ образованіи, заключается въ шаткомъ, неспеціальномъ, въ несознающемъ своихъ недостатковъ нашемъ коммерческомъ образованіи....

Перейдемъ же къ посильному изложенію того, какое образованіе необходимо для человѣка коммерческаго.

Если невозможно согласиться съ мнѣніемъ г. Ордынскаго *) относительно мѣщанскаго училища, то мы совершенно вѣ-

*) Б. И. Ордынскій затронулъ вопросъ о коммерческомъ образованіи, настоящая статья была ему отвѣтомъ для полноты котораго приводимъ и начало статьи.

„Теплота безпристрастія въ человѣкѣ — порокъ, хотя въ человѣчествѣ — достоинство и есть цѣль къ которой стремится оно: слыша разное мнѣніе объ одномъ предметѣ, общество, человѣчество составляютъ болѣе или менѣе истинное понятіе: „du choc des opinions jaillit la verité“.

Какъ подобныя размышленія пришли въ голову г. Ордынскому, при чтеніи напечатанной въ 27 № „Московскаго Вѣстника“ замѣтки г. Л. Оптухина объ изученіи классическихъ языковъ, такъ почти подобное же приходитъ и мнѣ на мысль, при разсмотрѣніи одного мѣста его „Замѣтки на замѣтку“, помѣщенной въ 32 № „Московскаго Вѣстника“ и заключительныхъ словъ одного изъ внутреннихъ обозрѣній (30 №) того же Вѣстника подписанныхъ г. Вес.—Долгимъ.

римъ въ приводимый имъ примѣръ о нѣкоемъ воспитанникѣ одного коммерческаго училища, который произнося на актѣ рѣчь на иностранномъ языкѣ, не могъ потомъ написать простаго письма на томъ же самомъ языкѣ. Совершенно справедливы также слова г. Ордынскаго: *такъ преподаются новые языки и вездѣ у насъ.* А въ коммерческихъ училищахъ добавимъ мы отъ себя, едва ли не хуже, чѣмъ гдѣ-нибудь, хотя важность знанія языковъ для человѣка коммерческаго едва ли не важнѣе знанія многихъ другихъ предметовъ. Одно уже то, что безъ языкознанія русской внѣшней торговли никогда не быть самостоятельной: знаніе иностранныхъ языковъ есть первый, самый важный шагъ къ прямымъ сношеніямъ съ иностранцами.

Для большей ясности, какъ нашей мысли, близкой къ вышеприведенной, такъ и повода, по которому мы хотимъ сказать нѣсколько словъ *о потребностяхъ нашего коммерческаго образованія,* приводимъ здѣсь два мѣста той и другой статьи.

Г. Ордынскій, послѣ изложенія совершенно правдивыхъ недостатковъ нашего общаго образованія, послѣ нѣсколькихъ, также безусловно вѣрныхъ, словъ о гимназіяхъ, переходитъ къ одному училищу, и по поводу его говоритъ нѣсколько словъ собственно о коммерческомъ образованіи.... Мы приводимъ здѣсь вполнѣ это мѣсто.

„Я знаю только одно училище, вполнѣ достигающее своей цѣли *и удовлетворяющее насущнымъ потребностямъ современнаго нашего общества.* Оно не казенное, — *это московское мѣщанское училище.* Купцы, *завѣдывающіе имъ* (?), ограничась немногими предметами, денегъ на учителей *не жалѣютъ;* потому тамъ очень хорошіе учители; *и потому кончившихъ въ немъ курсъ учениковъ берутъ нарасхватъ купцы и фабриканты....* Всѣ они выучиваются *четко и красиво писать,* и притомъ граматно; всѣ знаютъ основательно ариѳметику и *бухгалтерію,* и только. *Да больше купцамъ нашимъ теперь и не нужно* (?) Притомъ въ мѣщанскомъ училищѣ *нѣтъ и тѣни той фанаберіи,* которой отличаются воспитанники другихъ нашихъ училищъ. Прошу помнить прежніе слова мои: *мѣщанское училище удовлетворяетъ насущнымъ потребностямъ современнаго нашего общества.... Я вовсе не желалъ бы,* чтобъ всѣ наши училища *всегда* походили на мѣщанское; но почему же не отдать ему справедливости? Не лучше ли оно удовлетворяетъ *современнымъ нашимъ потребностямъ,* чѣмъ иныя, такъ называемыя. коммерческія училища?

Предоставляя себѣ право, нисколько не входя въ полемику, сказать противъ этого нѣсколько словъ, дѣлаемъ предварительно также выписку изъ статьи г. Вес. — Долгаго, который, сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній по поводу уравненія правъ иностранцевъ съ русскими подданными въ Россіи и очертивъ состояніе нашего рынка и нашихъ внѣшне-торговыхъ сношеній, кончаетъ слѣдующимъ:

Почему же до сихъ поръ, когда уже два коммерческія заведенія отпраздновали свои пятидесятилѣтніе юбилеи, такъ мало въ нашемъ купечествѣ людей, основательно знающихъ иностранные языки? Виноваты въ этомъ, безспорно, вопервыхъ заведенія, — виноваты они тѣмъ, что до сихъ поръ не изыскали способовъ устроить такъ, чтобъ преподаваніе шло успѣшно и достигало своей цѣли. Причину же не успѣха мы видимъ, главное, въ слишкомъ многосложной программѣ; въ томъ, что второстепенные и даже третьестепенные предметы берутъ слишкомъ много времени; наконецъ, и въ томъ еще, что очень и очень недавно, да и то не совсѣмъ, предметы преподаванія начали получать степень важности по своему назначенію, по своей необходимости. Однимъ словомъ, на дѣло образованія смотрѣли слишкомъ долго неопытными глазами и распоряжались имъ подъчасъ люди ни мало не вникавшіе въ потребности купеческаго дѣла и общества; а потому, вовторыхъ, виновато, слѣдовательно, и само купеческое общество.

Посмотримъ же теперь что̀ и какъ преподается въ нашихъ коммерческихъ заведеніяхъ и по сію пору. Вотъ ихъ программа:

„Въ виду всего этого, нельзя не воскликнуть въ слухъ нашего коммерческаго сословія: *господа, побольше ассоціацій, и пуще всего — побольше образованія; ради Бога, побольше широкаго солиднаго коммерческаго образованія. Правильныя ассоціаціи и солидное коммерческое образованіе суть единственные спасители нашей отстающей торговли вообще*, т къ и въ *частности* — единственные спасители ея отъ иностранныхъ конкурентовъ, которые въ своей способности къ ассоціаціямъ и въ своемъ образованіи несутъ естественные элементы коммерческаго надъ нами преобладанія“

Du choc des opinions jaillit la verité!

Хотя на основаніи этой поговорки, приводимой г. Ордынскимъ, попытаемся помирать его слишкомъ скромныя требованія отъ коммерческаго образованія съ вышеприведеннымъ вызывомъ г. Вес. — Долгаго: не уяснятся ли изъ этого, хотя сколько-нибудь, потребности нашего коммерческаго образованія?...

Прежде всего обратимъ вниманіе на поводъ нашей статьи — на слѣдующее положеніе г. Ордынскаго:

„*Мѣщанское училище удовлетворяетъ насущнымъ потребностямъ современнаго нашего общества*, говоритъ г. Ордынскій.

Мы напротивъ думаемъ и даже увѣрены, что оно далеко не удовлетворяетъ потребностямъ нашего купеческаго общества.

1) Законъ Божій. 2) Русскій языкъ, грамматика, словесность съ ея исторіею.... 3) Языки: нѣмецкій, французскій англійскій и для желающихъ въ прежнее время, а можетъ быть и теперь новогреческій. 4) Исторія—общая и отечественная. 5) Географія. 6) Ариѳметика, Геометрія, Алгебра. 7) Химія и Физика. 8) Естественная Исторія: Минералогія, Ботаника и Зоологія. 9) Технологія. 10) Бухгалтерія и Наука о Торговлѣ.... 11) Исторія Промышленности. 12) Коммерческая География. 13) Законовѣдѣніе. 14) Товаровѣденіе. 15) Чистописаніе. 16) Черченіе и рисованіе. 17) Пѣніе, танцованіе и въ нѣкоторыхъ—гимнастика.

Программа, какъ можно видѣть, не краткая, и надо, дѣйствительно, не мало трудовъ и усилій, чтобъ вынести хотя о чемъ-нибудь основательное знаніе, исполнивъ требованія заведенія—знать каждый предметъ *удовлетворительно.*

Оставляя въ сторонѣ предметы общаго образованія, безъ которыхъ, разумѣется, не мыслимо и коммерческое, обратимъ вниманіе на предметы, такъ называемые, *спеціальные*, стоящіе, по нашему мнѣнію, на второмъ планѣ въ составѣ коммерческаго образованія, именно—за языкознаніемъ. Вотъ они: 1) математика, 2) бухгалтерія и сводъ предварительныхъ понятій о торговлѣ, называемый *наукою о торговлѣ*, 3) исторія промышленности, 4) коммерческая географія и при ней (въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ) самыя краткія понятія о политической экономіи, 5) законовѣдѣніе (собственно: общія понятія гражданскія и купеческія [вексельный, банкрутскій уставъ и проч.]), товаровѣденіе, 7) технологія, 8) химія.

Оказывается, что и этихъ предметовъ не мало. Отдѣливъ отъ нихъ общіе, т. е. математику, химію, технологію и, пожалуй, часть бухгалтеріи, мы имѣемъ полное право спросить про остальные: по какимъ руководствамъ преподаются они въ коммерческихъ заведеніяхъ? Изъ отвѣта нашего усмотрится новый недостатокъ въ нашемъ коммерческомъ образованіи и явится новая его потребность. Отвѣтъ же нашъ будетъ состоять изъ небольшой выписки изъ той же статьи г. Ордынскаго.

„... Все это подвергалось безпрестаннымъ измѣненіямъ: отъ того ни что не окрѣпало, ни что не принималось прочно.

Вздумалось, напр., ввести естественныя науки, а учителей и учебниковъ нѣтъ; и вотъ только что кончившіе курсъ студенты, узнавшіе естественныя науки большею частью лишь по лекціямъ профессорскимъ, не всегда удовлетворительнымъ и всегда непригоднымъ для малолѣтныхъ учениковъ, стали вдалбливать въ головы двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ частью университетскія лекціи и частью плохіе учебники.... Ботаника, напр., передавалась съ латинскими названіями растеній, тогда какъ латинскому языку не учили.... И все шло и идетъ у насъ такимъ порядкомъ."

Совершенно справедливо! Гдѣ у насъ, дѣйствительно, руководства, гдѣ учебники? Мы (говоря собственно о коммерческомъ образованіи) ихъ не знаемъ и не видали, кромѣ развѣ: *Науки о торговлѣ*, изданной г. Псищевымъ, книги положительно плохой, какъ свода предварительныхъ свѣдѣній; нѣсколькихъ примѣрныхъ бухгалтерій, лучшею между которыми до сихъ поръ едва ли не остается одна изъ самыхъ старыхъ, составленная г. Емельяновымъ; да немногихъ сборниковъ и выписокъ изъ законовъ по законовѣдѣнію.

Какъ же и по чему преподаются вышеозначенные предметы въ коммерческихъ училищахъ?

Преподаваніе всѣхъ этихъ предметовъ, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ ограничивается разными выписками, болѣе или менѣе неполными, сбивчивыми и заимствованными изъ старыхъ сочиненій,—выписками, которыя переходятъ съ курса на курсъ, отчасти исправляясь и дополняясь. На сколько они могутъ быть полезны для учащихся — предоставляемъ судить тѣмъ, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ ними; съ своей же стороны скажемъ, что всѣ выписки эти, наскоро составленныя, скроенныя изъ разныхъ, отдѣльныхъ, мало вяжущихся частей, едва ли могутъ служить руководствами, достигающими цѣли.

Представьте же теперь невыгоды подобнаго преподаванія: вопервыхъ, воспитанники, даже при желаніи чему-нибудь научиться, могутъ по нимъ нахвататься только однихъ верхушекъ, да разныхъ отрывочныхъ свѣдѣній; вовторыхъ, сколько времени учащіеся теряютъ на одно переписываніе этихъ записокъ, и, наконецъ, въ третьихъ — что за сумбуръ

выносится воспитанникомъ послѣ такого ученія?!.. Мудрено ли послѣ этого, что остается мало времени на то, что составляетъ первую и самую важную потребность коммерческаго образованія: хоть, напр., опять таки на изученіе иностранныхъ языковъ?

Послѣ этого, намъ кажется, что вторая насущная потребность для коммерческаго образованія состоитъ въ составленіи хорошихъ руководствъ по вышеупомянутымъ предметамъ. Книга все таки дѣло публичное и подлежитъ критикѣ; выписки же и записки—вообще дѣло домашнее и темное.

Замѣтимъ еще, что вышеприведенная нами програма носитъ какой-то двойственный характеръ: съ одной стороны, мы видимъ въ ней предметы, касающіеся прямо торговли, а съ другой—предметы чисто техническіе. А такъ какъ разомъ всему научиться невозможно, то не лучше ли было бы коммерческимъ училищамъ ограничиться предметами общими и предметами спеціально-касающимися торговли, предоставивъ техническіе другимъ заведеніямъ, которыя у насъ уже имѣются. Конечно, если взять въ разсчетъ мануфактурную мѣстность, напр. хоть Московскую или Владимірскую губерніи, то, разумѣется, придемъ къ тому заключенію, что фабриканту необходимо понимать и научно свое производство, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ должно выбирать, что для кого необходимѣе въ будущемъ, по роду его занятій.

Взявъ во вниманіе все вышеприведенное и зная, что часы для занятій распредѣлены не по важности предметовъ, —зная, что мало обращается вниманія на различіе между предметами необходимыми и второстепенными, конечно мы не можемъ дѣлать особенно-сильныхъ упрековъ нашимъ коммерческимъ заведеніямъ, но повторимъ, что ихъ программа страдаетъ многосложностью и пестротою, — что въ ней много вывѣсочнаго и что коммерческое воспитаніе не достигаетъ своей цѣли. Удивительно ли же, что къ приводимому г. Ордынскимъ примѣру невольно можно присоединить и многіе другіе, повторяющіеся чуть ли не ежедневно. Такъ, напримѣръ, говорятъ, что нерѣдко и лучшіе воспитанники, окончившіе курсъ въ коммерческихъ училищахъ, очень долго ничего не понимаютъ въ коммерческомъ дѣлѣ, — не понимаютъ самыхъ про-

стыхъ вещей, не могутъ, какъ слѣдуетъ, написать счета, перевести и составить фактуры, накладной, не говоря уже объ иностранныхъ конто курантахъ, гдѣ счетъ всегда на иностранную монету и съ иностраннымъ вѣсомъ, — не понимаютъ отсылаемыхъ за границу продажныхъ счетовъ, не могутъ повѣрить такъ называемыхъ conto-finto, не составятъ ни одной болѣе или менѣе легкой калькуляціи. И во всемъ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: воспитанники коммерческихъ училищъ все это знаютъ только изъ одной теоріи, — а извѣстно, что отъ слова до дѣла еще очень далеко. Дѣло въ томъ, что въ коммерческомъ преподаваніи не достаетъ практическаго элемента; а потому молодой человѣкъ долгое время не знаетъ, какъ взяться за дѣло и бродитъ какъ въ туманѣ съ заученными теоріями.

Но высказываясь такъ откровенно, мы какъ бы подаемъ поводъ думать, что раздѣляемъ мнѣніе г. Ордынскаго о мѣщанскомъ училищѣ; а потому и считаемъ нужнымъ оговориться. Хотя методъ преподаванія въ коммерческихъ училищахъ и недостаточенъ, но мы слишкомъ далеки отъ того, чтобы сравнивать ихъ съ училищемъ мѣщанскимъ и тѣмъ болѣе принимать послѣднее за образецъ. Первыя, и при несовершенствѣ преподаванія, все-таки исполняютъ хотя часть своего назначенія — даютъ многимъ небогатымъ лицамъ купеческаго и мѣщанскаго сословій хотя посредственное образованіе; нѣкоторые изъ воспитанниковъ ихъ, и въ настоящее время, наполнивъ свое образованіе свѣдѣніями, почерпнутыми изъ опыта, занимаютъ видныя мѣста—и коммерческія и служебныя. Многіе изъ нихъ, даже еще въ самомъ училищѣ, выработываютъ себѣ характеръ, который впослѣдствіи даетъ имъ возможность противиться всему дурному и черному, всѣмъ мерзостямъ, присущимъ подъ-часъ нашимъ купеческимъ и некупеческимъ дѣламъ,—однимъ словомъ, это, хотя и несовершенное, воспитаніе даетъ средства и силы противиться средѣ, быть храбрымъ и отважнымъ бойцомъ въ жизни, быть честнымъ дѣятелемъ. Между тѣмъ какъ ученики мѣщанскаго училища мало чѣмъ отличаются въ своихъ понятіяхъ отъ людей, совершенно неполучившихъ никакого образованія, и большинство отъ нихъ вскорѣ подвергается всѣмъ заман-

чивымъ принадлежностямъ нашего торговаго міра и совершенно сравнивается съ окружающею ихъ средою.

Обратимся къ другимъ мѣстамъ статьи г. Ордынскаго.

„Купцы, *завѣдывающіе* училищемъ, — говоритъ г. Ордынскій, — ограничась немногими предметами, денегъ не жалѣютъ, потому тамъ очень хорошіе учителя, а потому кончившихъ въ немъ курсъ учениковъ берутъ нарасхватъ купцы и фабриканты“.

Купцы *завѣдывающіе*... Въ томъ-то и бѣда, что у насъ нѣтъ или почти нѣтъ купцовъ завѣдывающихъ заведеніями, имѣющими цѣлью образованіе ихъ сословія, а есть такъ называемые *члены совѣта*, *члены благотворители* и, пожалуй, еще—*члены-любители коммерческихъ званій*, которые изъ разныхъ видовъ, а главное—чтобъ избавиться службы охотно принимаютъ эти званія, но, за очень рѣдкими исключеніями, ничего не приносятъ на пользу коммерческаго образованія. Довольно, притомъ, странно, что эти мѣста занимаютъ (за очень рѣдкими исключеніями) люди *видные* и *вѣскіе*, какъ будто важность и вѣсъ только и могутъ что-нибудь сдѣлать.... Членовъ этихъ можно, по нашему мнѣнію, раздѣлить на *неравнодушныхъ* къ своему дѣлу и *через-чуръ равнодушныхъ*. Первые изъ нихъ обыкновенно слишкомъ горячи и вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать главному, т. е. разумному воспитанію, вмѣшиваются, напримѣръ, въ методу преподаванія, разумѣется менѣе имъ знакомую, нежели директору и наставникамъ, входятъ въ споръ съ преподавателями по тому или другому предмету и такимъ образомъ дѣло превращаютъ подъчасъ въ забаву; другіе—обращаютъ преимущественно вниманіе на обѣды, задаваемые въ разные торжественные дни, тратятъ на нихъ много своихъ денегъ; третьи принимаютъ на себя роль патроновъ, берутъ подъ покровительство того или другаго преподавателя, того или другаго воспитанника и т. д. Только очень немногіе, и то болѣе избираемые въ должности экономовъ и казначеевъ, исполняютъ добросовѣстно свою обязанность. Второй разрядъ—*равнодушные*, посѣщаютъ лишь въ опредѣленное время совѣтъ училища, подписываютъ подносимыя имъ бумаги, являются подремать на экзаменахъ и, какъ благотворители, присылаютъ ежегодно опредѣленную сумму денегъ. И жаль,

очень жаль, что до сихъ поръ большая часть членовъ мало понимаетъ свое прекрасное призваніе; жаль, что многіе изъ нихъ, боясь своей неучености, забываютъ, что они обладаютъ практическими, нерѣдко обширными, въ высшей степени дѣльными и любопытными коммерческими свѣдѣніями. Вѣдь только общими, дружными и рѣшительными усиліями и созидаются прочныя дѣла. Мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что купцы мало *завѣдываютъ* нашими коммерческими училищами, что они въ нихъ не хозяева, а напротивъ—церемонные гости. Нѣкоторые изъ нихъ даже, по своему рутинному взгляду на вещи, останавливаютъ подъчасъ и хорошія начинанія. Оттого то все идетъ такъ вяло, несвязно, недружно въ коммерческомъ образованіи, — оттого оно и не двигается впередъ.

Въ мѣщанскомъ училищѣ, сколько намъ извѣстно, совершается почти тоже самое. Завѣдывающіе имъ купцы обращаютъ преимущественно свое вниманіе на хозяйственную часть.

„А потому кончившихъ курсъ учениковъ въ мѣщанскомъ училищѣ, — говоритъ г. Ордынскій, — берутъ на расхватъ купцы и фабриканты".

Совершенно справедливо, хотя это нисколько не доказываетъ, чтобъ мѣщанское училище удовлетворяло современнымъ потребностямъ нашего купеческаго общества. На это есть много болѣе прямыхъ причинъ. У очень немногихъ нашихъ торговцевъ и фабрикантовъ торговыя книги ведутся надлежащимъ и законнымъ образомъ, — у рѣдкихъ есть что-нибудь похожее на конторы, хотя онѣ и существуютъ у многихъ по названію. Большая часть дѣлъ въ страшномъ безпорядкѣ Купцы наши, имѣя большею частью недостаточныя понятія о бухгалтеріи, ищутъ не бухгалтера, даже не свѣдущаго конторщика, а просто—*молодца*, который записывалъ бы то, что ему укажутъ, писалъ бы четко да красиво, и умѣлъ бы перебросить на счетахъ. Но развѣ только этого требуетъ торговля? Развѣ куда-нибудь годится такой порядокъ дѣлъ? Развѣ возможно записываніе безо всякой системы? Развѣ веденіе черновыхъ книгъ и долговыхъ счетовъ, въ которыхъ не найдешь никакого толку, можно назвать бухгалтеріей? А между тѣмъ все это у насъ считается за дѣло. Вмѣсто правильнаго

учета, законныхъ книгъ, правильнаго обзора дѣлъ — у бо̀льшей части нашего купечества существуетъ знаменитый „глазомѣръ“, да русское авось.

А причина, что учениковъ мѣщанскаго училища берутъ на расхватъ наши купцы и фабриканты—очень понятна и слишкомъ проста, хотя, можетъ быть, мало извѣстна г. Ордынскому, по его неблизкому знакомству съ купеческимъ обществомъ. Берутъ ихъ бо̀льшею частью не потому, что они блистательно удовлетворяютъ современнымъ потребностямъ, а потому, что такимъ ученикомъ можно пользоваться *безплатно*, какъ мальчикомъ; что онъ у иного нерѣдко и конторщикъ, и лакей: и въ книгу запишетъ, и сапоги съ самоваромъ вычиститъ, и лохань въ иную пору съ кухаркой вынесетъ, — однимъ словомъ, малый на всѣ руки. Воспитанникъ же коммерческаго заведенія потребуетъ платы, какъ процентъ своего образованія. Первымъ хозяинъ можетъ помыкать, какъ ему угодно, а второй не всегда это позволитъ. Перваго можно помѣстить гдѣ вздумается, хотя бы рядомъ съ кучеромъ, — надъ помѣщеніемъ втораго, можетъ быть, придется и задуматься. Перваго можно и поучить *отеческимъ образомъ*, примѣрно хоть за вихры,— а втораго нельзя. Большая часть нашего купечества скорѣе дастъ больше жалованья кучеру, нежели бухгалтеру; потому-то все, что есть порядочнаго, и группируется около порядочнаго дѣла (въ акціонерныхъ обществахъ, въ банкирскихъ домахъ и проч.), или, наконецъ, старается поступить на государственную службу.

IV.

Идея чести въ большинствѣ нашего купеческаго общества.

Со времени объявленія освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, наше купеческое общество выпукло выдвинулось впередъ, но это никакъ не исключительно его

заслуга, а скорѣе заслуга времени: дѣло въ томъ, что общество это, съ паденіемъ крѣпостныхъ отношеній и многихъ, пережившихъ свое время и умершихъ скоропостижно, привиллегій, можетъ быть не подозрѣвая многаго, обращаетъ на себя теперь болѣе вниманія, нежели прежде.

Поводъ къ изслѣдованію такой значительной, такъ еще маловѣдомой массы, занявшей вдругъ очень видное мѣсто, становится понятнымъ; понятно, вслѣдствіе этого, и желаніе передать результатъ наблюденій надъ его особенностями, насколько мы въ короткое время запаслись такими наблюденіями.

Едва ли какой-нибудь слой, изъ многочисленныхъ слоевъ нашего общества, такъ разнообразенъ, такъ пестръ, такъ много содержитъ въ себѣ постороннихъ, еще далеко не соединившихся съ нимъ примѣсей и вмѣстѣ такъ самостоятеленъ, какъ довольно толстый и видный слой нашего купеческаго общества. Едва ли, такъ же, какой слой былъ подверженъ болѣе неблагопріятнымъ условіямъ для своей формаціи, и едва-ли который такъ много сопротивлялся, формируясь, въ то же время, разрастаясь, и даже продавливая нѣсколько своихъ частичекъ сквозь верхніе слои; сила, слѣдовательно, въ этомъ слоѣ *есть*. Но что это за чудная, за своебычная сила!... Прежде всего, она не дружно, не разомъ направляется, а вѣчно борется сама съ собою самымъ незначительнымъ числомъ своихъ частичекъ, большую же часть своего времени остается въ покоѣ, растетъ, жирѣетъ, и, все-таки, по немногу *прётъ* впередъ.... Употребивши неучтивое, народное *прётъ*, мы дѣлаемъ оговорку: *идётъ* въ его значеніи, не можетъ быть употреблено на этомъ мѣстѣ; оно выразитъ слишкомъ быстрое движеніе, котораго, прежде всего, нѣтъ въ нашемъ купеческомъ обществѣ: общество это мало двигается впередъ; но оно именно *прётъ*, *всходитъ*, *лѣзетъ*, какъ опара, и занимаетъ все бо̀льшее и бо̀льшее пространство.

Даже частности всхода опары могутъ быть пранаровлены къ разрастанію этого общества: какъ тамъ, такъ и здѣсь лопается не мало пузырей, какъ тамъ, такъ и здѣсь одинъ и тотъ же тяжелый, удушливый запахъ дрожжей, тотъ же спертый воздухъ.... Проникнитесь по-глубже убѣжденіями этого

общества и всмотритесь попристальнѣе въ его внутреннюю работу, и вамъ, прежде всего, станетъ душно. Васъ не освѣжитъ въ немъ быстрое, сознательное движеніе мысли, вы не почувствуете подъ собой движенія локомотива, и не встрѣтите противнаго вѣтра, освѣжающаго вашу голову отъ этого движенія; но вы именно почувствуете что-то, очень близкое къ всходу опары: услышите лопанье пузырей, и поймете, что все это растетъ, растетъ, какъ тѣсто въ ограниченномъ горшкѣ. Только или спускаясь ниже — къ народу, или подымаясь выше — къ болѣе цивилизованному меньшинству, вы почуете освѣжающій воздухъ.

При первомъ взглядѣ на общество, сейчасъ замѣчается пестрота его, которая такъ разнообразна и такъ разнохарактерна, что нѣтъ никакой возможности, особенно въ бѣглой статьѣ, уловить ее во всемъ ея полномъ выраженіи; по этому необходимо остановиться на чемъ нибудь болѣе опредѣленномъ. Для опыта принимаемъ во всей этой массѣ три группы: 1) купечество близкое, по понятіямъ, къ народу; 2) собственно купечество, и 3) купечество, въ которомъ и формы и понятія сливаются съ понятіями т. н. цивилизованнаго русскаго общества. Первая группа не такъ значительна, какъ вторая; вторая составляетъ ядро общества, это область и царство его; третья заключаетъ въ себѣ меньшинство. Какъ въ первой, такъ и во второй замѣчается множество оттѣнковъ, по мѣрѣ того, на какомъ разстояніи отъ народа къ купечеству *собственно* находится человѣкъ, или семейство, или на сколько формы и понятія далеки или крѣпки купечеству собственно, или, наконецъ, близки третьей группѣ; даже и третья имѣетъ различія, которыя можно означить спотыкающимися и идущими твердо, — первыхъ, разумѣется, болѣе....

Можно себѣ представить каковы понятія о какой-нибудь одной идеѣ въ такомъ разнохарактерномъ обществѣ!

Они еще болѣе усложнятся, если мы прибавимъ, что притомъ и идея чести въ этомъ обществѣ не обща и не равна для всѣхъ преметовъ и такъ же распадается на нѣсколько оттѣнковъ, сведеніе которыхъ можно такъ же раздѣлить на четыре группы: 1) *честь религіозная* или, ближе, *церковная*, 2) *служебная*, 3) *честь семейная* и 4) — группа самая разнообразная — ***честь торговая***.

Отъ встрѣчи, отъ столкновенія, перемѣщенія, и отъ удара при встрѣчѣ этихъ семи группъ, каждому послышится множество самыхъ разнообразныхъ тоновъ.

Прежде всего, *церковная честь*; беремъ главное сѣдалище ея ядро купеческаго общества, нашу вторую группу. Боже мой, что за наружное благочестіе и что за внутренняя гниль!... Почтеніе къ церкви болѣе всего замѣтно въ богатомъ классѣ этого общества: оно выражаетъ его болѣе ярко, болѣе наглядно. Богатые купцы, большею частію, выбираются въ церковные старосты, такъ что слово церковный староста, особенно въ Москвѣ, означаетъ человѣка богатаго или достаточнаго; оно прибавляется, какъ титулъ, къ прочимъ занимаемымъ *почетнымъ* мѣстамъ, оно, разумѣется, за немногими и тѣмъ болѣе почетными исключеніями, прибавляетъ въ человѣкѣ чванства, спѣси и пресмѣшнаго величанія собственнымъ достоинствомъ, особенно, когда его-то и не достаетъ въ сущности. Церковный староста и въ церковь входитъ иначе, и молится иначе, и пользуется особыми привиллегіями: онъ въ церкви, гдѣ всѣ равны, не равенъ всѣмъ, ибо всѣ прихожане, а онъ — староста *).

Трудно сыскать что-нибудь забавнѣе подобнаго понятія о чести — быть церковнымъ старостою и особенно превозношенія этою честію! Какъ извилистая, пестрая змѣя въ кустъ цвѣтовъ, вползаетъ при этомъ грубое честолюбіе, и — хочешь не хочешь — отражается во всѣхъ чертахъ человѣка, принимающаго на себя исправленіе этой простой обязанности. Церковный староста высоко подымаетъ свою голову, и по большей части уже не себя служителемъ церкви, а какъ разъ наоборотъ — можно ли что-нибудь найдти страннѣе подобнаго самолюбія?... Многіе изъ богатаго купечества добиваются чести быть старостами своего прихода, — черта похвальная; многіе надо отдать имъ полную и подобающую честь, не мало дѣлаютъ для своего прихода, не мало украшаютъ, расширяютъ и даже почти вновь созидаютъ храмы. Кесарево — кесареви; кто скажетъ, что это не доброе дѣло, если

*) Разумѣется, это не касается всѣхъ старостъ; просимъ не забыть, что мы говоримъ о большинствѣ [illegible]

оно въ границахъ благоразумія, и если человѣкъ помнитъ, что отъ насъ требуется не одна любовь къ Богу, — если это только любовь, — но и любовь къ ближнему? Но пріятно ли, при такихъ, уже не мелочныхъ и должныхъ быть чистыми отъ всякой тѣни честолюбія, подвигахъ, натолкнуться на самое большущее, на самое грубѣйшее самолюбіе? Хорошо ли въ этомъ ѳиміамѣ небесномъ почуять куреніе своему земному величію, и отрадно ли видѣть, какъ, упрочивая въ будущемъ мѣсто злачно, мѣсто покойно, надѣваютъ за тотъ же счетъ какую-нибудь кавалерію: — знай, дескать, нашихъ, мы и здѣсь въ чести, и тамъ не будемъ забыты!... Не отвернешься-ли и не сдѣлаешь ли еще болѣе сильное движеніе при видѣ такого человѣка, когда проникнешь его заднюю мысль, и не возбудятъ-ли такіе поступки вашего полнаго негодованія, даже на любимое вами общество, которое ползаетъ предъ такими людьми? Къ сожалѣнію, желаніе употребить кучу денегъ на отдѣлку храма, которую вздумаетъ чрезъ пять-шесть лѣтъ передѣлать другой, употребить ихъ изъ единственнаго скрытаго желанія, чтобъ объ этомъ говорили, — составляетъ одну изъ чертъ понятія о чести перваго рода въ нашемъ купеческомъ обществѣ. И одинъ бы шагъ отъ этого, одно неподдѣльное желаніе сдѣлать истинно доброе дѣло, одно святое сочувствіе къ менѣе завидной долѣ ближняго, состраданіе къ бѣдности, къ безграмотности народа нашего — розданныя во имя Бога, эти массы денегъ, которыя тратятся на позолоту, пропадающую отъ времени, на украшеніе того, чего ничѣмъ нельзя украсить, и что за свѣтлая, за симпатичная, за современная личность явилась бы намъ изъ среды самаго національнаго русскаго общества!... Но труденъ этотъ шагъ, для него надо еще пожить, да и пожить, приготовиться, да и приготовиться!...

Еще далеко время, когда должность церковнаго старосты будетъ считаться дѣломъ самымъ обыкновеннымъ для религіознаго человѣка, а не предметомъ, на которомъ, какъ на оселкѣ, легко можно пробовать грубость самолюбія.

Купцы слывутъ вообще за набожныхъ людей; не будемъ строги, положимъ, что это такъ, но тутъ дѣло идетъ о формѣ, въ которой выражается понятіе о чести.

Приведемъ правила изъ этой среды, по которымъ человѣкъ считается хорошимъ человѣкомъ и ему отдается подобающая честь. Кто часто ходитъ въ церковь, кто безусловно подчиняется издавна составившемуся кодексу о поведеніи, о держаніи себя въ церкви, о постановкѣ свѣчей предъ извѣстными образами, объ осѣненіи себя крестомъ извѣстнаго размаха, кто находится въ извѣстнаго рода дружескихъ отношеніяхъ къ священно и церковно-служителямъ, — тотъ, по понятіямъ большинства, хорошій человѣкъ. Правила эти, какъ видно, большею частію, состоятъ въ почтеніи и безусловномъ повиновеніи указу старшихъ, а изъ этого вытекаетъ: кто слѣдуетъ всему этому безусловно, *тотъ хорошій*, *примѣрный*, *честный человѣкъ*. Можно себѣ представить, что за оригинальныя, комичныя явленія происходятъ отъ прикидыванія всѣхъ и каждаго на такую мѣрку: по ней нерѣдко умный плутъ является честнѣйшимъ, благороднѣйшимъ человѣкомъ.

Объясняемъ это фактами изъ окружающаго насъ.

Церковь у насъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ единственное общественное мѣсто для многихъ семействъ: въ ней прихожане и даже не прихожане, по неподвижности, — господствующей чертѣ нашего, а въ особенности купеческаго характера — чаще всего встрѣчаются. Составленіе себѣ мнѣнія о человѣкѣ, и даже о цѣломъ семействѣ, нерѣдко дѣлается по одной только церкви; есть даже преоригинальная фраза, которую мы беремъ цѣликомъ изъ жизни — „*онъ, матушка, по церкви хорошъ*“. Бракъ, какъ единственное общественное дѣйствіе, нѣсколько оживляющее многое кругомъ себя, нерѣдко, и даже большею частію, начинается по знакомству въ церкви, и молодой купчикъ, изъ ядра купечества, рисуется и красуется, какъ женихъ, болѣе всего въ церкви; къ этому времени онъ начинаетъ даже иначе и держать себя.

Высмотрѣвъ невѣсту и справясь о ея прилагательномъ, или, какъ это еще чаще, подмѣтивъ многихъ разомъ для себя — онъ, каждый праздникъ, и въ обѣдню, и во всенощную, является уже женихомъ въ церкви, (иногда и не въ одной), женихомъ еще неизвѣстно чьимъ, не одной невѣсты, а многихъ: это ловецъ, разставившій сѣти въ ожиданіи кто и что попадетъ въ нихъ, это вещь, которая продается съ пуб-

личнаго торга... Мужчина, въ этомъ отношеніи, какъ и вездѣ у насъ, является и тутъ самостоятельнѣе женщины, она какъ и всегда существо страдательное: не находя исхода, она подчиняется всѣмъ этимъ порядкамъ по необходимости, рядится какъ жертва и продается съ того-же публичнаго торга, по большей части, какъ неволь ица. Церковь какъ мѣсто, является тутъ на первомъ планѣ, и по поведенію въ церкви, заключается итогъ достоинствамъ человѣка, развѣ къ этому спросятъ что-нибудь о мѣрѣ пониманія торговой части: ловкій-ли, дескать, человѣкъ и умѣетъ ли зашибить копейку?

Передадимъ главныя изъ злоупотребленій подобнаго, еще лежащаго во многихъ головахъ красугольнымъ камнемъ, умозаключенія.

— Слушай, братецъ, говоритъ отецъ сыну, — *ты теперь женихъ, веди себя по пристойнѣе.*

— Слышу, тятенька, или даже, папинька! отвѣчаетъ сынъ.

И въ этомъ краткомъ наставленіи, и еще болѣе короткомъ отвѣтѣ, они понимаютъ другъ друга.

Сынъ, прежде всего, по какому-то врожденному инстинкту, по какому-то побужденію, всасываемому имъ съ молокомъ матери, обращаетъ самое большее вниманіе на церковь — и съ этихъ поръ начинается рядъ тѣхъ обмановъ, которые обнаруживаются впослѣдствіи, и которые бросаютъ не мало свѣта на разладицу, и вообще на еще значительную часть азіятскаго элемента въ нашихъ купеческихъ, да и не въ однихъ купеческихъ, бракахъ.

Развитіе и достиженіе цѣли этимъ священнымъ путемъ имѣютъ много оборотовъ, и ведутся, большею частію, такъ хитро, что заставляютъ ошибаться даже и опытныхъ людей; развитіе это идетъ даже и далѣе: оно обманываетъ и обращается въ привычку даже самихъ предпринимателей, особенно если опытъ и достиженіе цѣли продолжается долгое время. Привычка такъ сдружается съ подобными антрепренерами, что и по достиженіи цѣли, они удерживаютъ ее, и наживаютъ, вмѣсто страха Божія, полнѣйшее равнодушіе къ церкви. Этимъ не мало объясняется, *что у насъ вообще, и въ купеческомъ, и въ другихъ обществахъ, много людей набожныхъ, но большею частію по одной формѣ, и рѣдки люди истинно и сознательно религіозные.*

Честь подобнаго рода обращается, такимъ образомъ, въ полнѣйшее безчестье человѣку, дорожащему своимъ собственнымъ достоинствомъ.

Есть много подраздѣленій подобной чести; мы привели самое крупное ея явленіе, оно уже характеризуетъ и остальныя.

Начиная эту статью, мы не имѣли въ виду подробнаго раскрытія сложившихся понятій о чести и особенно перваго и самаго щекотливаго вида ея. Мы поставили нашу вѣху, указали грань ея, можетъ быть, и ограничиваемся этимъ, желая оставить болѣе мѣста для другихъ родовъ чести, которые всѣмъ намъ болѣе понятны и болѣе доступны.

Служебная честь — родъ хотя менѣе общій большинству, но уже довольно распространенный. Прежде всего, служебною честію купецъ заражается, большею частію, тогда, когда уже чаши всѣхъ остальныхъ родовъ чести выпиты до дна. Желаніе виднаго мѣста, наградъ и вниманія вліятельныхъ лицъ приходитъ, разумѣется, еще и въ то время, когда щекотятъ ноздри и другія проявленія чести, и церковная, и семейная, и торговая; но полнѣйшаго развитія оно достигаетъ, большею частію, по удовлетвореніи названныхъ родовъ и сливается съ временемъ высокаго развитія торговой чести. Тутъ человѣкъ этого класса стоитъ на самой скользкой стезѣ: онъ, если имѣетъ запасъ нравственныхъ силъ, и если желаніе его правдиво — служитъ обществу неподдѣльно, то онъ выростаетъ надъ другими на цѣлую голову, что, впрочемъ, довольно рѣдко, или теряетъ и послѣднюю надежду на хорошее мнѣніе въ глазахъ людей благонамѣренныхъ, что гораздо чаще. На службѣ загрубѣлое самолюбіе даритъ насъ подъ часъ такими рѣдкими и такъ уродливо формирующимися плодами, что невольно подивишься, гдѣ берется эта ложь, и эта грязь, которыхъ они болѣе всего находятъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы должно быть болѣе всего чистоты и правоты!... Всѣ наши группы, въ ихъ смѣшеніи, для этого рода чести удобнѣе раздѣлить на два отдѣла: на боящихся и бѣгущихъ службы, и на желающихъ и ищущихъ ея; люди, смотрящіе равнодушно на свою судьбу, въ этомъ отношеніи, и люди, истинно-желающіе служить и сознающіе свою способност къ необходимой и

благотворной дѣятельности этого рода, стоятъ небольшою кучкою въ сторонѣ. Желаніе служебной чести, — къ сожалѣнію, и къ охотникамъ и къ ней, — приходитъ *не болѣе какъ блажъ*; мундиръ и *треуголка* играютъ при этомъ не малую роль. Въ этомъ желаніи не малая доля охоты и повеличаться, показаться предъ своимъ братомъ: особенно при орденѣ: ты, дескать, теперь меня разбирай, я не свой братъ просто купецъ, я при этомъ и членъ такого-то суда, или староста, ратманъ, первоприсутствующій, или *самъ* градскій голова!

Быть или *слыть*, при настоящихъ условіяхъ, для большинства купечества, выбираемаго въ довольно значительныя должности, по управленію города и общества, къ сожалѣнію, до *сихъ поръ* понятія равнозначущія; слыть, въ глазахъ многихъ, то же, что быть, — и Боже мой — на какихъ старостъ дома градскаго общества, на какихъ первоприсутствующихъ сиротскаго суда, на какихъ градскихъ головъ не насмотрѣлись мы при такихъ понятіяхъ, да и какими еще не будемъ любоваться въ будущемъ, до тѣхъ поръ, пока понятіе *слыть* перейдетъ въ значеніе быть!

Слово „слыть", и въ прошлое и въ настоящее время, имѣло и имѣетъ какое-то роковое значеніе въ отношеніи нашего купеческаго, да даже и не однаго нашего купеческаго общества. Всѣ мы слывемъ гражданами, многіе изъ купцовъ—даже и потомственные почетные граждане; а гдѣ у насъ истинное понятіе о гражданской чести, многіе ли изъ всей громадной массы этого и не этого общества могутъ смѣло сказать, что они истинные, честные граждане земли русской?

Въ значеніи, выражаемомъ словомъ „слыть", по большей части,—значеніе всей купеческой службы по выборамъ. Изъ всего „вытянутаго въ струнку, изъ всего ходящаго мѣрнымъ, весьма размѣреннымъ, мелкимъ шагомъ, изъ всего говорящаго полуголосомъ, изъ всего, вставившагося въ оффиціальную рамку ума, въ дюжинную непогрѣшную форму дѣятельности" — національно и ярко выдвинулся одинъ только А. П. Шестовъ, одинъ Шестовъ, котораго почти не знаетъ наше купечество. Все остальное блѣдно, мелочно и робко заявляло себя: честь, разумѣется, и за то, что заявляло! Большая же часть изъ этого люда въ временныхъ мундирахъ не оставляетъ по себѣ ника-

каго слѣда, и проходитъ предъ временемъ, предъ совершаемыми имъ переворотами ничтожно, безъ слѣда, болѣе принося вреда тѣмъ, что занимаетъ полезныя мѣста своимъ безтолковымъ тѣломъ, болѣе задерживая движеніе общества вмѣстѣ съ временемъ впередъ, нежели способствуя его ходу, ибо людъ этотъ не прочищаетъ, какъ передовой, дорогу для остальныхъ, какъ-бы слѣдовало...

Жаль и крайне нелогично, что въ лучшія и видныя мѣста общественной службы лѣзутъ все тузы, что, при этомъ, ввелось дурное и не имѣющее никакаго смысла обыкновеніе *тратить на службѣ деньги.* Явленіе это до того оригинально и странно, что даже стоитъ того, чтобъ нѣсколько остановиться надъ нимъ.

Служба у насъ даетъ средства къ жизни дворянину, даже нерѣдко составляетъ этому классу не мелкія состоянія, и та же самая служба заставляетъ купца тратить на нее деньги. Совмѣстность такихъ понятій, какъ выражаемыя словами — *служить* и *тратить*, звучитъ чрезвычайно странно, даже страннѣе, нежели *служить* и *наживать.* Въ этомъ отношеніи служебная честь, со стороны купеческаго общества, совпадаетъ съ его понятіями о религіозной или церковной части: купецъ по какому-то инстинкту думаетъ, даже болѣе — онъ увѣренъ, что при настоящемъ положеніи вещей, можетъ легко отъ всего откупиться деньгами, можетъ купить на нихъ всякую, подобающую его званію, честь, и выкупить всевозможное безчестье. Деньги, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, занимаютъ видное мѣсто въ отношеніи служебной чести. Беремъ ихъ для нашего краткаго изслѣдованія въ отношеніи служебной купеческой чести, приводя очень употребительное выраженіе, подобающее званію, мы легко можемъ присоединить эпитетъ *купеческая*, къ такому общему слову, какъ слово—честь.

Деньги, въ отношеніи служебной чести, играютъ значительную роль: общество, въ которомъ выбираются купцы въ общественныя должности, прежде всего, — купеческое общество, въ которомъ до сихъ поръ,—разумѣется, съ нѣкоторыми исключеніями, — понятія: деньги, сила, умъ, и даже честь, и даже совѣсть—почти равнозначущи.—Общество прежде того,

чтобы уважать богатаго человѣка, боится его; изучивши его слабыя стороны, замѣтя въ немъ блажь играть роль, оно не смѣетъ поставить ярко и смѣло предъ его глаза величину, до которой выросли его природные недостатки, оно старается ублажать его всякими *честьми и почестьми*; пользу, представительность, дарованный голосъ общества, оно приноситъ въ жертву своему золотому истукану.

При монопольномъ характерѣ нашей промышленности и торговли, очень легко объяснить, почему большинство нашего богатаго купечества грубое и мало *человѣчески* развитое, владѣя этими качествами, воплотилось всѣмъ своимъ существомъ въ желѣзнаго самодура: въ доброе старое время, было легко нажить, обирая, и изнасилованно принуждая небогатаго человѣка нести избытокъ и своего труда и заработокъ мысли въ лапы богача. Стоитъ только прослѣдить развитіе нашей домашней, крестьянской и фабричной промышленности,—и это положеніе будетъ понятно.

Только нѣмецъ Гакстгаузенъ могъ вообразить, какъ говоритъ г. Корсакъ *), что сельскія ремесла суть „фабрики, основанныя на ассоціаціи, которыя напоминаютъ себѣ ученіе Сенъ-Симонистовъ, что община помогаетъ своимъ членамъ, и, въ случаѣ нужды, дѣлаетъ имъ ссуды капиталовъ, что крестьяне сообща покупаютъ сырыя матеріалы и, такимъ образомъ, продаютъ готовыя издѣлія, и что для этого они учреждаютъ въ городахъ складочные магазины и содержатъ агентовъ, которымъ поручаютъ продажу".

Приведемъ въ заключеніе этого отдѣла чести нѣсколько правилъ, по которымъ служеніе вмѣняется въ честь.

Безголосность считается важнѣйшимъ условіемъ успѣшности на службѣ.

Возможно большее занятіе разныхъ служебныхъ мѣстъ, въ разное время, и неоставленіе въ нихъ по себѣ никакаго слѣда—такъ же недурная рекомендація служебнаго человѣка.

Соединеніе служащихъ лицъ въ одномъ мѣстѣ въ артели, и возможно большое наполненіе желудка преимущественно

---

*) О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства

предъ всѣми, а также способность балагурства въ компаніи, и на, и внѣ службы, считается не дюжиннымъ качествомъ.

Цифра благодарности секретарямъ, столоначальникамъ, и величина ежегодныхъ пожертвованій на канцелярію.

Число, заданныхъ ежегодно, обѣдовъ предсѣдателю того мѣста, гдѣ такой служащій обрѣтается, и кормленіе сослуживцевъ.

Оставленіе всего идущаго по службѣ въ томъ порядкѣ, какимъ все изстари идетъ.

Самое малое вмѣшательство въ дѣла, порученныя обществомъ, и возможно меньшее представительство его.

Косность и неподвижность, соединенныя въ способность надѣть мундиръ и разыгрывать нѣсколько часовъ въ день роль автомата, въ виду зерцала присутствія. Все остальное дѣлается понятнымъ и изъ этихъ краткихъ замѣтокъ.

Семейная честь — самая щекотливая изъ всѣхъ родовъ чести. Въ раскрытіи ея невольно затрогивается святость домашняго очага, неприкосновенность семейныхъ правъ, и, пожалуй, даже становится понятнымъ болѣе или менѣе извѣстное изрѣченіе, что между мужемъ и женою трудно быть судьею, поэтому всѣ эти отношенія мы обходимъ безусловно, и раскроемъ только менѣе щекотливыя. Честь въ купеческой семьѣ, по большей части, принадлежитъ старшему, и изъ этого—въ этомъ обществѣ разыгрывается не мало драмъ, частности которыхъ служатъ основаніемъ многихъ баснословныхъ разсказовъ. Всего ярче, всего характеристичнѣе въ купеческой семьѣ являются отношенія братьевъ, гдѣ честь по старшинству играетъ видную роль. Старшій братъ, по смерти отца, по бо̀льшей части, замѣняетъ мѣсто отца, даже въ отношеніи своихъ совершеннолѣтнихъ братьевъ: ему, по бо̀льшей части, одному извѣстна цифра состоянія и положеніе дѣла, остальное, особенно въ такъ названномъ нами ядрѣ купечества, идетъ будто къ нему невольно въ кабалу. Чрезъ это чаще всего наталкиваешься на отвратительныя, безчеловѣчныя отношенія и встрѣчаешь много гибнущихъ меньшихъ братьевъ, терпящихъ большую часть жизни за то только, что имъ пришлось родиться позже. Иногда въ этомъ отношеніи является, какъ говорится, и изъ молодыхъ да ранній: заби-

раетъ все дѣло и всю семью въ свои руки, и присвоиваетъ всю честь и представительство предъ обществомъ своей семьи одной своей собственной, какъ говорится, персонѣ, оставляя всѣхъ прочихъ членовъ въ полусвѣтѣ, а иногда и въ полной тьмѣ. Мы далеки отъ того, чтобы отвергать присутствіе идеи чести, даже всѣхъ четырехъ родовъ, въ нашемъ купеческомъ обществѣ; напротивъ, она присуща ему, даже можетъ быть въ большей степени, нежели другимъ обществамъ, стоящимъ и выше его, она свѣжѣе въ немъ. Если взять массу — много свѣтлаго, отраднаго и, притомъ, чисто національнаго хранитъ въ себѣ наше купеческое общество; но что̀ характерно при этомъ,—это свѣтлое до того перемѣшалось съ темнымъ, это цѣльное такъ значительно разбавилось разными скверненькими примѣсями, что, вопервыхъ, надо отыскать, а потомъ отдѣлить его. Можно указать только на крупное, яркое, но на него уже болѣе или менѣе указано, хотя еще, не смотря на это, не смотря на нѣкоторыя вѣрныя и даже художественныя произведенія купеческаго быта, мы еще далеко не имѣемъ полнаго и многосторонняго выраженія его въ какой-бы то ни было формѣ, далеко не имѣемъ и освѣщенія его — его собственнымъ свѣтомъ, хотя этотъ свѣтъ кой-гдѣ уже правдиво пробился сквозь довольно полузнакомую намъ тьму. Но даже намеки на хорошія стороны быта, и преимущественно семейнаго быта этого общества, завели бы насъ довольно далеко; можетъ быть, для этого не пришло еще время, хотя оно уже близко. Въ будущемъ мы постараемся тронуть кое-что; теперь же, покорные обстоятельствамъ, мы настроеваемся на старый тонъ, и будемъ искать *опять-таки* темныхъ сторонъ этого быта.

Кстати найти ихъ очень не трудно.

Прежде всего купеческая семья представляетъ многоступенную іерархическую лѣстницу, на которой все чинно разставлено по роли, пріобрѣтенной каждымъ, какъ мы уже замѣтили. На роль прежде всего имѣетъ большое вліяніе право старѣйшинства, одна ступень непремѣнно стоитъ на другой и даже непремѣнно основываетъ на ней большую часть своего возвышенія. Исключенія изъ этого такъ рѣдки, или такъ болѣзненны, что въ первомъ случаѣ не сто̀итъ, а во второмъ

больно трогать ихъ. Эта іерархическая лѣстница спускается до самаго низу, и захватываетъ въ свою область не только членовъ семейства, но нерѣдко и людей, повидимому, совсѣмъ ей не принадлежащихъ — прикащиковъ, мальчиковъ, служащихъ торговому дому, иногда и прислугу. Рѣже всего на этой лѣстницѣ мелькаетъ вамъ человѣческое лице въ полномъ его значеніи, рѣдко, не заразясь болѣзненно окружающимъ, освѣтитъ эту формальную тьму женщина, въ ея широкомъ, симпатичномъ значеніи. *Купецъ*, *купчиха*, *купеческая дочька*, *прикащикъ*, *мальчикъ* — вотъ что прежде всего бросится вамъ въ глаза, и въ этотъ, еще не чуждомъ народу бытѣ, они поразятъ васъ не менѣе непріятно, нежели въ другомъ. Самый большій гнетъ странныхъ понятій о семейной части въ этомъ обществѣ, тяжелый гнетъ, падаетъ на женщину: какимъ стѣсненіямъ, какимъ нелѣпымъ правиламъ, какъ чисто-восточнымъ обычаямъ не отдана она на жертву! Женщина этаго класса, если взять исключенія, пожалуй, нравственно-крѣпче женщины, стоящей нѣсколько ступеней выше на общественной лѣстницѣ; частности возбуждаютъ уваженіе и удивленіе своей нравственной чистотой. Прочность семйнаго быта одолжена именно женщинѣ своей самостоятельностью и сносностью; но она, обходя эти свѣтлыя и сдѣлавшія бы честь каждому обществу исключенія, въ большинствѣ своемъ она груба и шатка въ своихъ нравственныхъ правилахъ, а потому и въ семейной чести, какъ и во всѣхъ прочихъ родахъ, вмѣсто дѣйствительной чести тутъ — рядъ правилъ, самородныхъ приличій, узкихъ понятій о нравственности, и они то, по большей части, опутали всю массу этого общества, гдѣ изрѣдка лишь пробиваетъ чрезъ эту накипь или свѣжее самородное чувство народной чести, или истинно образованное понятіе о нравственности. Потому-то и здѣсь, какъ въ церковной чести, много *семейныхъ* людей, но мало *нравственныхъ*.

Взгляните, хотя бы на гуляньяхъ, на эти дружно, *прилично* двигающіяся пары мужей и женъ. Вглядитесь въ нихъ пристальнѣе, что связываетъ ихъ, какъ не зависимость одной отъ другаго и даже одного отъ другой? Есть-ли въ этомъ большинствѣ то, что называютъ семейнымъ чувствомъ? Идетъ ли эта жизнь одна для другой? Тутъ даже не напраженность

жизни, то же крайность, развитая особенно болѣзненно въ нашемъ высшемъ обществѣ, тутъ другая крайность — мертвенность обоихъ членовъ, или насильственное умерщвленіе одного другимъ. И впереди ея блѣдное, такое же неподвижное, такое-же лишенное способностей потомство. Вымираютъ даже крупныя, простыя, народныя пары въ этомъ обществѣ, которымъ какъ-то свѣтло было взглянуть въ глаза, а кругомъ лишь одна претензія, да немного хорошаго, но хорошаго своего, которое мы бережемъ для будущихъ характеристикъ этого общества. Народное чувство чести уже трудно прививается къ купеческому обществу; ясно, что̀ такое необходимо, неотлагаемо нужно ему. Мы короче другихъ затрогиваемъ понятіе о семейной чести въ этомъ обществѣ именно потому, что она нагляднѣе въ очеркахъ, повѣстяхъ, романѣ и, вѣроятно, мы въ нихъ еще полюбуемся, должны полюбоваться, на многое изъ этой среды.

Торговая честь. Это самоѐ обширное, самое извращенное, самое сбивчивое и самое увертливое понятіе; въ немъ всесторонне отразилась вся гибкость русскаго ума, вся громадная способность его вложить въ одну форму самыя разнородныя понятія. Въ торговой чести русскій купецъ отражается весь, всецѣльно, съ ногъ до головы, какъ въ зеркалѣ, и потому, по русской пословицѣ, *нечего пенять на зеркало*.... Постараемся поставить зеркало, хотя далеко не надѣемся, чтобъ оно было всесторонне точно. Мы видимъ сразу нѣсколько личностей. Вотъ почтенная, *степенная* личность, въ приличномъ, темно-синемъ, длиннополомъ платьѣ, лицо серьозное, проникнутое сознаніемъ своего достоинства, смотрящее серьозно, будто мысленно предъ собой; онъ приличенъ и даже внушаетъ что-то; все на немъ скромно, гладко, народно; брови наросли на глаза, борода разчесана, волосы лежатъ длинными космами; онъ сидитъ на скамейкѣ, у лавки, кругомъ такія-же лавки и однообразныя лица съ почти одинаковымъ выраженіемъ; онъ покоенъ только извѣстное время, но лишь хотя сколько-нибудь запахнетъ дѣломъ, по его понятіямъ, глаза его ужь мечутъ искры, онъ уже хватается за это дѣло. Видвинемъ другой типъ: невдалекѣ, задумавшись, не шелохнясь, стоитъ другой, въ черной суконной шинели, застегнутой до

верху, въ черной лоснящейся шляпѣ, личность полная и бѣлая, нагулявшая мяса, по народному выраженію, на видъ тихая и скромная, съ опущенными долу глазами, которые мгновенно загорятся, какъ только завидятъ покупателя, а съ нимъ и наживу. Всматриваясь пристальнѣе въ это безбородое, гладкое и чисто выбритое лицо съ небольшими бакенбардами, по большей части полное какъ луна, находишь, что оно мало рознится и въ своемъ цѣломъ и въ частностяхъ отъ перваго, со всѣхъ сторонъ обросшаго и покрытаго волосами лица: главная уступка, сдѣланная имъ—это-то, что борода снесена бритвою, и голова острижена подъ гребенку, и такимъ образомъ открывшееся лице даетъ болѣе простору наблюдать ходъ и развитіе его немногихъ и несложныхъ мыслей. Мысли эти тѣ же самыя; разница въ нихъ развѣ только въ томъ, что въ первомъ онѣ скрытнѣе, болѣе прячутся за бородой и длинными волосами, прячется въ нихъ даже глазъ, защищенный нависшей бровью, и нерѣдко выдающій не малое; но полнолицымъ, особенно съ крупными народными чертами купцамъ, которые середины не любятъ и стричься, такъ стричься, даровитая природа ихъ дала другую защиту—улыбку, улыбку свѣтлую, широкую, разгульную, которая, какъ свѣтъ солнца, такъ и разливается по всему пространству лица и много, много скрадываетъ, скрываетъ изъ того, что вышло бы наружу безъ нее. О, купеческая улыбка, на тебя, можетъ быть, придется намъ не разъ полюбоваться! Возьмемъ третью личность. Вотъ черная, какъ смоль, кудрявая шапка волосъ, смуглый цвѣтъ бойкаго, крупнаго лица, солидная толщина, крѣпость тѣла и сильная рука, сюртукъ снизу, чуйка сверху; бойкая рѣчь и сильный голосъ, смѣхъ непокрывающій рта и особенная юркость взгляда; тутъ уже нѣтъ скрытнаго, все наружу, — но тутъ способность увлекать. Смотрите, какъ онъ бойко размахиваетъ руками, какъ сыпетъ рѣчи, какъ умасливаетъ, ублажаетъ.... Этого нечего беречься, этотъ неопасенъ для людей съ характеромъ. Вотъ, наконецъ, для разнообразія двѣ и европейскія фигуры: одинъ, нѣчто въ родѣ француза, высокій, ловкій, ходитъ бодро, горячъ, и благороденъ на словахъ; другой, флегматикъ, корчитъ англичанина, съ большими висячими бакенбардами, ходитъ плавно, положителенъ, и въ этой поло-

жительности такъ все перепутаетъ, что трудно опредѣлить, что̀ онъ сказалъ. Таковы портреты большинства, взятые изъ разныхъ сферъ, изъ разныхъ слоевъ многосложнаго общества, откинувъ на время свѣтлыя исключенія, которымъ, по большей части, выпадаетъ на долю страдательная роль. Прослѣдимъ ихъ взглядъ на дѣло, постараемся провести прямую черту отъ серьозной сосредоточенной личности власатаго купца до флегмы англійскихъ бакенбардъ, и посмотримъ, далеко-ли одинъ изъ нихъ ушелъ отъ другаго въ понятіяхъ о чести торговой?

Старикъ и спитъ и видитъ—деньги!... Деньги вся жизнь его, онъ по многимъ причинамъ и живетъ только для денегъ... Деньги для него не то, что для другихъ — средства къ жизни, они для него самая жизнь, его *честь*—въ деньгахъ!... У такой натуры взглядъ на все окружающее его, на все, изъ чего сложилась и разлагается его жизнь, прямо вытекаетъ изъ понятія: честь—деньги, деньги—честь! На семейство, на общество, не говоря уже про торговлю, онъ смотритъ съ этой точки, изъ всего онъ старается выжать деньги и со вздохомъ, по внутреннему, вымученному рядомъ нѣсколькихъ лѣтъ чувству, несетъ ихъ самовольно одному—Богу... Такія личности въ церковной чести бываютъ чаще всего старостами, въ служебной—занимаютъ самыя высшія должности, въ семейной—являются деспотами, а въ торговой—даютъ многія правила и невольно увлекаютъ и другихъ имъ слѣдовать.

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ, получившихъ гражданство, правилъ:

„Веди дѣло чисто, чтобы не было ни сучка, ни задоринки. Держи все въ секретѣ, чтобъ твоимъ не могъ воспользоваться другой. Не щади ближняго, особенно слабаго, если въ томъ твоя польза. Меньше словъ и погрубѣе съ подчиненными, а то зазнаются. Раскидывайся шире, больше захватишь. Кто ограждаетъ себя закономъ, того берегись; если напалъ на такого, исполняй законъ въ точности, если нѣтъ возможности, подкупи исполнителей — это легче!... Бери примѣръ съ старшихъ, они пожили; держись стараго — оно прочнѣе. Торговать — наживать. Если потерялъ рубль, руби остальной на двое. Честь и торговля—дѣло не подходящее; чтобъ не подать

подозрѣнія, менѣе всего говори о чести — всѣ мы-де люди слабые, или, еще лучше, совсѣмъ не касайся ея. Болѣе всего не бойся грязи: въ грязи золото: Баринъ обманитъ — мужикъ выручитъ. Не гонись за добротой товара, дѣлай такъ, чтобъ его *спрашивали*. Дѣло не въ дешевизнѣ, а въ томъ, что́ товаръ себѣ стоитъ. На прикащиковъ не смотри, какъ на помощниковъ, это враги хозяина, старайся найдти между ними самаго ловкаго шута и сблизься съ нимъ. Рабочіе — сила крѣпкая, имѣй ихъ въ виду: въ случаѣ нужды — выручатъ, а можно нажить отъ нихъ — наживи. Опытный фабрикантъ устроиваетъ дѣло такъ, что́ выданная рабочимъ копейка къ нему приходитъ рублемъ, примѣръ хорошій!... Для этого изучи слабости народа, опора надежная. На женитьбу смотри, какъ на лучшій въ жизни торговый оборотъ: отъ женъ многіе и жить пошли. Если выберутъ на службу, трать какъ на зло, но и черезъ зло умѣй проложить дорогу къ добру: и крестъ, „и орелъ" не дурное дѣло, и при торговлѣ, и при фабрикѣ, — довѣрія больше. Обвѣшивать не годится, это дѣло мелюзги; всего лучше продать въ срокъ да на цѣну набросить, чтобъ себѣ не обидно было, — дѣло честное, потому что не всякій продастъ въ срокъ, сила солому ломитъ. Обидѣть кого-нибудь — грѣхъ, а отбить покупателя дѣло честное: прямо дѣйствуешь! Сказать про кого-нибудь худо — избави Богъ, а намекнуть, что у него товаръ никуда не годенъ, хоть и не хуже твоего, это торговый оборотъ. Не заплатить долговъ открыто — позорное дѣло, а сдѣлать сдѣлочку и себя не обидѣть — дѣло честное: Богъ труды любитъ. Если ужъ дѣло нельзя поправить, топчи все ногами: иногда кое-что остается на сапогахъ."

Остановимся пока хотя на этой части русскаго купеческаго кодекса о чести, прослѣдимъ его, всмотримся въ него.

Въ равной ли степени идетъ онъ ко всѣмъ лицамъ, взятымъ нами изъ среды этого общества, одинаково ли онъ ко всѣмъ прилагается? Естественный отвѣтъ: не ко всѣмъ и не одинаково. Если мы дадимъ эти положенія варіировать первымъ тремъ личностямъ, варіаціи выйдутъ согласныя, и они, не смотря на нѣкоторыя различія между ними, споются; хотя въ срединѣ ихъ будетъ стоять бритая личность, тріо выйдетъ согласное и обманетъ хоть кого своею вѣрностію. Если же при-

соединить къ нимъ еще двухъ послѣднихъ, квинтетъ будетъ самый плохой, на каждомъ шагу зазвучатъ фальшивыя ноты; если-же отдѣлить этихъ обѣихъ послѣднихъ, то онп, откинувъ кое-что пзъ темы, споютъ очень хорошій дуетъ, и даже, если раздѣлить ихъ и присоединять по одному изъ нихъ къ хору, то каждый изъ нихъ даже не дурно *подтянетъ*. Соло же вполнѣ можетъ удаться развѣ только самому законодателю. Откуда-же такія многообразныя явленія? Постараемся разсмотрѣть. Старикъ твердо увѣренъ въ проповѣдываемыхъ имъ правилахъ, онъ не собьется ни въ одной нотѣ, онъ такъ въѣлся въ нихъ, что они уже давно обратились въ его кровь и плоть, онъ увлекаетъ, когда дѣлаетъ. И попробуй объяснить ему, что дѣлаетъ не честно: онъ только съ удивленіемъ, съ недоумѣніемъ взглянетъ на васъ, и, пожалуй, еще назоветъ молокососомъ. Міръ, въ которомъ живутъ такіе законодатели, съ заміраніемъ сердца слѣдитъ за каждымъ его движеніемъ, и старается во всемъ подражать ему потому, что онъ видитъ какъ выгоденъ, какъ производителенъ каждый оборотъ его, какъ много *чести* приноситъ ему его мудреный, самобытный кодексъ чести. Въ какую бы сторону нашей промышленности мы не двинулись, по какой бы тропинкѣ ея мы не пошли, рѣдко на какой не встрѣтишь такого законодательнаго лица, задающаго ей тонъ.

О какой-нибудь степени развитія торговой чести — тутъ нѣтъ и помина, тутъ полное отсутствіе ея, и это отсутствіе, къ несчастію и къ стыду, находило свое мѣсто въ торговлѣ, и даже не только въ той, которая предлагаетъ свой товаръ, гдѣ-нибудь на углу, у Иверской, на площади, на овечькѣ, а въ лавкѣ, въ купеческомъ дѣлѣ! Дешевизна увлекательна, и кто покупаетъ вещь въ настоящемъ мѣстѣ, тотъ менѣе боится, нежели покупая что-нибудь на дорогѣ,—тутъ ужь всякій болѣе или менѣе рискуетъ. Постарайтесь совмѣстить такія понятія—быть честнымъ человѣкомъ и терпѣть рядомъ съ собой нечестнаго, отвертываться внутренно отъ него (потому что наружно купецъ, большею частію, со всѣми ласковъ) и въ то же время давать ему средства и ходъ обмановать честнаго и притомъ неопытнаго человѣка; анализируйте во всѣхъ подробностяхъ совмѣщеніе въ большей части

нашего купечества такихъ крайностей — и вы можете понять до какой степени разнообразна, до какой степени перепуталась въ этомъ обществѣ идея о чести въ дѣлѣ. Пора бы, кажется, замѣтить, какъ годъ отъ году падаетъ наша торговля въ рядахъ, даже въ мелочномъ дѣлѣ, и какъ, пользуясь этою слабостію, легко и скоро наживаются иностранцы; пора бы нашему купечеству уразумѣть хотя бы смыслъ часто повторяемаго нашими, по ихъ мнѣнію ничего не смыслящими, женщинами: „нѣтъ матушка, лучше ужь въ магазинѣ куплю, тамъ хоть подороже возьмутъ, за то не обманутъ“. Мы не говоримъ, на сколько наши дамы, къ несчастію все еще мало опытныя въ дѣлѣ покупки, достигаютъ этимъ цѣли. Но отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ: недобросовѣстностію нашею мы теряемъ и не такихъ покупателей, какъ наши дамы.... Мы-бы могли привести не малое число примѣровъ, гдѣ понятія о торговой чести улажены самымъ лучшимъ образомъ; но боимся наскучить, еслибъ принялись за подробное раскрытіе *всѣхъ* злоупотребленій, этихъ изворотовъ торговаго ума и его далеко еще неизвѣданной способности—совмѣстить въ одномъ представленіи самыя разнородныя и другъ другу противорѣчащія понятія. Кодексъ торговой чести только еще начатъ нами; мы дошли, и то въ довольно неполныхъ очеркахъ, до его главнаго и господствующаго понятія, которое называется *тактомъ*, и именно *купеческимъ тактомъ*, бóльшая или меньшая степень развитія котораго даетъ больше или меньше достоинствъ человѣку, обладающему купеческой честію.

V.

Купеческій тактъ.

Настоящее время, какъ извѣстно, — время по преимуществу переворотовъ; время всякой новизны и всевозможныхъ начинаній: сословія наши вслѣдствіе самой жизни, въ слѣдствіе ея насущныхъ требованій и нуждъ начинаютъ будто

мало по малу сглаживать свои сословныя отличія; идутъ болѣе нежели, по крайней мѣрѣ, прежде къ соединенію и общенію — а потому литература, какъ единственная область, которая болѣе и менѣе знакома съ тѣмъ или другимъ сословіемъ, до сихъ поръ еще чуждающимся одно другаго, какъ фокусъ въ которомъ сходились и сходятся всѣ разнообразныя лучи, освѣщавшіе такъ или иначе русское общество, должна своимъ назначеніемъ и призваніемъ знакомить хотя исподволь это одно съ другимъ.

Въ лицѣ своихъ настоящихъ тружениковъ, она дѣлаетъ это тѣмъ болѣе охотно, что подобный трудъ ея настоящее призваніе. Что такое напримѣръ *купеческій тактъ*, въ чемъ его назначеніе, откуда необходимость, гдѣ происхожденіе? Станемъ объяснять это постепенно и послѣдовательно.

Одинъ, положимъ, торгующій, торговецъ, купецъ, спрашиваетъ у васъ, также купца, о третьемъ лицѣ, съ которымъ онъ хочетъ войти въ сношенія; вы знаете того и другаго.— Если вы человѣкъ прямой, правдивый, вы бы про своего знакомаго сказали бы то, что знаете, или, если вы по крайней мѣрѣ человѣкъ не безъ совѣсти, то не стали бы своими отзывами рыть своему ближнему ямы—такъ точно поступаетъ и добросовѣстный человѣкъ изъ купечества; рѣдкій, впрочемъ, выскажетъ свое мнѣніе прямо и откровенно. Не вяжись, не стоитъ того человѣкъ! когда дѣйствительно онъ этого не стоитъ.

Большая часть людей не безъ совѣсти, но съ нѣкоторою долею *купеческаго такта*, въ подобныхъ случаяхъ ведутъ себя очень неопредѣленно: они или не скажутъ ровно ничего, или почти ничего и если поведутъ рѣчь, то чрезвычайно уклончиво.

— Вамъ угодно знать мое мнѣніе объ Иванѣ Петровичѣ? начнутъ обыкновенно подобные люди; очень благодарны вамъ за довѣріе, но ничего настоящаго сказать вамъ не можемъ, человѣкъ, *кажется*, хорошій, выпиваетъ положимъ, но вѣдь не до безобразія, да и кто въ настоящее время не выпиваетъ, ничего съ, хорошій человѣкъ.... вотъ, говорятъ, что онъ не совсѣмъ чисто поступилъ съ Петромъ Петровичемъ но это вѣдь Богъ знаетъ: Петръ Петровичъ человѣкъ-то не

практическій, такъ можетъ быть по *своему* толкуетъ; въ такомъ дѣлѣ трудно виноватаго найти; если Иванъ Иванычъ немножко фанфаронитъ, въ тузы эдакъ бокомъ пробирается, такъ вѣдь это для кредиту вещь хорошая: кто съ богатыми людьми знакомъ, тому ужъ само собой больше довѣрія — что-нибудь видятъ же они въ немъ, если то-есть до себя допускаютъ; онъ эдакъ и отъ дворянскаго знакомства не прочь, особенно повліятельнѣе — ну, про это и говорить нечего, тутъ кромѣ хорошаго ничего быть не можетъ: — дорогу ко многому можно открыть; на счетъ женскаго полу, это самый, можно сказать, безкровный человѣкъ; само собою иногда прорывается, но если вы собственно для кредиту спрашиваете, можно быть увѣреннымъ не прорвется — онъ-съ, между нами сказать, спекулируетъ на женщинъ; — замѣтьте какимъ женихомъ онъ постоянно рисуется — я вамъ скажу, если вамъ собственно для кредиту, онъ хоть урода возьметъ, только бы кушъ, а это вѣдь не дурно-съ — особенно если вамъ для кредиту...

Подобной филиппикой, какъ всякій замѣтитъ, мы вводимся совсѣмъ въ другой, мало вѣдомый намъ міръ—міръ, въ которомъ большинству все незнакомо, гдѣ всего надо бояться, опасаться, гдѣ про многое надо справляться, узнавать и, мало того, выучиться *какъ* справляться и какъ узнавать. Въ мірѣ этомъ все, или, по крайней мѣрѣ, большая часть, поставлено фальшиво, все смотритъ не просто, во всемъ задняя мысль, вездѣ свои снаровки, вездѣ своя торговая азбука, свой торговый языкъ, свой складъ, свои физіономіи и, наконецъ, своя особенная манера поведенія, свой нравственный кодексъ, который и зовется *купеческимъ тактомъ*.

Тактъ въ торговлѣ необходимая принадлежность — тактъ, по преимуществу въ русскомъ дѣлѣ и до сихъ поръ—воздухъ, которымъ оно дышитъ, пища, которой оно питается, хотя жизнь эта и питаніе искусственныя, обусловливаемыя состояніемъ общества, въ которомъ движется дѣло и положеніемъ, въ которое оно поставлено.... Купеческій тактъ могучею силой былъ особенно въ старое время: тактъ этотъ наживалъ состояніе, выводилъ въ люди, давалъ почетныя мѣста на службѣ, вводилъ въ знатную родню, и, главнымъ образомъ, такъ

устраивалъ торговыя дѣла, что, какъ ихъ не повертывай, они приносили значительные барыши.

По преимуществу на эту-то сторону мы и обратимъ вниманіе...

Повести дѣло съ умомъ и съ тактомъ, во всѣхъ областяхъ дѣятельности, необходимая принадлежность, но въ торговомъ дѣлѣ умъ почти постоянно сливается съ тактомъ, тактъ не рѣдко даже замѣняетъ умъ.... Въ самомъ дѣлѣ, вглядываясь пристально въ самую, такъ-называемую, суть нашего торговаго дѣла, чувствуешь менѣе присутствіе свѣтлаго зрѣлаго дѣла, а на глаза болѣе и ярче попадается навыкъ, рядъ особенныхъ своеобразныхъ привычекъ, извѣстная изученная и большею частію узкая дорожка, которой и держатся въ каждомъ дѣлѣ. При этомъ, всякій замѣтитъ, что большая часть вертится именно на этой искусственности, на тактѣ и даже выбивающееся на новую дорогу много отъ него зависитъ — тактъ долгое еще время будетъ необходимостію, неизбѣжною принадлежностію торговаго дѣла. Въ чемъ же настоящая сущность купеческаго такта? Прежде всего тактъ этотъ распадается на два отдѣла — дѣловой и, такъ сказать, общественный, семейный тактъ; дѣловой тактъ слагается дѣломъ и слагаетъ дѣло, общественный выходитъ прямо изъ общественнаго положенія и характеризируетъ общество; не малая часть его удѣляется и семейству, особенно въ дѣлахъ сватовства и вообще свадебныхъ. Обратимъ вниманіе на дѣловой, торговый тактъ..

Купеческій тактъ держитъ, направляетъ и двигаетъ большую часть русскаго торговаго дѣла. Безъ этаго такта трудно и даже иногда не возможно обойтись; на тактѣ этомъ держится и лицевая производительная и скрытая непроизводительная сторона дѣла; тактъ этотъ иногда помогаетъ дѣлу, иногда положительно разрушаетъ его.

Въ производительной части тактъ выражается очень разнообразно—тутъ онъ иногда не болѣе какъ сноровка, иногда увертка, часто осторожность, нерѣдко своего рода деликатность, а также и средство расположенія къ себѣ на будущее время; во второй степени своего перехода онъ развивается въ легкую ложь, въ притворство и мало по малу переходитъ въ

довольно видную хитрость, которой особенно отличается не малая часть нашего мало развитаго купечества и наконецъ дорастаетъ до преднамѣреннаго обмана и крупной подлости.

Торговый тактъ хотя издавна шелъ съ развитіемъ нашей торговли, но самое большее гражданство въ нашемъ дѣлѣ онъ получилъ въ послѣднее время; прежде онъ сдерживался обычаемъ, и по невыработкѣ еще полнаго и опредѣленнаго торговаго законодательства замѣнялъ законъ. Около примѣненія купеческаго такта къ дѣлу вертится и развивается понятіе торговой чести.

Начнемъ съ малыхъ примѣровъ проявленія его въ дѣлѣ и окончимъ болѣе серьезнымъ... „Торговать, что воевать" говорятъ наши практики; въ торговлѣ, какъ и на войнѣ свои условія и безъ *себѣ на умѣ* въ торговомъ дѣлѣ нельзя,—и проторгуешься и провоюешься — не даромъ же вездѣ есть и великіе торговцы и великіе полководцы. Большая разница, напримѣръ, въ томъ, какъ поставить при продажѣ товаръ; самому предложить его или дождаться спроса; — разница кажется небольшая, а между тѣмъ *суть* въ ней важная: при предложеніи товара обнаруживается потрѣбность въ продажѣ, при спросѣ — потребность купить. И то и другое условіе каждое по своему повертываетъ и ставятъ дѣло и разница въ этомъ до того велика, что не рѣдко одно *набиванье* совершенно портитъ дѣло. Въ торговлѣ, какъ и вездѣ есть, такъ сказать, тоскливыя личности, не имѣющія ни выдержки, ни терпѣнія; начавъ что-нибудь дѣлать — каждое дѣло въ началѣ идетъ особенно туго — они берутъ себѣ задачею, какъ можно чаще являться предъ покупателями и напоминать ему о себѣ и о своемъ дѣлѣ, *навязываться*, *напрашиваться* и т. п. Подобное дѣловеденіе можно положительно назвать безтактнымъ; оно скорѣе всего уронитъ все дѣло, опытный торговецъ держитъ себя совершенно иначе: онъ только связи заводитъ, разузнаетъ о потребности, сталкивается съ прикащиками и является предъ покупателемъ будто *невзначай* и большею частію съ рѣчью о постороннемъ дѣлѣ; когда же нуждающійся въ товарѣ будетъ *доведенъ* до необходимости спросить: „Нѣтъ ли, дескать, *нашего товарцу*" тогда продавецъ отвѣчаетъ будто безучастливо и равнодушно „есть молъ, развѣ нужно"?

— Да, ничего, если не дорого, можно купить.

Подобными, другъ друга сторожащими вопросами и отвѣтами, дѣло обыкновенно начинается и идетъ, большею частію, несравненно успѣшнее въ сравненіи съ тѣмъ, когда или та или другая сторона выскажется, —хотя на самомъ дѣлѣ одно и тоже, хотя и тотъ и другой чуютъ, что ищутъ другъ друга а въ результатѣ получается другое.

Самое трудное дѣло довести того и другаго до перваго слова о дѣлѣ.

Не начать первому разговора о дѣлѣ въ интересахъ какъ продавца, такъ и покупателя, и тотъ и другой стараются отклониться отъ настоящаго разговора и въ ожиданіи его пересыпаютъ изъ пустаго въ порожнее, *чешутся*, какъ это говорится на рядскомъ языкѣ, и ловкій продавецъ всегда или по большей части доведетъ до того, чтобы началъ покупатель; какъ тотъ иной разъ не намѣкаетъ на дѣло, онъ все отвертывается и наконецъ говоритъ рѣшительно *прощай*...

— Постой, куда, погоди...

— Да что съ тобой часаться-то...

— Погоди дѣло есть...

— Ну, если дѣло—это другая рѣчь.

И онъ все-таки стоитъ и выжидаетъ, пока тотъ не начнетъ.

Начало уже и поведетъ къ настоящему дѣлу.

Подобная-то способность и зовется купеческимъ тактомъ—но это самый невинный тактъ.

И подобныхъ уловокъ не мало; они болѣе всего и ярче обрисовываютъ положеніе и характеръ нашей торговли и являются при этомъ нерѣдко положительною необходимостію; подобные пріемы существуютъ болѣе или менѣе во всѣхъ образованныхъ государствахъ; тактъ этотъ является не болѣе какъ характерною принадлежностію, но въ дальнѣйшемъ развитіи онъ начинаетъ преслѣдовать уже совсѣмъ другія цѣли.

Приведенный случай содержитъ къ себѣ самое благопристойное, самое невинное проявленіе того, что мы назвали купеческимъ тактомъ—это, такъ сказать, одни ягодки, цвѣточки же впереди... Немало уловокъ, снаровокъ и разныхъ скрытыхъ пружинъ употребляется во время окончанія условія покупки, довершенія дѣла—такъ, напримѣръ, извѣстно, что всегда охотнѣе продаютъ

на деньги, на наличныя, нежели въ срокъ, а потому покупатель съ тактомъ нерѣдко пускаетъ въ ходъ подобныя мѣры: онъ торгуетъ у васъ товаръ на наличныя, также и купитъ его на подобныхъ условіяхъ, покупая, онъ всячески старается уладить дѣло,—заискиваетъ въ васъ, мало понижаетъ цѣну, влѣзаетъ, что говорится, въ душу, но какъ только дѣло оканчивается въ его пользу, поворачивается вмѣстѣ съ тѣмъ и медаль: проходитъ недѣля, другая — мѣсяцъ, въ продолженіе котораго денегъ вамъ не платятъ, хотя это и величается „на наличныя"; вы заходите къ покупателю и чаще всего не застаете его въ лавкѣ; незаставанья эти продолжаются тоже около мѣсяца, наконецъ, при свиданіи, вы высказываете свое неудовольствіе — вамъ прехладнокровно отвѣчаютъ, что въ настоящее время денегъ нѣтъ — придется подождать.

— Да, какже помилуйте, вы у меня покупали на наличныя...

— Что же дѣлать, и радъ бы, думалъ получить, ждалъ и оттуда и съ другой стороны, ни откуда не шлютъ.

— Что же мнѣ теперь дѣлать?...

— Подождите...

Проходитъ еще мѣсяцъ, опять и снова или ненамѣренныя или разщитанныя незаставанья; наконецъ выходишь изъ себя, идешь съ намѣреніемъ кончить во чтобы-то ни стало; застаешь, объясняешься, и если вы еще свѣжій, не тертый человѣкъ, то у васъ невольно выражается неудовольствіе, вы крестите все это именемъ безобразій ..

— Я не пойму, чего вы горячитесь, чему обижаетесь, чтоже будешь дѣлать — нѣтъ денегъ, да и на-поди — со всякимъ бываетъ...

— Да, какже вы покупали?...

— Не покупать — не торговать.

— Да, вѣдь вы на наличныя покупали.

— Чтоже дѣлать, если ихъ нѣтъ.

— Да, что же, наконецъ, дѣлать-то мнѣ.

— Возьмите росписку, документъ. .

Но въ этомъ видимомъ концѣ, вы приходите только къ началу, котораго вы еще не видали — къ этому преднамѣренно все шло, къ этому велось и вы волею не волею приходите къ подобной развязкѣ...

Тактъ, видимымъ образомъ основывается у насъ на распущенности торговаго закона и на нерасположенiи большинства купечества къ закону, а тоже, на расположенiи его къ обычаю; купеческiй тактъ имѣлъ силу во всѣ времена и перiоды развитiя нашей торговли; прежде онъ былъ грубѣе, снаровки были очевидны, съ теченiемъ же времени и особенно теперь, когда уже обычай становится въявь несостоятельнымъ, но еще не вполнѣ замѣняется закономъ, тактъ этотъ изострился, перешелъ въ тонкую политику и вызываетъ уже изученiе, чтобы отгадать себя во время... Мы слишкомъ бы отдалились отъ сущности дѣла, если бы мы стали объяснять это примѣрами въ родѣ вышеприведенныхъ, а потому считаемъ достаточнымъ сказать что искусственность отношенiй въ нашей торговлѣ, отсутствiе въ ней живаго, вѣскаго дѣла, довольно многообразно настроиваетъ къ разнымъ изворотамъ, къ блеску снаружи и гнили внутри, къ бросанью изъ стороны въ сторону, къ снисканiю разными притворствами и происками лишняго кредита, къ пользованiю имъ не въ мѣру и къ преждевременному паденiю торговыхъ домовъ, къ трудной для наблюденiя разстратѣ капитала... Вотъ при такихъ-то обстоятельствахъ тактъ выказывается во всѣхъ своихъ основанiяхъ, во всемъ разнообразiи, тонкостяхъ и безобразiи. Всѣ торговыя сдѣлки, заблаговременно приготовленныя банкротства, уплата вмѣсто денегъ товаромъ, администрацiи вмѣсто конкурса, всѣ ухищренiя и извертыванiя несостоятельности, имѣютъ въ основанiи именно то, что мы зовемъ купеческимъ тактомъ. Тактъ является присущимъ всему въ нашей торговлѣ: и поклонъ и разговоръ и чай и болѣе значительное угощенье дѣлается съ тактомъ и изъ за такту, изъ области торговаго мира онъ переходитъ въ общественный бытъ; является и на выборахъ на службу, въ управленiи ввѣренныхъ мѣстъ, въ отношенiяхъ съ начальствомъ, при представленiяхъ высокимъ посѣтителямъ, при обсужденiи общественныхъ нуждъ — вездѣ онъ заволакиваетъ правду, вездѣ купецъ относится къ дѣлу уклончиво, вездѣ онъ или откупается или отговаривается, тактъ этотъ дѣлаетъ его не прямымъ, не рѣшительнымъ, не правдивымъ, нечеловѣкомъ, а купцомъ; портитъ, путаетъ его и частiю сла-

гаетъ тотъ особенный складъ и бытъ, который силятся такъ изучить и который такъ многихъ занимаетъ и по настоящее время.

VI.

Торговля, промышленность и народъ.

Въ передовой статьѣ „Вѣстника Промышленности за октябрь 1861 года между прочимъ сказано:“ Въ дѣлѣ преуспѣнія промышленности самые главные дѣятели — промышленники и торговые люди, — первые, какъ производители, вторые какъ требователи произведеній отъ именъ самихъ потребителей, — посредники между производителями и потребителями. Безъ тѣхъ и другихъ не существуетъ промышленности; они здѣсь на первомъ планѣ, и какъ бы мы ни заботились, сколько бы, отдѣльно отъ нихъ, ни хлопотали о промышленности, объ ея расширеніи, объ ея процвѣтаніи, какія бы не поставляли правила, помимо ихъ, и для технической части каждой промышленности и для ея преуспѣнія, если забудемъ самыхъ промышленниковъ и торговыхъ людей, если не пойдемъ съ ними рука объ руку, тогда все будутъ слова и письмена, письмена и слова, все явится гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и мы, въ конецъ концовъ, пожмемъ плечами, и нехотя согласимся съ давнею передавнею истиною, что

„Всѣ наши знанія — мечта
Вся наша мудрость — суета“.

„Гдѣ же слышимъ мы голосъ этихъ производителей-промышленниковъ и всего, тѣсно соединеннаго съ промышленностію люда купеческаго? въ жалобахъ домашняго закоулка, и то наединѣ, и то въ часъ негодованія, а едва появится одна, другая посторонняя личность, да какъ на бѣду еще титулованная, куда пропали смѣлыя жалобы, слышны одни хныканья, да оханья, да воздыханія, безъ всякой вполнѣ опредѣленной точки. Тутъ вы услышите только жалобы Петра, Семена, Ивана, Константина, и то его личныя, съ подобаю-

щемъ руганьемъ своего собрата, и нигдѣ, ни даже въ закоулкѣ, нѣтъ голоса общаго".

Вотъ яркая и вѣрная картина степени развитія общественности въ нашемъ купеческомъ обществѣ, которое все-таки правдиво считается передовымъ сословіемъ народа—обществомъ вышедшимъ изъ народа; сравнивая народный духъ, его мировое учрежденіе, артельное устройство, сопоставляя эти двѣ картины рядомъ, слѣдя за постепеннымъ переходомъ изъ селянина въ горожанина, изъ среды народа въ купечество, можно наглядно наблюдать, какъ постепенно искажаются и очень рѣдко облагороживаются оригинальныя и выразительныя народныя черты.

Гдѣ же вина этаго искаженія, гдѣ зло, искажающее добрыя начала?

Не удаляясь отъ вышеприведенной выписки, по ней самой и ея продолженію наглядно и послѣдовательно мы можемъ привести большую и главнѣйшую часть искажающаго.

1) Отсутствіе общественности, (купечество и промышленники, въ средѣ которыхъ, всѣ эгоистическія стремленія Алексѣевъ и Ивановъ сталкиваются и обтираются объсужденія людей не прямо причастныхъ къ дѣлу).

2) Необходимость вмѣшательства въ торговое дѣло ихъ титульствъ и вызываемое ими искательство и низкопоклонство, непремѣнно предполающее исключительныя права.

3) Отсутствіе гражданскаго элемента.

4) Необходимость богатства, куда бы не сунулся.

5) Гильдейское раздѣленіе, розобщающее общество на нѣсколько отдѣловъ.

6) Малая возможность воспользоваться правами своего общественнаго голоса.

И какъ слѣдствіе всей этой сжатости, дробности и ограниченности —

7) Несмѣлость и отсутствіе энергіи — и вызываемая ими кичливость, въ формѣ какого азіатски пестраго аристократизма.

Для болѣе лучшей постановки нашего мнѣнія, обратимся теперь къ одной изъ статей „Дня" *); она намъ поможетъ

*) См. эту статью въ октябрьскомъ № Вѣстн Промышлен. за 1861 годъ.

ближе сдвинуть купеческое общество съ народомъ, и уразумѣть ихъ взаимныя отношенія.

„Картина прежняго времени, говорится въ этой статьѣ, представляется намъ въ такомъ видѣ: народъ былъ раззоренъ крѣпостнымъ правомъ, частыми рекрутскими наборами, недостаткомъ работъ и безденежьемъ: денегъ въ обращеніи у простаго народа было чрезвычайно мало. Деньги же всѣ обращались и копились въ капиталы на поверхности, въ высшемъ слоѣ. Торговля, всегда устремляющаяся къ главному источнику—деньгамъ, имѣла въ виду преимущественное удовлетвореніе нуждъ и потребностей денежнаго класса общества — чему съ своей стороны способствовали и законодательныя мѣры. Жизнь сосредочивалась въ какомъ-нибудь милліонѣ людей, тогда какъ цѣлые десятки милліоновъ народонаселенія были отстранены отъ участія въ жизни, и ни они сами, ни естественныя богатства Русской земли не удостоивались должнаго вниманія; по жизни одного милліона людей судилось и рядилось о богатствѣ и благосостояніи всей Россіи. Банки существовали, но приносили пользу не народу и не мелкимъ торговцамъ, а дворянамъ и капиталистамъ; предметы народныхъ нуждъ, народнаго потребленія оставались почти безъ улучшенія; наши сырые матеріалы почти безъ обработки! Промышленныхъ предпріятій почти незатѣвалось, — капиталы лежали безъ употребленія, или употреблялись непроизводительно“...

Теперь, дѣйствительно многое уже перемѣнилось, но нѣкоторыя изъ главныхъ положеній остались еще и до сихъ поръ вѣрными этой картинѣ. Въ отношеніи перемѣны какъ-то необходимо хочется спросить: какъ перемѣнилось: здраво-ли, разумно ли? Прошла ли горячка, неестественнаго, по большей части лишеннаго знанія и средствъ и самой страны, развитія замысловатыхъ предпріятій?... Отвѣтъ на это уже не предметъ нашей статьи... Докончимъ картину чертами, уже настоящаго времени.

„Оскудѣли *верхніе* слои почвы, — это правда, но за то утучняется *нижній*, основой слои. Еще нѣсколько лѣтъ переходнаго состоянія и нижнія слой почвы, вывороченные историческимъ плугомъ придадутъ тучность и влагу всѣмъ

прежнимъ верхнимъ слоямъ... Наше богатство не растратилось, но только переставляется болѣе правильнымъ образомъ, принимаетъ болѣе нормальное положеніе".

Принимая замѣтку г-на Козлова, помѣщенную вскорѣ послѣ этой статьи, съ которой согласилась и редакція, и которая совершенно справедлива, повторяемъ, намъ кажется, что приведенная картина вѣрна не только для прошлаго, но нѣкоторыми своими частями и для настоящаго времени, — мы считаемъ не лишнимъ прибавить къ ней одну, по нашему мнѣнію, не мелкую черту — это-то, что народъ въ большей своей части запуганъ всѣмъ, что выше его, что онъ и до сихъ еще поръ боится промышленности и торговли, промышленниковъ и торговцевъ, хотя впрочемъ за немалыми исключеніями, болѣе расположенъ къ купечеству, нежели къ другимъ промышленнымъ классамъ... И, благо тому, кто пойметъ это дорогое, ничемъ неподкупное расположеніе, съ которымъ легко и удобно ворочать огромные тяжелые камни; помогай только самъ и заставь его быть довольнымъ и вѣрить въ себя. Къ сожалѣнію даже казалось-бы не чуждое народной массѣ общество и то еще плохо понимаетъ это: оно начинаетъ заражаться взглядами высшаго сословія. Къ чему же этотъ не сродной русской натурѣ аристократизмъ?

Въ фабричномъ быту мы можемъ наглядно и ясно видѣть картину прежде братства хозяина съ работникомъ, потомъ постепенное отдѣленіе перваго отъ втораго; для этого позволяемъ себѣ привести выписку одной изъ прежнихъ нашихъ статей. Издавна составилось убѣжденіе, что русскій фабрикантъ въ большинствѣ грубъ, мало знаетъ дѣло, не хорошо обращается съ народомъ, — стоитъ къ нему въ непріязненныхъ отношеніяхъ, эти убѣжденія хотя отчасти и вѣрны, но отношенія не такъ черствы въ дѣйствительности: — злыхъ между фабрикантами также мало, какъ истинно добрыхъ и благородныхъ людей, но добро и зло, темныя и свѣтлыя стороны фабричнаго быта такъ перепутались, въ этотъ чанъ съ здоровою водою натекло такъ много разныхъ постороннихъ примѣсей — и мыльной воды и разныхъ красокъ, что мы должны просить нѣсколько времени и вниманія, чтобы разобрать это дѣло.

Фабрикантъ и особенно русскій фабрикантъ начинаетъ свою фабрикацію съ небольшаго: — былъ онъ искусный ткачъ, сновальщикъ или красильщикъ, скопилъ денегъ малую толику, задумалъ дѣлать дѣло самъ, или какимъ-либо образомъ потерялъ мѣсто, во всякомъ случаѣ при пробудившейся смѣлости отправляется онъ себѣ въ деревню, приговариваетъ въ ней нѣсколько ткачей и направляетъ потомъ шаги или къ мѣстному фабриканту, если онъ есть въ самомъ селѣ, или неподалеку, или въ матушку Москву, къ купцамъ; —беретъ или покупаетъ у того или другаго матеріалъ, работаетъ и изъ званія кустарника или мастерка выростаетъ до фабрикантика. Въ настоящее время подобныя доростанія уже рѣже, но званіе мелкихъ фабрикантовъ, не смотря на рядомъ съ нимъ развившіяся большія мануфактуры и фабрики, живетъ во множествѣ и еще растетъ... Фабрикантикъ стоитъ въ близкомъ отношеніи къ своимъ рабочимъ, и слѣдовательно и съ народомъ; онъ нерѣдко дѣлитъ съ нимъ и радость и горе: — есть лишняя копѣйка и выпьютъ вмѣстѣ, нѣтъ, работникъ и подождетъ на хозяинѣ. — Ничего, братъ, ничего — съ кѣмъ не бываетъ! Нерѣдко и ѣдятъ они вмѣстѣ, работникъ и съ хозяйкой рѣчь ведетъ, хозяинъ и хозяйка даже иногда и крестятъ у работника... но это до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не богатъ; какъ только онъ начинаетъ богатѣть, какъ только начнетъ становиться на ноги настоящаго фабриканта, какъ вмѣшаются въ ихъ отношенія разныя форменныя распоряженія, какъ только попала ему въ руки, и потомъ въ мысль „книжка для рабочихъ“ такъ онъ уже становится совсѣмъ инымъ; ему — и чортъ не братъ; онъ сразу стряхиваетъ съ себя всѣ прежнія отношенія и начинаетъ величатся: — я! да я! да знаешь-ли кто я?... Малое образованіе ядра русскихъ фабрикантовъ, является значительнымъ бѣдствіемъ нашей мануфактурной промышленности; оно выказываетъ, во 1-хъ, при всемъ прославленіи русскаго здраваго смысла и разной величины умовъ самородковъ, всю грубость нашего фабричнаго сословія, грубость, которая, большею своею частію, зависитъ отъ грубости фабриканта и главное, отъ условій, имѣющихъ на него вліяніе. Фабрикантъ только что выбравшійся изъ фабрикантика, долгое время живетъ

какъ солдатъ, на бивакахъ; онъ ни одинъ день не увѣренъ, что завтра онъ можетъ также работать какъ нынѣ: какъ разъ забьютъ тревогу и заставятъ его подниматься со всѣмъ своимъ скарбомъ: измѣненія тарифа, день ото-дня въ разныхъ мѣстахъ болѣе и болѣе проглядывающая контробанда, не даютъ ему покоя ни днемъ ни ночью; большую часть своей жизни онъ проводитъ въ ненормальномъ положеніи; ему каждой день, какъ говорится и спится и видится — какъ бы болѣе позагрѣсть, какъ-бы попрочнѣе оградится и, такимъ образомъ, достичь третьей степени развитія своего званія — настоящаго фабриканта, который въ состояніи задавать уже тонъ дѣлу и свысока, аристократомъ, смотрѣть не только на рабочаго, но и на фабрикантика и на фабриканта.

Въ подтвержденіе высказаннаго приводимъ нѣсколько, особенно яркихъ случаевъ. — На одной изъ большихъ фабрикъ, былъ уполномоченъ нѣсколько лѣтъ сряду управителемъ и главнымъ директоромъ англичанинъ, сдѣлавшій себѣ въ Россіи репутацію какъ *хорошій и опытный директоръ*... Одною изъ его обязанностей, между прочимъ, было обеспеченіе фабрики народомъ; не за долго до великаго дня освобожденія отъ рабства почти половины народонаселенія Россіи, когда разные ужасы грезились не однимъ помѣщикамъ, но и другимъ классамъ, директоръ захотѣлъ обеспечить себя нѣкоторыми хорошими работниками и, разумѣется не безъ вѣдома хозяина предложилъ имъ гуманное дѣло, откупиться отъ помѣщика и перейти въ мѣщане того города, въ уѣздѣ котораго числилась фабрика. Рабочіе, не обдумавъ хорошенько дѣла, согласились; но вскорѣ отгадавъ своего благодѣтеля, на отрѣзъ отказались, англичанинъ вспылилъ, призвалъ народъ, обругалъ всевозможно и сказалъ, что онъ заставитъ ихъ исполнить обѣщаніе. Рабочіе не поколебимо стояли на своемъ. Директоръ подходилъ къ нимъ и той и съ другой стороны—ничего не удалось; послѣ этого онъ обратился къ прикащикамъ и просилъ ихъ помочь ему—*уговаривать народъ*, какъ онъ выражался; нѣкоторые, неся ярмо своего рода рабства въ которомъ у насъ и до сихъ поръ остается не малая часть прикащества, призывали къ себѣ рабочихъ, скрѣпя сердце уговаривали—на что разумѣется въ отвѣтъ слышали короткую, ра-

зумную рѣчь. "Полно, братъ мой Иванъ Ивановичъ, Петръ Петровичъ и. т. п. развѣ ты не видишъ, накакое дѣло ты насъ уговариваешь вѣдь это не ты говоришь. это въ тебѣ англичанинъ сидитъ„... Не успѣвъ съ этой стороны, англичанинъ рѣшился подняться на другую, еще болѣе мерзкую штуку: онъ сталъ подговаривать прикащиковъ составить прошеніе, будто бы отъ народа, сдѣлать на немъ фальшивыя подписи и препроводить его куда слѣдуетъ; всѣ прикащики въ одинъ голосъ отказались отъ такаго вопіющаго дѣла, но директоръ не унялся и этимъ;—онъ дѣйствовалъ съ истинно англійскою настойчивостію, и отыскалъ въ конторѣ писца-мальчика, котораго, прабавкою жалованья, и обѣщаніемъ своихъ милостей, умѣлъ соблазнить сотряпать подобную бумагу и подписаться подъ разныя руки. Подготовивъ это и пославъ бумагу, онъ далъ знать исправнику, *что народъ бунтуетъ*, и тѣ, на кого было угодно указать директору, были отправлены въ городъ, *какъ бунтовщики*.... Къ счастію изъ противорѣчій возникло слѣдствіе, наряженъ былъ чиновникъ-слѣдователь, который запросилъ слишкомъ дорого;—директоръ не далъ; и дѣло кончилось не совсѣмъ благополучно, хотя разумѣется не такъ какъ бы слѣдовало;—важный фактъ для насъ тотъ, что директоръ отправился въ свояси, и работники остались въ прежнемъ положеніи.

Такъ вотъ какіе факты и факты еще не слишкомъ *давняго времени* хранятся подъ спудомъ нашихъ фабрикъ—ихъ не мало. Г. Голицынскій въ своихъ „Очеркахъ фабричной жизни“ многое взялъ живьемъ изъ разныхъ мѣстъ и особенно много изъ одного; прослѣдите все это, и вы поймете, какимъ несокрушимымъ, удивительнымъ терпѣніемъ владѣетъ нашъ такъ-называемый *простой* народъ: даже послѣ того, послѣ всѣхъ изтязаній, увѣчій, которыми награждаютъ ихъ фабрики, послѣ нерѣдко, особенно отъ *иностранныхъ мастеровъ*, безчеловѣчнаго обращенія, онъ еще все таки имѣетъ расположеніе и вѣру въ фабрикантовъ и купечество; идетъ къ нимъ охотнѣе честно зарабатывть свой кусокъ хлѣба и можетъ быть, съ свойственной ему проницательностью, въ которой почему то ему нѣкоторые отказываютъ, онъ умѣетъ отгадать и понять то положеніе, въ которомъ находился и находится этотъ классъ и благодушно многое прощаетъ ему....

— Экой ты, братъ, не все въ бровь, да въ глазъ: нельзя.... случалось намъ нерѣдко слышать, какъ одинъ уговаривалъ другаго...

— Ты, лучше выпей—ну, зло и пройдетъ....

Дѣйствительно есть, были и вѣроятно будутъ случаи, въ которыхъ рабочіе или такъ-называемые фабричные являлись и не такими добродушными, гдѣ они, выведенные изъ терпѣнія, жертвовали даже собой, забывали все изъ-за своей кровной копѣйки, добываемой кровью и потовымъ трудомъ.

Въ ближнее время одному изъ администраторовъ, по переговору съ *нѣкоторыми* приближенными купцами и фабрикантами, которые не брезгали даже ролями *наушниковъ*, и грязью которыхъ никакъ нельзя закидывать все сословіе, вздумалось ввести *особыя правила*, которымъ должны были, кромѣ общихъ постановленій, подчиняться фабричные и рабочіе. Правила загуляли по фабрикамъ, заваривая вездѣ порядочную кашу: въ нихъ между прочимъ было, и именно о харчахъ, сказано слѣдующее: «Если рабочій на своихъ харчахъ, но получаетъ оные у застольной фабриканта, то должно быть обозначено, сколько полагается въ мѣсяцъ за эти харчи и должна быть выставлена цѣна каждый мѣсяцъ" Рабочіе смотрѣли на это недовѣрчиво, привыкши *по обычаю*, который для нихъ святѣй всякаго закона, встрѣчать одну и ту же установленную цѣну въ продолженіи цѣлаго года, которая иногда измѣнялась послѣ Святой и объявлялась всему міру. Фабрикантъ, хотя и не хотѣлъ, но долженъ былъ слѣдовать предписаннымъ правиламъ, особенно первое время по ихъ выходѣ.... (теперь они уже вывѣтрились, какъ и все неосновательное и не идущее къ дѣлу) одинъ изъ фабрикантовъ, руководствуясь этимъ набавляетъ на харчи, впрочемъ очень незначительно; рабочіе, не смѣя шумѣть, жалуются прикащику, прикащикъ отвѣчаетъ, что это не его дѣло, а хозяйское, хотя на самомъ дѣлѣ хозяйскаго въ немъ очень мало.... Выбравши время, въ которое фабрикантъ выѣзжалъ въ городъ, рабочіе собираются толпою около крыльца и становятся около воротъ, въ которыя онъ долженъ выѣхать, фабрикантъ выходитъ, рабочіе приступаютъ къ немъ, онъ жмется и не отвѣчаетъ ничего: языкъ связанъ, чтобъ высказать правду; желая поскорѣе от-

дѣлаться, онъ садится на поданныя ему дрожки и велитъ отворить ворота: нѣсколько дворниковъ и сторожей кидаются исполнить приказаніе, дѣлается свалка—и результатъ ея оказывается очень незавиднымъ: въ свалкѣ одного рабочаго задавили до смерти и озлобленные рабочіе кладутъ трупъ среди двора предъ окнами фабриканта....

Можно представить себѣ тѣ отношенія, то разъединеніе, которое ложится въ такихъ и подобныхъ случаяхъ, между фабричными и фабрикантомъ, между работниками и хозяиномъ...

Оба приведенные нами случая, за фактическую вѣрность въ которыхъ мы ручаемся, невольно подымаютъ много вопросовъ и наводятъ на многія мысли.

Неужели же передовая часть народа, которою не ошибочно почитается купечество, довело народныя черты своего характера,—главную основу своего личнаго и зародыша даже общественнаго характера—до того извращенія, что само дѣлается скорѣе противникомъ народа, нежели другомъ его — неужели оно такъ далеко отдѣлилось, что уже мало понимаетъ его?

Самое дѣло, самый такъ-называемый *характеръ вещей*, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, если даже только поверхностно всмотрѣться въ дѣло, отвѣчаетъ — *да*, или почти да, разумѣется не съ малыми исключеніями, не съ малыми *свѣтлыми* исключеніями, которыя если хотя и перемѣшаемъ съ темной стороной, такъ и тогда все-таки *нѣтъ* — къ сожалѣнію не выйдетъ.

Мало-ли, на памяти у всѣхъ у насъ разной *дури*, которая затѣвалась, кажись бы на прямую пользу народа, затѣвалась такъ-называемыми — патріотами, мало ли наслушались мы рѣчей *въ народномъ духѣ*, мало ли при этомъ, съѣлось обѣдовъ — тоже въ народномъ вкусѣ, мало-ли предъ нами лицъ, изъ купечества, жившихъ на народный ладъ и будто хотѣвшихъ, что то сдѣлать на народную потребу – заводившихъ при фабрикѣ школы, которые падали чрезъ годъ, или два, милостиво снисходившихъ для выслушиванія народныхъ нуждъ, которые почему-то не высказывались или высказывались только намеками, съ недовѣріемъ.... Причины неудачъ, при-

чины того, что голоса ихъ не спѣвались съ народными голосами, очень просты: желанія добра со стороны этихъ маскировавшихся въ народной видъ, *господъ купцовъ и промышленниковъ*, были не искренни народъ угадывалъ ихъ заднюю мысль, онъ видѣлъ къ чему шло дѣло, ему обидно было быть глиной, изъ которой хотѣли слѣпить для него же самаго какой-то кумиръ...

Не говоримъ уже о тѣхъ проходимцахъ, которые, наживъ себѣ состояніе разореніемъ народа — довели его во многихъ мѣстахъ до разврата и крайности, своимъ заднимъ умомъ, какъ метлою вымели цѣлыя деревни и становились потомъ его поборниками — это уже просто отвратительно и можетъ быть принято какъ раскаяніе только тогда, когда не маскируясь, самымъ простымъ и естественнымъ образомъ, все взятое отдастся назадъ; страннымъ намъ всегда казалось то, что нерѣдко изъ среды купечества являлись свѣтлыя и достойныя личности, которыя вначалѣ шли будто по настоящему и практически вѣрному пути, но потомъ вдругъ сворачивали съ дороги; намъ лично было извѣстно не мало такихъ, которыя или подъ внѣшнимъ страхомъ или подъ гнетомъ посторонняго вліянія, скоро сбивались съ настоящаго пути, и остальное время жизни были уже жалки и не полезны....

Изъ приведеннаго въ первыхъ статьяхъ, легко замѣтить, какъ еще труденъ, узокъ, не говоря уже про то, что самъ по себѣ скользокъ, путь нашего торговаго и промышленнаго дѣла... Сколько еще въ немъ не установившагося, шаткаго, изъ котораго приведено нами только серьезное, такъ сказать, одни и еще очень немногія темы, на которыя можетъ быть очень много варіяцій...

Теперь для нихъ (торговли и промышленности) рѣшительное время; теперь время преобразованій, измѣненій всякаго рода, теперь во все, съ самаго высшаго, серьезнаго и до самыхъ *пустяковъ*, въ жизнь русскую входятъ новые элементы, слышатся новые звуки — пора начинать прислушиваться къ нимъ, пора дать право голоса... но истинному, разумному большинству, а не самодурству одного лица, за которымъ, какъ за передовымъ бараномъ, бѣжитъ все стадо.

Но чѣмъ-же труденъ и узокъ путь нашей промышленности

и торговли?.. спросится, можетъ быть, невольно. — У насъ *столько* фабрикъ, бываютъ выставки, раздаются медали, орлы, благодарности, привилегіи и т. д. — Это что нибудь да значитъ — видимое дѣло, что наша промышленность цвѣтетъ, или по крайней мѣрѣ процвѣтаетъ!...

На это мы отвѣтимъ, что общество для *содѣйствія процвѣтанія* отечественной промышленности существуетъ только еще до сихъ поръ въ уставѣ, что для него, по слухамъ, едва ли собрана и половина того, съ чѣмъ оно въ силахъ, въ достойной степени, начать свои благотворныя дѣйствія, о которыхъ, судя по уставу и характеру главныхъ дѣйствующихъ лицъ, никто не можетъ отозваться иначе, какъ о самыхъ благотворныхъ дѣйствіяхъ, которымъ мы отъ души желаемъ скораго исполненія и долгаго, долгаго существованія — потому, что услуги, подобные его услугамъ долго еще необходимы нашей промышленности, и даже никогда не могутъ считаться лишними...

Но помилуйте, спросится можетъ быть невольно, чѣмъ-же не процвѣтаетъ наша промышленность — мало-ли у насъ фабрикъ бумажныхъ, суконныхъ, шелковыхъ — заводовъ сахарныхъ, кожевенныхъ, бумажныхъ?...

Да... „но развѣ Потемкинъ, въ которомъ широкая природа русскаго человѣка сказалась въ самой ширинѣ проявленій лести и лжи, не воплотилъ эту ложь въ поэтически—громадныхъ размѣрахъ, обставивъ пустыни, на протяженіи тысячи верстъ, декораціями селъ, городовъ, гражданственности, промышленности и кипучей дѣятельной жизни? Эти декораціи— колоссальныя эмблемы нашего историческаго общественнаго развитія—объясняютъ многое въ нашей жизни! Императрица Екатерина почеркомъ пера создаетъ семьсотъ городовъ, къ утѣхѣ и радости современныхъ ей прогрессистовъ, — и черезъ нѣсколько лѣтъ значительная часть городовъ разжалована въ заштатные!..."

Не то-ли-же, развѣ только съ маленькою разницею, и многія изъ нашихъ фабрикъ и заводовъ; не похожи ли они на наши заштатные города, въ отношеніи нуждъ и потребностей обработки производительности нашей страны — нашей будущей, сообразной съ необходимыми русскими нуждами, промышленности?

Какъ многое, какъ почти *все* было ложно направлено у насъ, такъ не избѣжала ложнаго направленія и наша промышленность, а за ней разумѣется и торговля.

Передовая статья № 14 за 1862 г. „Дня" довольно последовательно приводитъ примѣръ неестественному, малообдуманному и разумному направленію нашей промышленности съ чужаго примѣра, съ чужаго голоса.

„Занявшись своимъ развитіемъ, подъ вліяніемъ примѣра западной жизни, нами плохо понимаемой, мы сначала плѣнились теоріей запретительныхъ тарифовъ и меркантильною системою; потомъ вообразили себѣ, что Россія — государство земледѣльческое, забывая, что ея чисто промышленныя области обширнѣе любаго государства въ Германіи, не исключая и Пруссіи,—и, какъ люди, идущіе съ вѣкомъ наравнѣ, безусловно увлеклись ученіемъ о свободной торговлѣ! Мы искусственно и почти насильственно создавали фабрики — не для обработки сырыхъ матеріаловъ, истинныхъ богатствъ Россіи, — а для удовлетворенія искусственной жизни высшаго „образованнаго" общества. Мы хлопотали о разведеніи шелка, даже въ центральной Россіи, оставляя въ пренебреженіи наше громадное, богатство — ленъ и пеньку! — Мы усовершенствовали тонкія сукна, предоставляя крестьянину ходить въ самодѣльной сермягѣ и дерюгѣ. Мы завели „биржи" тамъ, гдѣ нѣтъ и помину о внѣшней торговлѣ, и только украсили города краснорѣчиво—пустынными, великолѣпными, ненужными зданіями. Мы гордимся нашимъ ремесленнымъ заведеніемъ, напримѣръ въ Москвѣ, не уступающемъ учрежденіямъ европейскимъ, и снабженнымъ моделями всяческихъ машинъ, даже и не приложимыхъ къ Россіи,—и не имѣемъ *никакого* хранилища, никакого собранія образцовъ народной ремесленной и рукодѣльной производительности! * Наши промышленныя выставки въ Москвѣ и Петербургѣ блистательны, но блещутъ онѣ преимущественно предметами роскоши и страшно бѣдны предметами къ удобству и улучшенію народно жизни!.."

---

* Надо впрочемъ надѣяться, что эти хранилища—Мѣстныя Музеи, по примѣру Московскаго Статистическаго Комитета, вскорѣ устроятся теперь и въ другихъ губерніяхъ.

Почему все это такъ — отчего все шло и вышло именно такъ, а не иначе?...

Отвѣтить на это коротко, хотя можетъ быть и не совсѣмъ ясно, можно также вопросомъ: отчего *все* у насъ, а не одна торговля и промышленность, шло до сихъ поръ въ большей и главнѣйшей своей части не такъ, какъ въ настоящее время, отчего все еще только думаетъ идти, и будто только означаетъ направленіе?

Разъясненіе этихъ обѣихъ, одинъ изъ другаго, вытекающихъ вопросовъ прежде всего, во вкоренившемся крѣпостномъ правѣ; со времени нѣсколькихъ столѣтій, въ отчужденности того, что зовется обществомъ, отъ народа, пренебреженіи его потребностями, постановкѣ ихъ на заднемъ планѣ, въ духѣ, который и до сихъ поръ не чуждъ обществу и между другими и купечеству, по которому почти каждый сей-часъ, же по выходѣ изъ коренной, русской среды, старается отдѣлаться отъ нее и выйти *въ люди*, т. е. неестественно, какъ-то изолированно настроить себя и стараться прежде всего удовлетворить этимъ своимъ неестественнымъ потребностямъ, и главное все-таки, въ жизни съ чужаго ума, въ изученіи или скорѣй въ копировкѣ только однихъ верховъ, одного яркаго и рѣзкаго европейскаго, и жизни и промышленности, при почти полнѣйшемъ отсутствіи проникновенія ея общаго рода разумно отвѣчающими и средствамъ и развитію и климатическимъ условіямъ идеями...

Освобожденный народъ двинулся теперь впередъ цѣлою массою; онъ уже началъ заявлять себя во всемъ; онъ заявилъ себя и въ промышленности и въ торговлѣ, и надо думать оботретъ въ ней все угловатое, ограничитъ развитіе всего ненужнаго, и помиритъ всѣ враждующія и противорѣчущія другъ другу направленія. Ясное дѣло, что всякій, желающій вести съ успѣхомъ промышленное или торговое дѣло долженъ зорко вглядываться въ настоящія потребности общества и народа—онъ долженъ предвидѣть даже измѣненія общества—народнымъ вліяніямъ, долженъ, такъ сказать, проникнутся національностію въ дѣлѣ, устроить дѣло хотя не домашнимъ образомъ, не своими средствами, но съ помощію выработаннаго и временемъ и наукой и великими изобрѣте-

ніями, промышленнаго вѣка, поставить его такъ, чтобъ чувствовать, что *онъ дома*, знать, что нужно сосѣду и что полезно взять у него.

Но нѣтъ ли какихъ либо серьезныхъ, не переходимыхъ препятствій, плетней и перегородокъ, которыя замедляли развитіе нашей торговли и промышленности, которыя *именно* заставляли ее пробираться или особенными, проселочными путями, или глохнуть по отмежеваннымъ для нихъ тропинкамъ, и, главнымъ образомъ, мѣшали выдти народнымъ промысламъ, народному труду и народной торговли на широкую и открытую дорогу? Прежде всего, этихъ препятствій и препонъ слѣдуетъ поискать въ главномъ для каждаго народа—въ духѣ его торговаго законодательства *).

Въ отдѣлѣ о торговлѣ крестьянъ по разрядамъ (Св. Зак. Т. X. въ ст. 211-й), полагалось слѣдующее. „Крестьяне государственные, удѣльные и помѣщичьи, оставаясь въ своемъ званіи, могутъ производить торговлю и промышленность, купечеству предоставленную, также заниматься разными промыслами и ремеслами, присвоенными особенно мѣщанамъ, но не иначе, какъ по запискѣ въ установленные для нихъ торговые разряды, со взятіемъ узаконенныхъ свидѣтельствъ и съ платежемъ пошлины, соотвѣтственно обширности торга или промысла.“

Статья 212-я продолжаетъ:

„На семъ же основаніи дозволяются купеческая и мѣщанская торговля и промыслы свободнымъ хлѣбопашцамъ и вольнымъ людямъ въ западныхъ губерніяхъ, а равно поселянамъ разныхъ наименованій, принадлежащихъ къ числу государственныхъ крестьянъ, какъ-то: однодворцамъ, панцырнымъ боярамъ, прежнихъ службъ служилымъ людямъ, войсковымъ обывателямъ, малороссійскимъ казакамъ, ямщикамъ, татарамъ, казакамъ внѣ границъ войсковыхъ земель.“

Статья 221 говоритъ, что

„Крѣпостные люди *не иначе* допускаются къ полученію торговыхъ свидѣтельствъ, *какъ предъявивъ дозволеніе помѣ*-

---

*) Хотя нѣкоторыя изъ этихъ законоположеній измѣнены, но мы беремъ ихъ вполнѣ для болѣе полной характеристики недавняго времени.

щика; но получивъ торговое свидѣтельство и вступя по оному въ торговыя дѣла, они не могутъ быть удаляемы по волѣ помѣщиковъ, до истеченія срока свидѣтельству, для отдачи въ военную службу, или для переселенія въ Сибирь."

Торговые права по разрядамъ, заключаются въ слѣдующемъ: (Ст. 223). Свидѣтельство перваго рода даетъ право торговли, предоставленной купцу первой гильдіи, за исключеніемъ права заниматься банкирскими и страховыми дѣлами. (Ст. 224). Свидѣтельство втораго рода даетъ право торговли, предоставленной второй гильдіи. (Ст. 225). Свидѣтельство третьяго рода даетъ право торга, предоставленнаго третьей гильдіи. (Ст. 226). Свидѣтельство четвертаго рода даетъ право на торги и промыслы, въ городахъ предоставленные мѣщанамъ. (Ст. 227). Торгующимъ по свидѣтельствамъ крестьянъ, какъ государственнымъ, такъ и помѣщичьимъ, дозволяется брать на свои имена векселя, но они не имѣютъ права давать оныхъ на себя, а потому и принятые векселя дозволяется имъ передавать другимъ только *безъ возврата на себя.*"

Для нашей статьи довольно и этихъ выписокъ: изъ нихъ уже виденъ духъ и направленіе законодательства.

Нѣкоторыя положенія уже сами собою исключаютъ себя; такъ, напримѣръ, статья 221. „*Что крѣпостные люди неиначе допускаются къ полученію торговыхъ свидѣтельсшвъ, какъ предъявивъ дозволеніе помѣщика!* Нѣкоторыя хотя и отмѣнены или измѣнены, но не во всемъ къ лучшему.

Каково это, особенно для стараго времени, когда изъ каждаго позволенія, помѣщикъ старался выжимать доходъ и когда за отпускную на волю, для того, чтобы приписаться въ купцы, платили цѣлыми состояніями въ 20,000 и болѣе рублей серебромъ. Мудрено ли, что русская, даже внутренняя торговля уродливо развивалась, какъ слишкомъ туго спеленутый ребенокъ, и что она, безъ парадокса, была не малымъ числомъ своихъ дѣятелей, *въ крѣпостномъ состояніи*, которое частію остается за нею и теперь. У насъ кричали и кричатъ о свободѣ торговли, разумѣется внѣшней—хлопочите-ка лучше о свободѣ внутренней торговли — ко всякой, особенно широкой, *свободѣ* нужно приготовиться!

Вдумываясь въ смыслъ 227 статьи, по которой крестья-

намъ дозволяется *брать* на свои имена векселя, (т. е. отъ себя), но не дается права *давать* оныхъ *на себя, а потому* и принятые векселя дозволяется другимъ передавать только *безъ возврата.* — Приходишь къ заключенію, что это иными словами — *другимъ кредитъ давать, а самому имъ не пользоваться, и не прибѣгать даже къ выгодамъ, доставляемымъ дисконтомъ,* потому что въ нашемъ коммерческомъ мірѣ надпись *безъ возврата на меня,* все равно, что клеймо, лишающее векселя всякаго хода.

Какая же торговля можетъ существовать безъ кредита и безъ выгодъ имъ доставляемыхъ?

Теперь намъ осталось взглянуть на *свободную* торговлю, предоставленную крестьянамъ и сельскимъ обывателямъ.

Законоположенія о свободной торговлѣ сельскихъ обывателей выражаются въ слѣдующемъ:

Мы выписываемъ только болѣе примѣняемые къ дѣлу статьи.

(Сводъ законовъ томъ XI).

(Статья 317). „Крестьяне помѣщичьи, удѣльные и государственные всѣхъ наименованій могутъ имѣть въ своихъ селеніяхъ открытыя лавки, лабазы и другія подобныя торговыя заведенія; *но* торговать въ оныхъ дозволяется имъ одними тѣми товарами, кои означены въ особыхъ къ сей ст. приложенныхъ росписяхъ, закупая оные въ городахъ и на ярмаркахъ.

(Ст. 318). Они могутъ свободно закупать и развозить въ уѣздахъ и городахъ припасы всякаго рода, также сельскія произведенія, рукодѣлія и издѣлія, и продавать оныя на торгахъ и рынкахъ изъ возовъ, судовъ и лодокъ, а на ярмаркахъ имѣть для сего и временныя лавки.

(Ст. 319). Крестьянскія семейства могутъ имѣть въ селеніяхъ станы всякаго рода, на коихъ они работаютъ сами, и всякія домашнія заведенія, на которыхъ вырабатываются крестьянское сукно, холстъ и пестрядь.

(Ст. 320). Крестьяне могутъ имѣть въ селеніяхъ, такъназываемыя, домашнія заведенія, или малыя фабрики, дѣйствующія наемными работниками, сображаясь въ числѣ оныхъ съ правиломъ, постановленнымъ выше, въ статьѣ 290. Если же они, при фабрикахъ своихъ, употребляютъ болѣе опредѣ-

леннаго числа работниковъ, то должны брать установленныя свидѣтельства третьяго рода.

(Ст. 321). Крестьяне могутъ свободно приписываться въ цехи и имѣть въ городахъ, не исключая и столицъ, постоянныя мастерскія; имъ дозволяется продавать по мелочи въ столицахъ и другихъ городахъ товары, означенные въ особой при семъ приложенной росписи, содержать харчевни, корчмы, и постоялые дворы въ уѣздныхъ городахъ, имѣющихъ менѣе тысячи пятисотъ ревизскихъ душъ мужескаго пола, и входить во всякіе дозволенные имъ законами казенные подряды, гдѣ бы то ни было.

(Ст. 323). Извозничество, содержаніе почтовыхъ лошадей и разныхъ судовъ, харчевень и постоялыхъ дворовъ въ селахъ и деревняхъ, развозка и продажа дровъ, плиты и другихъ матеріаловъ, огородничество, садоводство и вообще упражненіе въ работахъ и ремеслахъ, крестьянскому быту свойственныхъ, не составляютъ торговли и не подлежатъ ни какому ограниченію.

Входить въ подобный разборъ этихъ законоположеній и трудно и сложно; мы обратимъ вниманіе только на главныя стѣсненія, въ которыя они повергаютъ торговаго человѣка: напримѣръ, въ концѣ ст. 317-й — торговать дозволяется— *только одними тѣми товарами, кои означены въ особыхъ къ сей статьѣ приложенныхъ росписяхъ* (*). Если эти росписи служатъ для ограниченія правъ торговли, то кажется довольно трудно составить реэстръ потребностямъ развивающейся народной жизни, это по нашему мнѣнію, не малое стѣсненіе для торговли всякаго *свободнаго* сельскаго обывателя, не малый предлогъ къ придиркамъ всего облеченнаго властію, и даже, въ нѣкоторой степени, поводъ имѣть въ этой торговлѣ именно то, что въ ней должно бы быть дѣйствительно запрещеннымъ. Статья 318 не обезпечиваетъ предоставляе-

(*) Это въ послѣднее время повторилось и съ торговлею мѣщанъ, такъ что въ Москвѣ напримѣръ ограничило эту торговлю до такой степени, что вмѣсто 2816 торговыхъ свидѣтельствъ взятыхъ 1860 г., — въ 1863 году взято ихъ только 800, но въ февралѣ 1864, многія стѣсненія мѣщанскихъ и ремесленныхъ промысловъ и торговли, по ходатайству Московскаго Городскаго Общества, отмѣнены.

мыхъ ею правъ: дѣло старое и извѣстное, что у насъ каждый городъ, каждая ярмарка имѣетъ своихъ властей и свой законъ и дѣлать въ нихъ что нибудь *свободно*, а слѣдовательно и торговать—дѣло ни для кого не возможное. Ограниченіе выработки поименованныхъ въ 319 статьѣ тканей, не дастъ никакого хода развитію крестьянскихъ фабрикацій, ремеслъ и прочаго. На большей части торговаго законодательства, какъ мы видимъ, лежитъ характеръ ограниченій и стѣсненій.

Многаго къ этому прибавлять нечего: изъ сказаннаго нами, въ нашихъ статьяхъ, надѣемся, хотя сколько-нибудь видно, что во всѣхъ отношеніяхъ промышленности и торговли къ народу довольно ясно замѣтна мысль, по которой все хочетъ выѣхать на его могучихъ плечахъ, не думая о томъ, что эти плечи принадлежатъ людямъ, имѣющимъ одинаковыя со всѣми человѣческія права и недостатки, и могутъ ослабѣть. Но, къ счастію, они еще не ослабли; они мощно заявляютъ свою силу, работникъ—помощникъ; русскій работникъ, чтобы про него не говорили, всегда дѣлаетъ успѣшнѣе и лучше, когда съ нимъ обращаются по-братски. Духъ нашего общиннаго направленія побуждаетъ къ этому всѣхъ и каждаго. Русскіе фабриканты, принимая даже въ расчетъ ихъ грубость и неразвитость, все-таки не то, что иностранные плантаторы; стѣсненія отъ нихъ рабочимъ вызываются по большей части, стѣсненіями ихъ же самихъ.

VI.

Домъ Московскаго Градскаго Общества по купеческому отдѣленію.

Значеніе и средства для значенія.

Долгое время оставались у насъ въ тѣни и далеко не на первомъ планѣ общественныя мѣста или учрежденія, подобныя Дому Градскаго Общества: и общество

не имѣло ни смѣлости и, надо признаться, ни желанія знать и вѣдать, что̀ это за учрежденія, какія его отношенія къ нему, въ чемъ ихъ средства, какъ они составились, кто завѣдуетъ ими, чѣмъ руководятся при этомъ, въ чемъ ихъ права, въ чемъ обязанности и т. д.

Повсемѣстное преобразованіе Думы и живое, непритворное участіе къ ней ясно выразило вниманіе общества къ этому учрежденію. Городовое управленіе, которое только что начинаетъ становиться на ноги, являетъ намъ общественное учрежденіе уже въ болѣе совершенной формѣ. Общественное вниманіе уже живо затронуто ходомъ этого учрежденія. Въ распоряженіи городскими суммами начинаетъ уже принимать участіе цѣлое общество, въ лицѣ ста человѣкъ выборныхъ отъ каждаго сословія. Дума, въ своемъ переходномъ состояніи, представляетъ много любопытнаго — о ней еще большая рѣчь впереди, теперь же мы обратимся къ учрежденію другаго характера, которое своимъ выборнымъ началомъ будетъ имѣть неразрывную связь съ городовымъ управленіемъ.

Прежде всего—какое значеніе имѣлъ у насъ Домъ Градскаго Общества?

Домъ Московскаго Градскаго Общества имѣлъ еще въ недавнее время обширное, многостороннее значеніе въ жизни Москвы и особенно серьезное и важное по отношенію къ купеческому и мѣщанскому обществамъ; это, какъ мы сейчасъ увидимъ, изъ живущихъ до настоящаго времени фактовъ, было такъ сказать довѣренное лицо, центръ всѣхъ общественныхъ движеній двухъ обществъ отвѣтчикъ и ходатай предъ государствомъ за ихъ членовъ, распорядитель выборами на общественную службу, источникъ общественныхъ благотвореній, хозяинъ въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ купеческаго и мѣщанскаго сословій, мѣсто, которому ввѣрены и ввѣряются значительные капиталы частныхъ лицъ, не только для общественныхъ нуждъ, но и какъ посреднику между умершимъ и его остающимся семействомъ; въ рукахъ Дома Градскаго Общества была судьба цѣлой жизни многихъ изъ своихъ согражданъ—воспитаніе дѣтей, врученіе выбраннымъ общественныхъ должностей, формальности при

переходѣ изъ мѣщанъ въ купцы и обратно, отбывка натуральной мѣщанской повинности (рекрутчина) вспомоществованіе мѣщанамъ въ уплатѣ податей за людей неимущихъ, или полная за нихъ уплата, участіе и вспоможеніе имъ въ ихъ частной жизни, призрѣніе престарѣлыхъ и больныхъ, выдача замужъ бѣдныхъ невѣстъ и т. п; наконецъ защита лицъ купеческаго и мѣщанскаго сословій предъ правительственною властію, общественные приговоры и т. д. Уже и изъ этого, еще далеко неполнаго перечня, передъ нами встаетъ все обширное значеніе этого учрежденія, вся его общественная важность и то мѣсто, которое оно имѣло право занять при нашемъ стремленіи сдерживаемаго, но все таки быстраго хода къ самосознанію и общественному управленію....

Пойдемъ постепенно въ разсмотрѣніе во 1-хъ средствъ, которыя давали ему такую мощь, во 2 хъ какъ составлялись, употреблялись и употребляются эти средства и въ 3-хъ, имѣлъ ли Домъ Градскаго Общества такое значеніе, которое могъ бы имѣть?

Домъ Московскаго Градскаго Общества дѣлился на два отдѣленія: 1 е, Домъ Московскаго Градскаго Общества по купеческому отдѣленію и 2-е, Домъ Московскаго Градскаго Общества по мѣщанскому отдѣленію.

Здѣсь мы представимъ матеріалы преимущественно для изученія Дома Градскаго Общества по купеческому отдѣленію, въ его прежнее время.

Вотъ какія средства представляютъ бюджеты и отчеты его за два послѣдніе года.

Смѣты доходамъ и расходамъ Московскаго Купеческаго Общества составляются на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 27 день декабря 1849 г. положенія коммитета Гг. Министровъ.

1) Собственность Дома Градскаго Общества по купеческому отдѣленію заключается въ:

а) Движимости.

	1861 г.	*1862 г.*
Отъ 1860-го предположено быть въ остаткѣ:		

Общественной суммы въ 5 бил.	104,890 р. 62 к.	117,887 р. 92 к.
Наличными . .	3,000 р.	»
	107,890 р. 62 к.	117,887 р. 92 к.

А) Доходовъ съ общественныхъ имѣній.

1) Неопредѣленныхъ:

1) Съ городскаго мытнаго двора до	9,012 р. 22 к.	9,096 р. 16 к.
2) » мытнаго скотопригоннаго двора до . .	22,055 р. 47 к.	21,936 р. 89 к.
3) » » масленнаго двора до. . . .	10,401 р. 75 к.	9,692 р. 65 к.
4) » новаго гостиннаго двора до	13,058 р. 52 к.	13,160 р. 25 к.

2) Опредѣленныхъ:

5) Съ Шуйскаго подворья по условію, заключенному съ содержателемъ онаго купцомъ Просинымъ.	5,500 р.	8,150 р.
6) Съ излишнихъ покоевъ при домѣ, занимаемомъ Домомъ Градскаго Общества, съ наемщика куп. Шоази.	600 р.	600 р.
	на освѣщеніе 2-хъ спиртовыхъ фонарей	49 р. 26 к.
7) Съ рыбнаго двора, съ наемщиковъ онаго рыбныхъ торговцевъ наемныхъ. . . .	12,000 р.	12,000 р.
Городскихъ съ нихъ же, съ оцѣнкою сего двора съ 42,857 р. 14¼ к	на застрахованіе двора.	129 р. 10 к.
повинностей.	507 р. 88 к.	507 р. 88 к.
	12,507 р. 88 к.	12,686 р. 24 к.
8) Со вновь выстроенныхъ теплыхъ магазиновъ съ погребами, на углу Солянскаго рыбнаго двора	2,000 р.	2,000 р.

9) Съ трехъ лавокъ въ табачномъ и ножевомъ рядахъ, по

условію съ наемщика купца Щеглова	1,000 р.	1,000 р.
10) Съ пяти лавокъ въ овощномъ щепетильномъ рядахъ, по условію съ разныхъ наемщиковъ.	6,500 р.	6,500 р.
11) Съ пяти лавокъ въ овощномъ, свѣчномъ и восковомъ рядахъ, по условію съ наемщика купца Рожнова наемныхъ денегъ	4,000 р.	4,000 р.
Городскаго, съ оцѣнки лавокъ въ 10,000 повинностей . .	118 р.	118 р. 75 к.
	4,118 р. 75 к.	4,118 р. 75 к.
12) Съ девяти лавокъ въ хрустальномъ ряду по условію съ разныхъ наемщиковъ .	3,500 р.	3,500 р.
13) Съ земли общественной, Андреевской богадѣльни, по условію съ наемщика купца Фецкина	75 р.	75 р.
	90,329 р. 59 к.	92,515 р. 94 к.
Б) Разныхъ полученій:		
14) На содержаніе Городовыхъ Сиротскаго и Словеснаго Судовъ сверхъ отпускаемыхъ отъ купеческаго общества 2,594 р. 48 ½ к. Еще по приговору мѣщанскаго и цѣховаго обществъ 11 іюня 1815 г.		
Отъ мѣщанскаго общества. .	714 р. 28 ½ к.	714 р. 28 ½ к.
» цѣховаго общества. . .	85 р. 71 ½ к.	85 р. 71 ½ к.
	800 р.	800 р.
15) Изъ Московскаго Опекунскаго Совѣта Государственныхъ непрерывно-доход-		

ныхъ билетовъ по отосланному въ оный билету Сохранной Казны, пожертвованному Гг. Алексѣевыми на содержаніе воспитанниковъ въ Коммерческомъ Училищѣ на сумму	12,500 р.	
16) Процентовъ изъ Московскаго Уѣзднаго Казначейства по означеннымъ билетамъ на сумму 12,500 р. по 4% на 100 въ годъ . . .	500 р.	500 р.
17) Изъ Пашковскаго капитала въ число употребленныхъ на счетъ его изъ занятыхъ Обществомъ въ Сохранной Казнѣ денегъ, на отстройку дома отдѣленіемъ богадѣльни, занимаемаго, 64,428 р. 57 к. с, а за уплатою въ число сей суммы по 1861 годъ 65,247 р. 56 к., на остальныя 1,181 р. 1 к.		
Процентовъ съ 23 апрѣля 1860 по 23 апрѣля 1861 г. по 4%	47 р. 24 к.	
Въ уплату остальнаго долга .	1,181 р. 1 к.	1,228 р. 25 к.
	15,028 р. 25 к.	

Это, какъ можно замѣтить, во первыхъ движимость—деньги въ билетахъ и годовой доходъ съ недвижимости; имѣемъ въ итогѣ:

	По бюджету. 1861 г.	По бюджету 1862 г.
Движимая собственность заключается:		
Въ 5-ти билетахъ .	Р. С. 104,890. 62 к.	
Наличными.	„ 3,000.	
	Р. С. 107,890. 62 к.	117,887 р. 92 к.

Ежегодный доходъ:

Съ недвижимости . .	„	92,857. 84 к.	93,815 р. 94 к.
„ непрерывно доходныхъ билетовъ . .	„	12,500.	
	Всего Р. С.	213,248. 46 к.	211,703 р. 86 к.

Это первый отдѣлъ доходовъ, имѣющій особыя назначенія, о которыхъ мы сейчасъ и скажемъ, но прежде этого постараемся выставить на видъ недвижимость — она очень значительна;

Недвижимую собственность Дома Московскаго Городскаго Общества составляютъ:

1) Городской Мытный Дворъ.
2) Мытный скотопригонный.
3) Мытный Масляный.
4) Новый Гостинный Дворъ.
5) Шуйское подворье.
6) Домъ самого Градскаго Общества.
7) Рыбный дворъ.
8) Магазины и погреба въ Солянскомъ рыбномъ дворѣ.
9) Три лавки въ табачномъ и ножевомъ рядахъ.
10) Пять лавокъ въ овощномъ и въ щепетильномъ.
11) Пять лавокъ въ овощномъ, свѣчномъ и восковомъ.
12) Девять лавокъ въ хрустальномъ ряду.
13) Земля при Андреевской Богадѣльнѣ.
14) Самая Андреевская Богадѣльня.

Доходъ со всей недвижимой собственности простирается въ 1861 году до 92,857 р. 84 коп., въ 1862 году до 93,815 руб. 94 к.

Все это неотъемлемая, вѣчная собственность Дома Градскаго Общества, въ которой онъ полный хозяинъ и доходы съ которой онъ имѣетъ право употреблять по своему усмотрѣнію; въ его рукахъ увеличить эти доходы, сократить ихъ употребленіе, въ одномъ отношеніи, увеличить въ другомъ дать производительности имущества то или другое направленіе и т. д. Управленіе всѣмъ этимъ имуществомъ Общество

вручаетъ людамъ избраннымъ изъ среды купеческаго сословія, слѣдовательно управленіе имъ находится въ рукахъ цѣлаго купеческаго общества Употребленіе этихъ общественныхъ суммъ, и особенно современное употребленіе имѣетъ несомнѣнный интересъ.

Употребленіе это ясно видно изъ той же смѣты, изъ которой мы привели движимость и недвижимость Дома Градскаго Общества.

Вотъ какъ оно раздѣляется по табели.

А) На содержаніе разныхъ присутственныхъ мѣстъ.

	1861 г.	*1862 г.*
1) Дома Московскаго Градскаго Общества по купеческому отдѣленію:		
На жалованье чиновникамъ и канцелярскимъ служителямъ.	4,498 р. 85½ к.	4,498 р. 85½ к.
На жалованье военной командѣ и дворнику.	629 р. 71⅓ к.	629 р. 71⅓ к.
На канцелярскіе по сему дому расходы . . .	2,500 р.	2,500 р.
	7,628 р. 57 к.	7,628 р. 57 к.
2) Городоваго Сиротскаго Суда	3,137 р. 34¼ к.	3,137 р. 34¼ к.
3) Словеснаго Суда. .	257 р. 14¼ к.	257 р. 14¼ к.
4) Канцеляріи Московскаго Отдѣленія Коммерческаго Совѣта .	571 р. 42¾ к.	571 р. 42¾ к.
	11,594 р. 48¼ к.	11,594 р. 48¼ к.
Б) На содержаніе разныхъ учебныхъ заведеній:		
5) Московскаго Коммерческаго Училища на 40 штатныхъ воспитанниковъ	10,000 р.	10,000 р.

6) Московскаго Мѣщанскаго Мужскаго Училища на 116 ть всегдашнихъ общественныхъ воспитанниковъ	4,997 р. 62 к.	4,997 р. 62 к.
7) Московскаго Мѣщанскаго Дѣвичьяго Училища, на 71 всегдашнюю общественную воспитанницу . . .	4,658 р. $33\frac{1}{2}$ к.	4,658 р. $33\frac{1}{2}$ к.
8) На содержаніе 10-ти общественныхъ воспитанницъ въ школахъ благотворительнаго общества 1837 г.	571 р. $42\frac{3}{4}$ к.	571 р. $42\frac{3}{4}$ к.
9) На содержаніе 12-ти общественныхъ пансіонерокъ въ Елисаветинскомъ Училищѣ.	1,237 р. $14\frac{1}{4}$ к.	1,237 р. $14\frac{1}{4}$ к.
10) На содержаніе 10-ти общественныхъ воспитанниковъ въ школѣ Садоводства . .	571 р. $42\frac{3}{4}$ к.	571 р. $42\frac{3}{4}$ к.
	22,035 р. $95\frac{1}{4}$ к.	22,035 р. $95\frac{1}{4}$ к.
В) На содержаніе Благотворительныхъ заведеній:		
11) Общественной Андреевской на 840 человѣкъ	17,097 р. $26\frac{1}{2}$ к.	13,800 р.

Примѣчаніе: Сверхъ означенныхъ 17,097 р. $26\frac{1}{2}$ к. назначено на содержаніе богадѣльни изъ процентовъ съ капитала разныхъ благотворителей 16,902 р. $73\frac{1}{2}$ к. сер.

Расходы по общественнымъ имѣніямъ, которые простираются въ 1861 г. до 15,337 р. $97\frac{1}{2}$ к. въ 1862 г. до 15,690 р. $27\frac{1}{2}$ к.

производятся по слѣдующей табели, которую мы помѣщаемъ въ выноскѣ.

Особенно обращаютъ здѣсь вниманіе благотворенія: на выдачу 200 бѣднымъ семействамъ здѣшнихъ гражданъ въ пособіе предъ праздникомъ Св. Пасхи. 1,000 р.

Нижнимъ чинамъ, содержащимъ здѣсь въ Москвѣ караулъ . . . . 500 р.

Они слѣдующіе:	*1861 г.*	*1862 г.*
Съ оцѣнки общественныхъ имѣній съ 602,285 р. 71$\frac{1}{4}$ к. городскихъ повинностей:		
Однопроцентныхъ.	6,022 р. 93 к.	6,022 р. 93 к.
Съ сей суммы на водопроводъ 12$\frac{1}{2}$ процентовъ	752 р. 91 к.	752 р. 91 к.
Квартирныхъ, за сторожку въ рыбномъ дворѣ	25 р. 72 к.	25 р. 72 к.
Поземельныхъ, за землю, между скотопригоннымъ и масляньмъ дворами .	19 р. 95 к.	19 р. 95 к.
Съ сей суммы, на водопроводъ. . .	2 р. 50 к.	2 р. 50 к.
На содержаніе рядской пожарной команды	183 р. 41 к.	183 р. 41 к.
	7,007 р. 42 к.	7,007 р. 42 к.
На жалованье разнымъ лицамъ, служащимъ при общественныхъ имѣніяхъ:		
По скотопригонному двору.	2,142 р.	2,215 р.
На заставахъ смотрителямъ за провозомъ товаровъ въ сей дворъ . . .	1,050 р.	1,050 р.
Смотрителю того двора и ему на дрова.	345 р. 71$\frac{1}{4}$ к.	345 р. 71$\frac{1}{2}$ к.
По масляному двору	120 р.	120 р.
„ городскому мытному двору. . .	280 р.	360 р.
	3,937 р. 71$\frac{1}{2}$ к.	4,090 р. 71$\frac{1}{2}$ к.
На разныя покупки для сихъ имѣній вещей и постоянный ремонтъ:		
По скотопригонному двору	1,655 р.	1,755 р.
„ масляному двору	130 р.	130 р.
„ городскому мытному двору. .	400 р.	500 р.
„ гостиному двору	100 р.	100 р.
„ дому, занимаемому Домомъ Градскаго Общества	300 р.	300 р.
„ Алексѣевскому двору, что по задн биржи	50 р.	50 р.
	2,635 р.	2,835 р.
	13,580 р. 13$\frac{1}{4}$ к.	13,933 р. 13$\frac{1}{4}$ к.

Д) Разныхъ расходовъ:

Священнику цер. Св. Николая Чудотворца, что на Красный Звонъ, за расположенныя на дворъ его дома окна изъ Дома Градскаго Общества за 1861 г. .	57 р. $14\frac{1}{4}$ к.	57 р. $14\frac{1}{2}$ к.
На отвозъ избираемыхъ въ Домѣ Градскаго Общества мальчиковъ для поступленія въ С.Петербургскій Технологическій Институтъ	200 р.	200 р
На выдачу 200 бѣднымъ семействамъ здѣшнихъ гражданъ въ пособіе предъ праздникомъ Св. Пасхи	1,000 р.	1,000 р.
На выдачу нижнимъ чинамъ содержащимъ здѣсь въ Москвѣ караулы, въ день Св. Пасхи	500 р.	500 р.
	1,757 р. $14\frac{1}{4}$ к.	1,757 р. $14\frac{1}{4}$ к.

Послѣдняя статья расходовъ озаглавлена „единовременными" и носитъ смѣшанный характеръ. Мы означаемъ здѣсь эти расходы, въ итогахъ.

	1861 г.	*1862 г.*
1) По учебнымъ заведеніямъ	12,338 р. 75 к.	14,472 р. 10 к.
2) Страхованіе общественнаго имѣнія .	3,503 р. 40 к.	551 р. 40 к.
3) На постройки и починки	1,800 р.	1,970 р.
4) Разные расходы. (на передѣлку мытнаго двора 80,000 Солянки 300)	80,300 р.	105,387 р. 92 к.
5) Экстренные расходы	3,000 р.	3,000 р.
И такъ въ общественную сумму предполагается получить:		
Наличными.	92,857 р. 84 к.	93,815 р. 94 к.
Непрерывно доходными билетами . .	12,500 р.	
Р. С.	105,357 р. 84 к.	93,815 р. 94 к.
Остается отъ 1860 года, какъ показано .	107,890 р. 62 к.	117,887 р. 92 к.
Всего	213,248 р. 46 к.	211,703 р. 86 к.

Предположено, из[illegible] расходовать . . .	199,878 р. 19½ к.	236,304 р. 20 к.
Остается	13,370 р. 26½	Недостаетъ 24,600 р. 34 к.

Мы нарочно особенно долго и подробно остановились на этомъ отдѣлѣ, потому что онъ особенно важенъ, какъ неотъемлемая собственность, дающая значеніе Дому Градскаго Общества.

Расходы его слѣдующіе:

Е) На уплату долговъ— Московскому Опекунскому Совѣту.		
Процентовъ	7,065 р. 68 к.	6,719 р. 73 к.
Въ уплату капитала.	8,648 р. 92 к.	8,994 р. 87 к.
	15,714 р. 60 к.	15,714 р. 60 к.
Въ капиталъ мѣщанскихъ училищъ.		
Процентовъ по 4% .	1,333 р. 33 к.	1,005 р. 41½ к.
Въ капиталъ общественной Андреевской Богадѣльни:		
Процентовъ по 4% .	1,118 р. 66 к.	1,118 р. 66 к.
Въ уплату капитала.	3,000 р.	3,000 р.
	4,118 р. 66 к.	4,118 р. 66 к.
Въ капиталъ хлѣбнаго магазина:		
Процентовъ по 4% на 100	5,131 р.	5,131 р.
За прежнее время.	6,573 р. 48 к.	
	11,704 р. 48 к.	11,704 р. 48 к.
	32,871 р. 7 к.	16,835 р. 48 к.
Итого постояннаго расхода въ 1861 году. . .	98,936 р. 4½ к.	98,122 р. 78 к.

Обратимся къ другимъ частямъ — капиталамъ благотворительнымъ, которыя состоятъ также въ распоряженіи Дома Градскаго Общества и идутъ чрезъ его руки.

	1861 г.	*1862 г.*
1) Пашковскій капиталъ, простирающійся до. . . .	288,131 р. 49$\frac{1}{3}$ к.*)	318,442 к. 36$\frac{3}{4}$ к.

---

*) От 1860 года предполагалось быть въ остаткѣ:	*1861 г.*		*1862 г.*
Наличными.	4,547 р. 67 к.		17,881 р. 17$\frac{1}{4}$ к.
Въ 7-ми билетахъ.	122,257 р. 52$\frac{1}{2}$ к.	въ 13 билет.	260.225 р. 36$\frac{1}{2}$ к.
	116,805 р. 19$\frac{1}{2}$ к.		278,106 р. 53$\frac{3}{4}$ к.
Дохода съ лавокъ состоящихъ въ суровскомъ ряду, по условію, заключенному съ купцами Поляковымъ и Замятинымъ	1,000 р.		1,500 р.
По завѣщанію умершаго Почетнаго Гражданина Алексѣя Антиповича Хлѣбникова, съ разныхъ лицъ по долговымъ обязательствамъ, какъ то: векселямъ, роспискамъ и счетамъ.	12,026 р. 76$\frac{3}{4}$ к.		12,026 р. 79$\frac{3}{4}$ к.
Изъ непрерывно-доходныхъ билетовъ Сохранной Казны на	115,000 р.		
и наличными	21,000 р.		
	136,000 р.		
Процентовъ изъ Московскаго Уѣзднаго Казначейства .	5,440 р.		9,843 р. 60 к.
Сохранной Казны.	2,245 р. 15 к.		402 р. 70$\frac{1}{4}$ к.
	7,685 р. 15 к.		10,246 р. 30$\frac{1}{4}$ к.
Итого въ капиталъ сей предполагается получить:			
Наличными.	35,326 р. 29$\frac{3}{4}$ к.		40,335 р. 83 к.
Непрерывно-доходными билетами	136,000 р.		
	171,326 р. 29$\frac{3}{4}$ к.		40,335 р. 83 к.
Да, отъ 1860 г. предполагается быть въ остаткѣ:			отъ 1861 г.
Наличными.	4,547 р. 67 к.		17,881 р. 17$\frac{1}{4}$ к.
Въ 7-ми билетахъ.	112,257 р. 52$\frac{1}{2}$ к.	въ 13 билет.	260,225 р. 25$\frac{1}{2}$ к.
	116,805 р. 19$\frac{1}{2}$ к.		278,106 р. 53$\frac{3}{4}$ к.
А всего:	288,131 р. 49$\frac{1}{4}$ к.		318,442 р. 36$\frac{3}{4}$ к.

2) Капиталъ на уплату за бѣдныхъ гражданъ податей и долговъ . . .	35,440 р. 54 к.*)	50,387 р 22½ к.
3) Капиталъ общественной Андреевской Богадѣльни: безъ расходовъ	534,875 р. 13½ к.**)	542,774 р. 78 к.

---

*) Отъ 1860 года предполагается быть въ остаткѣ:

Наличными.	1,004 р. 57 к.		2,231 р. 25½ к.
Въ 2-хъ билетахъ.	10,178 р. 57 к.	въ 4 билетахъ	45,000 р. 57 к.
	11,183 р. 14 к.		47,231 р. 82½ к.
Дохода съ лавокъ въ зеркальномъ ряду.	650 р.		650 р.
въ ветошномъ ряду.	607 р. 15 к.		607 р. 15 к.
повинностей городскихъ.	101 р. 80 к.		101 р. 80 к.
	1,358 р. 93 к.		1,359 р. 95 к.
Изъ Московскаго Опекунскаго Совѣта на 6 билетовъ Сохранной Казны . . .	21,822 р.		
Процентовъ изъ Московскаго Уѣзднаго Казначейства .	872 р. 88 к.		1,792 р. 88 к.
Сохранной Казны и конторы Коммерческаго Банка . . .	203 р. 57 к.		3 р. 57 к.
	1,076 р. 45 к.		1,796 р. 46 к.

**) Отъ 1860 года предполагалось быть въ остаткѣ:

Наличными.	800 р.		1,870 р. 91½ к.
Въ 12 билетахъ.	42,789 р. 57 к.	въ 16 билет.	456,276 р. 5 к.
	43,589 р. 57 к.		458,146 р. 96½ к.
Дохода съ лавокъ въ москательномъ ряду.	50 р.		50 р.
Изъ Московскаго Опекунскаго Совѣта слѣдуетъ получать по непрерывно-доходнымъ билетамъ	403,385 р.	Дохода съ лавокъ въ колокольномъ ряду. .	830 р.
и наличными	250 р.		
	403,635 р.		

Итого въ Капиталъ сей предполагается получить:		
Наличными.	2,435 р. 40 к.	3,155 р. 40 к.
Непрерывно доходными билетами . .	21,822 р.	
	24,257 р. 40 к.	
Да отъ 1860 года предполагалось быть въ остаткѣ:		
Наличными.	1,004 р. 57 к.	2,231 р. 25½ к.
Въ 2 билетахъ.	10,178 р. 57 к. въ 4 билет.	45,000 р. 57 к.
	11,183 р. 14 к.	47,231 р. 82½ к.
А всего	35,440 р. 54 к.	50,387 р. 22½ к.
4) Капиталъ на приданое бѣднымъ невѣстамъ. . Р. С.	182,756 р. 63¼ к.*)	187,192 р. 42 к.

Процентовъ изъ Московскаго Уѣзднаго Казначейства на 403,635 руб.	16,145 р. 40 к	18,245 р. 84 к.
Сохранной Казны и конторы Коммерческаго Банка . .	855 р. 79 к.	2 р. 60 к.
	17,001 р. 19 к.	18,248 р. 44 к
Мѣщанскаго сего Дома отдѣленія, процентовъ по 2 билетамъ на 100 р.	2 р.	2 р.
„ 1,571 р. 43 к.	15 р. 71½ к.	15 р. 71½ к.
	17 р. 71½ к.	17 р. 71½ к.

*) Въ капиталъ на приданое бѣднымъ невѣстамъ:		
Отъ 1860 года предполагалось быть въ остаткѣ:		
Наличными.	3,045 р. 88¼ к.	отъ 1861 г. 7,481 р. 67 к.
		изъ билета 172,215 р.
Къ тому числу предполагается получить:		
Дохода съ лавокъ въ большомъ ветошномъ ряду, по условію съ купцомъ Блохинымъ, изъ 1,214 р. 30 к. половинное количество	607 р. 15 к.	607 р. 15 к.

По завѣщанію умершаго купца Григорія Данилова Новикова . . .	61,463 р.	61,363 р.

Отъ Московскаго Купеческаго общества въ число занятыхъ оными въ 1856 году на устройство даваемаго войскамъ обѣда по случаю Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. 25,891 р. 67 к. и въ 1857 и 1858 годахъ на распространеніе зданія Андреевской Богадѣльни 8000 р. и того 33,891 р. 67 к. и за уплатою 5,925 р. на остальныя 27,966 р. 67 к. сереб.

Процентовъ.	1,118 р. 66 к.	1,118 р. 66 к.
Въ уплату капитала.	3,000 р.	3,000 р.
	4,118 р. 66 к.	4,118 р. 66 к.
На пожертвованныя покойнымъ Мануфактуръ - Совѣтникомъ Александровымъ на улучшеніе содержанія въ оной богадѣльнѣ деньги .	5,000 р.	
Изъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, на отосланные въ оный четырнадцать билетовъ Сохранной Казны непрерывно-доходныхъ билетовъ на сумму.	172,215 р.	
Процентовъ изъ Московскаго Уѣзднаго Казначейства за годъ на 172,215 р. по 4% на 100 въ годъ	6,888 р. 60 к.	6,888 р. 60 к.
Итого въ капиталъ сей предполагается получить:		
Наличными.	7,495 р. 75 к.	7,495 р. 75 к.
Непрерывно-доходными билетами	172,215 р.	
	179,710 р. 75 к.	7,495 р. 75 к.
Да отъ 1860 года предполагается быть въ остаткѣ:		Отъ 1861 г. 7,481 р. 67 к.
Наличными.	3,045 р. 88¼ к.	изъ билета 172,215 р.
А всего.	182,756 р. 63¼ к.	187,192 р. 42 к.

Итого въ капиталъ сей предполагается получить:		
Наличными.	82,650 р. 56½ к.	84,627 р. 81½ к.
Непрерывнымидоходными билетами .	408,635 р.	
	491,285 р. 56½ к.	84,627 р. 81½ к.
Да отъ 1860 года предполагалось быть въ остаткѣ:		
Наличными.	800 р.	отъ 1861 г. въ 1,871 р. 91½ к.
въ 12 билетахъ.	42,789 р. 57 к.	16 билет. 456,276 р. 5 к.
	43,589 р. 57 к.	458,146 р. 96½ к.
А всего	534,875 р. 13½ к.	542,774 р. 78 к.
5) Капиталъ купца Леонтьева. Р. С.	42,392 р. 74½ к.*)	42,326 р. 23¾ к.

*) Отъ 1860 года предполагалось быть въ остаткѣ:

Наличными.	77 р. 58¼ к.	11 р. 7¾ к.
Въ 3-хъ билетахъ	27,500 р. 51 к. и изъ билета	41,216 р. 51 к.
	27,578 р. 9¼ к.	41,227 р. 58¼ к.
Къ тому числу предполагалось получить:		
Изъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, по тремъ билетамъ Сохранной Казны непрерывно-доходныхъ билетовъ на сумму.	13,716 р.	
Процентовъ изъ нижеозначенныхъ мѣстъ за годъ:		
Изъ Сохранной Казны:		
На 27,500 р. 51 к. по 2% на 100 р.	550 р. 1 к.	550 р. 1 к.
Изъ Московскаго Уѣзднаго Казначейства:		
На 13,716 р. по 4% на 100 въ годъ	548 р. 64 к.	548 р. 64 к.
	1,098 р. 65 к.	1,098 р. 65 к.
Итого въ капиталъ сей предполагалось получить:		
Наличными.	1,098 р. 65 к.	1,098 р. 65 к.

Имѣя въ виду въ послѣдствіи остановиться на каждомъ изъ приведенныхъ нами капиталовъ, мы именно потому привели въ выноскахъ, какъ и изъ чего они составляются, чтобы на основаніи подлинныхъ документовъ, показать потомъ и характеръ ихъ употребленія. Теперь же считаемъ не лишнимъ сказать, что капиталы Пашкова, на заплату за бѣдныхъ гражданъ податей и долговъ, Андреевской Богадѣльни и на приданое бѣднымъ невѣстамъ, имѣютъ цѣль чисто благотворительную и только одинъ капиталъ купца Леонтьева не болѣе какъ довѣренность частнаго лица къ Дому Градскаго Общества, которому по завѣщанію ввѣрено уполномочіе выдавать наслѣдникамъ Леонтьева и прочимъ назначеннымъ имъ лицамъ извѣстную сумму въ годъ. Капиталъ этотъ простирается до 42,392 р. $74^{1}/_{4}$ к. с.; употребляется же изъ него 1,125 р. 81 к. *)

Непрерывно-доходными билетами	13,716 р.		
	14,814 р. 65 к.		1,098 р 65 к.
Отъ 1860 года предполагалось быть въ остаткѣ:			
Наличными.	77 р. $58^{1}/_{4}$ к.	отъ 1861 г.	11 р. $7^{3}/_{4}$
Въ 3-хъ билетахъ.	27,500 р. 51 к.	и изъ билета	41,216 р. 51 к.
	27,578 р. $9^{1}/_{4}$		41,227 р. $58^{3}/_{4}$ к.
А всего	42,392 р. $74^{1}/_{4}$		42,326 р. $23^{3}/_{4}$ к.

*) Назначеніе его довольно любопытно и мы рѣшаемся помѣстить его вполнѣ:

	1861 г.	*1862 г.*
На содержаніе наслѣдниковъ купца Леонтьева, на 1861 годъ:		
Еленѣ Грошевой .	228 р. 58 к.	228 р. 58 к.
Сергѣю Леонтьеву.	228 р. 58 к.	212 р. $49^{3}/_{4}$ к.
Имъ же, на деревянное масло, для возженія предъ св: иконами и наподдержку дома.	60 р. 37 к.	60 р. 37 к.
Натальѣ Нефедьевой.	172 р. 33 к.	172 р. 33 к.
Елизаветѣ Поповой-Ораніенбургской, урожденной Грошевой	85 р. 5 к.	140 р. 65 к.
Марьѣ Ѳедоровой, тоже урожденной Грошевой.	85 р. 5 к.	140 р. 65 к.
Сергѣю Леонтьеву, на пополненіе слѣдующихъ ему по условію съ Поповой и Ѳедоровой.	170 р. 9 к.	58 р. 83 к.
	1,030 р. 5 к.	1,013 р. $96^{3}/_{4}$ к.
За Сергѣя Леонтьева купеческихъ повинностей за 1861 годъ.	95 р. 76 к.	95 р. 76 к.
	1,125 р. 81 к.	1,109 р. $42^{3}/_{4}$ к.

Теперь слѣдуютъ еще четыре капитала, для значенія которыхъ мы считаемъ достаточнымъ представить ихъ величину и характеръ употребленія.

Это 1) Капиталъ хлѣбнаго магазина состоялъ

въ 1861 году 13,631 р. 64 к.

„ 1862 „ 19,442 р. 64 к.

Употребленія особенно никакого не имѣетъ. Вѣроятно назначеніе его—быть поддержкою хлѣбнаго магазина.

2) Капиталъ купчихи Ушаковой: въ 1861 году предполагалось имѣть къ 1862 году 11,117 р. 92 3/4 к. къ 1863 году 11,771 р. 61 3/4.

Назначеніе его, по силѣ духовнаго завѣщенія, воспитаніе одного мальчика изъ ея фамиліи или изъ бѣдныхъ московскихъ купеческихъ семействъ въ Коммерческомъ Училищѣ и одной дѣвочки въ Елизаветинскомъ. Расходъ постоянно одинаковый, на мальчика 250 руб., на дѣвочку 154 р. слѣдовательно 404 руб. с. ежегодно.

3) Капиталъ мѣщанскихъ училищъ простирался въ 1861 году до 277,674 р. 91 1/2 к. составляется изъ капиталовъ общественнаго и также доходовъ принадлежащихъ ему по духовнымъ завѣщаніямъ именно: купца Павла Семенова Осипова, купца Василья Васильева Варгина, Пашкова, Павла Матвѣева Александрова и Степана Ѳедорова Фролова, Употребленіе его содержаніе. 116 воспитанниковъ и 71 воспитанницъ

4) Капиталъ въ пособіе бѣднымъ гражданамъ

въ 1861 году предполагался быть 246,548 р. 82 3/4 к.

„ 1862 „ „ „ „ 256,998 р. 47 1/2 к.

Употребленіе—выдача дряхлымъ, престарѣлымъ и одержимымъ болѣзнями бѣднымъ гражданамъ въ пособіе передъ праздниками Рождества Христова и Свѣтлаго Христова Воскресенія въ 1861 году 9,488 р. 31 к.

„ 1862 „ 9,873 р. 77 1/2 к.

Мы имѣемъ теперь передъ глазами опредѣленные итоги движимаго и недвижимаго, какъ неотъемлемо принадлежащаго Дому Градскаго Общества имущества, такъ и ввѣреннаго ему разными лицами. Для прослѣдившаго эти итоги и ихъ

употребленіе открывается и значеніе этого учрежденія и средства для значенія.

Посмотримъ теперь какъ составлялись эти средства Дома Московскаго Градскаго Общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе этаго учрежденія, и каковы его отношенія къ правительству и къ обществу.

Прежде всего обратимся къ недвижимому имуществу.

1) Мытный дворъ, состоящій въ городской части близъ Москворѣцкаго моста и

2) Животинный или скотопригонный дворъ, состоящій въ Серпуховской части.

Оба эти двора пожалованы московскому купеческому обществу въ его вѣчное владѣніе, безъ всякаго въ казну вознагражденія, указомъ Его Императорскаго Величества Павла 1-го, въ 15 день Августа 1799 года, при Московскомъ губернаторѣ генералъ фельдмаршалѣ графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ. Дѣло это произошло слѣдующимъ образомъ: съ 1764 года оба эти двора вмѣстѣ съ шалашными мѣстами на льду Москвы рѣки и Новинскими берегами были арендуемы московскимъ купеческимъ обществомъ съ платою въ казну за всѣ эти мѣста оброка по 2,473 рубли 37¼ коп. асс. въ годъ, но по времени дворы эти пришли въ вѣтхость и въ 1791 году, главнокомандующій въ то время въ Москвѣ, Князь Александръ Александровичъ Прозоровскій предложилъ Московскому купеческому обществу „не пожелаетъ-ли оно взять тотъ обвешалый мытный дворъ на выстройку". Общество немедленно на это согласилось и вошло съ прошеніемъ объ исходатайствованіи пожалованія этихъ дворовъ въ вѣчное владѣніе всего купеческаго общества, вмѣстѣ съ шалашными доходами на льду Москвы рѣки и сборами съ новинскихъ береговъ. При чемъ общество обязывалось: 1) оставивъ прежніе границы этихъ дворовъ, исправить общественнымъ коштомъ всѣ ветхости и вмѣсто ветхой деревянной покрыть мытный дворъ желѣзною крышей по Москворѣцкой улицѣ, а съ прочихъ трехъ сторонъ этого двора, по приличности мѣста выстроить лавки, кладовыя и амбары и содержать оные въ чистотѣ и опрятности; 2) принять на свой счетъ всѣ издержки сдѣланныя по животинному двору, кото-

рый еще въ 1783 г. по распоряженію Главнокомандующаго графа Захара Григорьевича Чернышева отъ Калужскихъ воротъ былъ переведенъ за Серпуховскіе и весь выстроенъ на общественный купеческій капиталъ (изъ общественной купеческой суммы), котораго на это употреблено болѣе 60,000 руб. ассигн. Кромѣ того ежегодное содержаніе и поправки, стоили обществу не мало. При прошеніи оно все это принимало также на свой счетъ, но на это представленіе никакого разрѣшенія не послѣдовало; между тѣмъ, въ 1797 г. именнымъ Его Императорскаго Величества указомъ были воспрещены и изъ оклада выключены шалашные сборы на берегу Москвы рѣки, вмѣстѣ съ тѣмъ и Новинскіе берега съ теченіемъ времени, по разнымъ случаямъ, вошли во владѣніе разныхъ частныхъ лицъ и въ дворцовое вѣдомство, а купеческое общество все еще платило за эти мѣста. При владѣніи такимъ образомъ, купеческое общество оставалось на арендномъ правѣ означенными двумя дворами, изъ которыхъ и мытный пришелъ наконецъ въ крайнюю вѣтхость. Кромѣ того общество было поставлено въ стѣснительное положеніе тогдашнею Строительною Коммиссіею, которая, вѣроятно не зная объ отдачѣ этихъ дворовъ въ купеческое содержаніе, назначила часть ветхихъ покоевъ для помѣщенія въ нихъ колодниковъ и уже приступала къ подрядамъ на починку оныхъ чрезъ камеральный департаментъ.

При стеченіи такихъ странныхъ обстоятельствъ, купеческое общество рѣшилось войти съ прошеніемъ къ бывшему тогдашнему губернатору Салтыкову и чрезъ его посредство, по именному указу, получило оба эти двора навсегда въ свое распоряженіе.

Вотъ этотъ именной указъ:

„Господинъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ 2-й.“

„Вслѣдствіе донесеній вашихъ отъ 8 августа, повелѣваю „Вамъ 1-е, по просьбѣ Московскаго общества отдайте имъ въ „ихъ распоряженіе навсегда мытный и животинный дворы „безъ всякаго въ казну платежа; 2-е, женѣ генералъ-маіора „князя Урусова позволяю отправиться въ Вѣну съ ея дѣтьми „для совмѣстной жизни съ находящимся тамъ ея мужемъ; 3-е, „находящагося въ инвалидномъ домѣ капитана Бурцова, от-

„пустите въ Бѣлъ-городъ на его собственное пропитаніе. Пре-„бываю Вамъ благосклоный.

„На подлинномъ подписано собственною Его Император-„скаго Величества рукою тако: *Павелъ.*

„Съ подлиннымъ свѣрялъ правитель канцеляріи Шахонскій.

„Вѣрно письмоводитель Лавинъ."

„Г. Павловскъ"

„Августа 15 дня, 1799 года."

И такимъ образомъ мытный дворъ перешелъ въ полное владѣніе купеческаго общества и былъ поновленъ и во многихъ мѣстахъ передѣланъ уже имъ самимъ, прямо на общественный счетъ. По счетамъ Дома Градскаго Общества мытный дворъ приносилъ слѣдующіе доходы

Въ 1813 году	до 3,553 р. 33 к. асс.
1814	5,910 р.
1815	3,731 р. 50 к.
1816	36,000 р.
1817	39,300 р.
1818	49,300 р.
1819	21,800 р.
1820	36,920 р.
1821	27,075 р.
Всего	223,589 р. 83 к. асс.

Доходы за послѣднее время мы уже видѣли: они простирались въ 1861 г. 9,012 р. 22 к.

в 1862 г. 9,096 р. 16 к.

Въ настоящее время мытный дворъ снова передѣлывается и на это асигновано до 80,000 руб серебр.

Животинный или скотопригонный дворъ давалъ слѣдующіе доходы:

Въ 1813 году онъ простирался до	10,666 р. 66 к
1814	19,000 р.
1815	25,000 р.
1816	25,000 р.
1817	25,000 р.
1818	24,666 р. 67 к.
1819	26,000 р.
1820	26,000 р.
1821	3,500 р.
А всего	184,833 р. 33 к. асс.

Въ настоящее время этотъ доходъ простирается

въ 1861 г. до 22,055 р. 47 к.

1862 г. „ 21,936 р. 89 р.

3) Рыбный дворъ, состоящій въ городской части, устроенъ на собственныя средства купеческаго общества; основаніемъ ему послужили разныя общественныя зданія, съ присоединеніемъ къ нимъ двора, купленнаго обществомъ въ 1791 году у Московскаго купца Петра Туркова; всѣ эти зданія также были вѣтхія и поправлены на счетъ купеческаго общества. Въ 1812 году во время нашествія французовъ, они сгорѣли и были вновь выстроены въ 1813 году Начало этого двора нужно полагать въ 1792 году; первый домъ для него купленъ въ 1845 году, марта 4 у жены Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника вдовы Авдотьи Семеновой за 6,000 руб. сер. Доходъ съ рыбнаго двора въ первое время былъ очень ограниченный: въ 1813 году онъ составлялъ 750 р. асс. въ 1814, 1815, 1816, 1817 и 1818 по 6,000 р. асс. а въ 1819, 1820 и 1821 по 15,000 р. асс. ежегодно въ настоящее время онъ даетъ до 12,000 руб. серебр.

4) Десять лавокъ состоящихъ въ хрустальномъ ряду подъ №№ 1—9; лавки эти были собственностію казны и отданы здѣшнему купеческому обществу по именному указу Императора Павла 1-го безвозмездно безъ всякаго съ его стороны вознагражденія. Всѣ эти лавки съ палатками по поступленіи ихъ въ распоряженіи дома Московскаго Градскаго Общества, были поправляемы на его счетъ. Въ 1812 году онѣ сгорѣли, а съ 1813 года были отданны разнымъ наемщикамъ въ арендное содержаніе изъ выстройки, со взносомъ, кромѣ того, нѣкоторой суммы въ общественную кассу. Съ 1813 года по 1818 онѣ давали обществу дохода по 5,650 р. асс. ежегодно въ 1819 г. доходъ увеличился до 14,500 р. въ 1820 г. онъ простирался до 14,100 р. асс. а въ 1821 до 14,900 р.

Въ настоящее время онѣ даютъ:

въ 1861 г. 3,500 р. сер.

„ 1862 г. тоже.

5) Двѣ лавки и три палатки, находящіяся въ зеркальномъ ряду подъ №№ 143, 144 и 145, достались здѣшнему купеческому обществу по духовному завѣщанію купца Петра Мат-

вѣева въ силу духовнаго его завѣщанія, цѣль этой передачи— на искупленіе содержащихся подъ стражей убогихъ мѣщанъ и сиротъ. Прошеніе о наблюденіи за исполненіемъ этой воли завѣщателя было обращено къ купеческимъ старостамъ трехъ гильдій. Съ 1813 года по 1818 включительно лавки эти приносили дохода по 950 р. асс. съ 1819 г. по 1821 включительно по 2,500 р. сер.

6) Домъ состоящій городской части въ 1 кварталѣ близъ Никольскихъ воротъ, подъ № 53-мъ, именуемый Пашковскимъ, въ настоящее время, общественнымъ дворомъ. Домъ этотъ подаренъ въ 1810 году московскому купеческому обществу подпоручикомъ Николаемъ Дмитріевичемъ Пашковымъ. Мы нѣсколько далѣе остановимся надъ этою собственностію нашего купеческаго общества и сдѣлаемъ выписку изъ завѣщанія Пашкова, чтобы ближе пояснить себѣ волю завѣщателя и то употребленіе которое дѣлается въ настоящее время изъ значительнаго дохода съ этого двора, простирающагося въ настоящее время до 14,600 р. сер. Завѣщатель прямо говоритъ, что передаетъ купеческому обществу свою собственность, съ тѣмъ, чтобы это общество" владѣя тѣмъ дворомъ и получая съ него доходъ, или если разсудитъ продать оный отъ себя, то пользуясь полученнымъ за него капиталомъ, по взаимному Пашкова съ тѣмъ обществомъ соглашенію, чрезъ Московскаго Градскаго Голову Насонова, въ возобновленныхъ имъ ветхихъ зданіяхъ упраздненнаго Андреевскаго монастыря, кромѣ имѣющихся уже въ нихъ па иждевеніи купеческаго общества богадѣленныхъ двухъ сотъ пятидесяти человѣкъ, содержало еще на счетъ получаемыхъ съ того моего дома доходовъ или съ вырученнаго за него по продажѣ капитала, процентовъ—навсегда и вѣчно въ непоколебимости изъ бѣдныхъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ московскихъ обоего пола мѣщанъ, не могущихъ пропитать самихъ себя, пятьдесятъ человѣкъ, подъ наименованіемъ отдѣленія моего, Николая Пашкова, въ точномъ сего обоюднаго нашего къ человѣколюбію расположенія исполненіи со стороны московскаго купеческаго общества, безъ нарушимости; а ежели когда либо по государственнымъ узаконеніямъ или по непредвидимымъ какимъ обстоятельтвамъ обозначенное мною число

пятьдесятъ человѣкъ обоего пола людей, содержаніемъ прекратится, то тогда московское купеческое общество должно все составляющее изъ того мною предоставляемаго двора, капиталъ, собравъ въ одну массу, раздѣлить его весь безъ остатка, единовременно, всякаго рода и обоего пола людямъ, неимущимъ въ подаяніе, въ чемъ во всемъ оставаясь я, Николай Пашковъ, благонадежнымъ, то и объявляю по чистой моей совѣсти тому моему двору, съ землею и со всѣми къ нему внутренними и внѣшними принадлежностями, цѣну—тридцать тысячь рублей государственными ассигнаціями, съ которыхъ слѣдующія въ казну пошлины платить мнѣ, Николаю Пашкову, а на передъ сей записи оный дворъ отъ меня иному, никому не продавать, ни заложить и ни у кого, ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣплять и ни за что не отписывать. По совершеніи же сей записи. Московское купеческое общество имѣетъ право тотъ мой дворъ уже взять въ свое завѣдываніе и полное имъ хозяйственное распоряженіе, съ полученіемъ съ него всѣхъ доходовъ отъ меня безъпрекословно, а совокупно съ тѣмъ, имѣющіяся у меня на него планъ и прочіе акты и съ упомянутой закладной, обращенной въ купчую, за моею рукою копію приславъ, я всему тому обществу чрезъ Градскаго Голову Насонова выдалъ, чего ужъ, какъ мнѣ, такъ и наслѣдникамъ моимъ съ совершенія сей записи въ оный дворъ не вступаться и ни подъ какимъ видомъ себѣ его нетолько не присвоять, но и постороннихъ вступщиковъ Московское купеческое общество очищать по указамъ имѣетъ право. Поземельныя же деньги и всякія государственныя повинности за тотъ дворъ, какъ за сей годъ заплатить, такъ и навсегда платить уже Московскому обществу; въ противномъ же тому случаѣ, если тотъ дворъ по не очищенію моему, Николая и наслѣдниковъ моихъ изъ владѣнія московскаго купеческаго общества отойдетъ къ какому либо постороннему лицу, тогда и содержаніе назначенныхъ богадѣленныхъ пятидесяти человѣкъ должно со стороны Московскаго купеческаго общества пресѣчься."

Въ началѣ домъ этотъ давалъ доходу 3,500 р. асс.; въ росписи приходовъ за 1813, 1814, 1815 и 1816 года дохода съ него непоказано. Въ 1817 и 1818 онъ даетъ по 5,125 р. асс.

въ 1819 г. 17,820 р. асс.
1820 г. 18,580
1821 г. 18,000

Въ 1832 году, капиталъ, предоставляемый этимъ домомъ послѣ перестройки значительно увеличился и купеческое общество на доходы съ него купило домъ у Полтарацкаго, въ которомъ и было помѣщено мѣщанское училище и отдѣленіе богадѣльни, сообразно волѣ завѣщателя. Въ настоящее время Пашковскій дворъ, который теперь уже называется общественнымъ дворомъ даетъ ежегоднаго дохода до 15,000 руб. сер.

Намъ кажется, что общество, которое дѣйствительно сдѣлало очень многое для этаго двора и значительно увеличило его доходы, употребляетъ ихъ все-таки не вполнѣ согласно съ волею завѣщателя. Имя Пашкова будто пропало, дворъ не носитъ уже и слѣдовъ своего происхожденія и называется уже прямо общественнымъ; ни въ Андреевской Богадѣльнѣ, ни въ отдѣленіи состоящемъ при мѣщанскомъ училищѣ не слышно этого имени. Цѣль мѣщанскаго училища хотя и вполнѣ соотвѣствуетъ разумной благотворительности, не вполнѣ согласна съ волею покойнаго благотворителя, да и многіе ли знаютъ, что въ основаніи этого учрежденія легъ капиталъ, источникомъ котораго былъ все-таки Пашковскій дворъ. Мы нашли это дѣло довольно интереснымъ, чтобы представить его общественному обсужденію и выставить на видъ, какъ и какимъ образомъ происходили и формировались наши общественныя учрежденія.

7) Богадѣленный домъ, состоящій Серпуховской части, въ которомъ въ настоящее время помѣщается 800 человѣкъ лицъ обоего пола изъ бѣднѣйшихъ граждань купеческаго и мѣщанскаго сословій. Домъ этотъ именуется Андреевскимъ или Богадѣльней подъ Андреевскимъ и состоитъ въ непосредственномъ распоряженіи здѣшняго купеческаго общества. Устроенъ онъ изъ ветхихъ зданій, принадлежавшихъ упраздненному Андреевскому монастырю, который превращенъ въ приходскую церковь. Современное тому купеческое общество обратилось тогда съ прошеніемъ объ уступкѣ зданій въ его собственность, чрезъ главнокомандующаго графа Салтыкова и чрезъ посредство бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ

графа Кочубея, а 18 іюня 1803 года получило Высочайшее соизволеніе на распоряженіе этими строеніями. Богадѣльня же на счетъ купеческаго общества существовала и до этого времени въ нанимаемомъ для сего домѣ. Неудобство этого и послужило основаніемъ просьбы.

По поводу этого дома мы уже не разъ говорили и теперь также не можемъ не посѣтовать о томъ, что участіе въ распоряженіи и направленіи расходовъ въ немъ выборныхъ отъ купеческаго общества, идетъ на довольно слабыхъ возжахъ. Разсматривая историческое развитіе происхожденія подобныхъ общественныхъ учрежденій, мы не можемъ не замѣтить, что прежнее поколѣніе купечества было несравненно энергичнѣе, и заботливѣе во всемъ томъ, что касалось его отношеніи къ обществу.

8) Масляный дворъ, состоящій Серпуховской части, на такъ называемой конной площади. Этотъ дворъ устроенъ самимъ купеческимъ обществомъ на пустопорожней землѣ. Земля эта принадлежала городу и поступила подъ это зданіе въ 1804 г. съ разрѣшенія бывшаго тогда Московскаго генералъ-губернатора, на устройство его употребленъ частію изъ складочной купеческой суммы, частію изъ доходовъ съ общественныхъ имѣній получаемый доходъ съ общественныхъ приговоровъ.

9) Четыре лавки съ восемью палатками, состоящія въ выступѣ отъ главныхъ рядовъ противъ Спасскихъ воротъ и 10) три лавки съ погребами и палатками находящіяся противъ Никольскихъ воротъ.

Мѣста для этихъ лавокъ были отданы во владѣніе здѣшнему купеческому обществу 15 іюля 1815 года изъ отношеній бывшаго тогда Директора Коммиссій Строеніи въ Москвѣ князя Михаила Дмитріевича Цыціанова, на имя градскаго головы Шипова, на что послѣдовало разрѣшеніе бывшаго тогда главнокомандующимъ въ Москвѣ Александра Петровича Тормозова. Выстроены эти лавки въ 1818 г. по плану и фасаду, выданному изъ Коммиссіи Строеніи въ томъ же году. Деньги же на постройку употреблены изъ складочной купеческой суммы, на что рѣшеніе состоялось 20 августа 1815 года.

11) Пять лавокъ съ пятьнадцатью палатками и пятью погребами, состоящія между Ильинской и Варварской улицами, противъ Лобнаго мѣста подъ №№ 1—5, Лавки эти выстроены также на отведенной купеческому обществу землѣ и составляютъ въ настоящее время собственность купеческаго общества, потому что выстроены имъ на основаніи 42 статьи городоваго положенія и частію на получаемые съ общественныхъ имѣній доходы.

12) Каменный двухъ-этажный домъ съ состоящими при немъ деревянными строеніями, находящіяся въ Пречистенской части на Остоженской улицѣ и служащій въ настоящее время помѣщеніемъ для Коммерческаго Училища; главный домъ пріобрѣтенъ здѣшнимъ купеческимъ обществомъ въ 1806 году отъ князей Гагариныхъ и господъ Новосильцевыхъ за 35,000 р. асс. взятыхъ изъ складочной купеческой суммы, прочія строенія поступили во владѣніе здѣшняго купеческаго общества отъ коллежскаго регистратора Ивана Ивановича Астафьева за 39,000 руб. Суммы для этаго употреблены: на покупку перваго — изъ складочной купеческой суммы, на покупку втораго — изъ доходовъ съ общественныхъ имѣній, что и видно изъ приговоровъ общества отъ 1806 г. мая 26 и 1821 года іюля 14. Главный домъ сгорѣлъ во время нашествія непріятеля и былъ выстроенъ вновь купеческимъ обществомъ на деньги, занятыя купеческимъ обществомъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Такимъ образомъ предъ нами все шире и шире раскрывается родственная связь здѣшняго купеческаго общества съ разными общественными учрежденіями, отношенія его къ разнымъ лицахъ своего и другихъ сословій, мало извѣстная вамъ работа нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ на пользу общую, ихъ радѣніе о воспитаніи неимущихъ, съ которымъ они еще не могли вполнѣ справиться, заботы о чемъ и также объ усовершенствованіи и современномъ направленіи его лежатъ уже на настоящемъ поколѣніи.

Во всемъ, чѣмъ бы мы не отнеслись къ нашему купечеству, мы встрѣчаемся съ самобытностью и иногда съ крайнею оригинальностью. Дѣйствительно во всемъ мы видимъ тугую и оригинальную силу, которая изстари хотѣла и хочетъ дѣйство-

вать по своему. На всемъ этомъ лежитъ слѣдъ ихъ историческаго развитія; слѣдъ этотъ возбуждаетъ большею частію невеселое чувство, въ немъ и раболѣпство и недостатокъ предпріимчивости, слѣпая преданность старинѣ, свой умъ и свой взглядъ. Не одно уже столѣтіе наше купеческое общество остается въ подобномъ положеніи; до настоящаго времени въ немъ не было замѣтно даже и желанія выдти изъ него. Тутъ вольная мысль не забѣгала впередъ, она губила только отдѣльныя личности, которыя не находили себѣ ни поощренія, ни отзыва, но между тѣмъ за купечествомъ нашимъ большая услуга въ томъ, что оно много скопило, много сберегло матеріальныхъ средствъ, которыми до сего времени оно несъумѣло еще распорядится, какъ слѣдуетъ.

Значительное имущество того, что звалось у насъ домомъ Московскаго Градскаго Общества,—какъ можно замѣтить и изъ нашего краткаго извлеченія—находится до сихъ поръ еще въ малоопредѣленномъ положеніи; все дѣло идетъ какъ то въ сторонѣ, общество мало вникаетъ въ него и относится къ нему безучастно, по формѣ. Разумѣется, нельзя сказать этаго про всѣхъ: были и есть личности, которыя своей энергіей и дѣятельностію освѣщали общее положеніе, но въ настоящее время это можно встрѣтить только въ частностяхъ этого общества, въ прошломъ же,—явленіемъ, вполнѣ достойнымъ памяти и изученія, былъ только одинъ—Андрей Петровичъ Шестовъ.

Считаемъ нелишнимъ докончить перечень происхожденія имѣній принадлежащихъ дому Градскаго Общества:

13) Двѣ лавки и три палатки, находящіяся въ зеркальномъ ряду подъ №№ 143, 144 и 145. Лавки эти, вмѣстѣ съ палатками, поступили въ распоряженіе московскаго купеческаго общества въ 1802 году, по завѣщанію московскаго купца Степана Матвѣева, съ тѣмъ, чтобъ изъ доходовъ, съ нихъ получаемыхъ, были искупаемы изъ подъ стражи содержащіеся за долги и недоимки убогіе мѣщане и сироты московскаго общества. Завѣщеватель объявляетъ свою волю такъ же и на то, чтобы этихъ лавокъ, общество не продавало, не закладывало и ни въ какія крѣпости не укрѣпляло, а чтобъ имѣло вѣчно въ своемъ владѣніи, чего общество крѣпко и держится.

14) Каменный трехъэтажный домъ состоящій Тверской части, во 2 кварталѣ, подъ № 44, въ приходѣ Пятницы Прасковеи въ Охотномъ ряду. Этотъ домъ съ разнымъ, принадлежащимъ къ нему каменнымъ и нежилымъ строеніемъ, купленъ московскимъ мѣщанскимъ обществомъ, въ 1820 году декабря 21, у Коллежскаго Ассесора Николая Михаилова Юрьева, за 150,000 руб. асс. капиталъ этотъ составленъ изъ слѣдующихъ сборовъ: вопервыхъ, по приговорамъ общества, сверхъ слѣдующихъ въ казну мѣщанскихъ податей, взималась съ каждаго плательщика извѣстная сумма въ запасный капиталъ для оплаты неисправныхъ въ платежѣ мѣщанъ, а такъ какъ подобныя недоимки съ неплательщиковъ все-таки большею частію съ нихъ же и взыскивались, то съ теченіемъ времени такимъ образомъ изъ этихъ платежей и остатковъ запасныхъ денегъ и образовался складочный капиталъ, часть котораго въ этомъ случаѣ и была употреблена на пріобретеніе дома; сюда присоединились суммы, скопляемыя изъ взносовъ, получаемыхъ съ мѣщанъ при увольненіи ихъ обществомъ для избранія другаго рода жизни, такъ какъ общество обязывается платить за нихъ подати до ревизіи; въ третьихъ, сюда же были присоединены проценты, полученные отъ приращенія въ обращеніи этихъ суммъ въ разныя кредитныя учрежденія; въ четвертыхъ домъ этотъ обстраивался и улучшался уже на съ него доходы. Считаемъ нелишнимъ сказать, что за одинъ 1821 годъ, купеческое общество—однихъ поземельныхъ, за принадлежащія ему недвижимыя имущества заплатило 16,175 р. 95 к. асс.

Представляя эти матеріалы,—за подлинность и достовѣрность которыхъ ручаемся, мы не сомнѣваемся, что они не будутъ лишними при настоящемъ общемъ пересмотрѣ и уясненіи того, что мы имѣемъ. Наконецъ, кромѣ собственнаго имущества и капиталовъ Градскаго Общества, въ его распоряженіи находятся еще слѣдующіе благотворительные капиталы, имѣющіе каждый особое назначеніе.

1) Пашковскій капиталъ, простиравшійся до 1861 г. 1862 г. .	288,131 р. 49 ½ к.	318,442 р. 36 ¾ к.
2) Капиталъ на уплату		

за бѣдныхъ гражданъ податей и долговъ .	35,440 р. 54 к.	50,387 р. $22^{1}/_{2}$ к.
3) Капиталъ общественной Андреевской богадѣльни (безъ расходовъ)	534,875 р. $13^{1}/_{2}$ к.	542,774 р. 78 к.
4) Капиталъ на приданое бѣднымъ невѣстамъ	182,756 р. $63^{1}/_{4}$ к.	187,192 р. 42 к.
5) Капиталъ купца Леонтьева	42,392 р. $74^{1}/_{2}$ к.	42,326 р. $23^{3}/_{4}$ к.

Смотря на эти средства Московскаго Купеческаго Градскаго Общества, можно смѣло сказать, что это общество богато и сильно, но что оно еще не сознало и не сознаетъ вполнѣ ни своего богатства, ни своей силы.

Русскій Купецъ.

II.

НАШИ КУПЕЧЕСТВО И ТОРГОВЛЯ

СЪ КАРИКАТУРНОЙ СТОРОНЫ.

I.

Юшковская ратуша.

Въ ратушѣ города Юшковска по случаю разныхъ новыхъ положеній, служащая братія находится въ нѣкоторомъ страхѣ, особенно поникъ главою секретарь ратуши Плясуновъ, такъ что намедни вышелъ въ канцелярію, да столоначальнику Леденцу руку протянулъ, а прежде давалъ только два пальца, да и то тогда, когда отчеты съ прилагательными принималъ. Писцу Померанца вмѣсто *ты*—*вы* сказалъ, такъ что отъ этого *вы* Померанца сперва потъ холодный прошибъ, а потомъ во рту сладко стало. Да, такъ сокрушается юшковскій секретарь, что даже безсонницей страдаетъ, и въ преферансъ пересталъ играть съ Трифоновымъ, который ему сѣраго жеребца въ яблокахъ подарилъ за то, что Плясуновъ у него гувернеромъ при его дѣтяхъ служитъ; на гуляньяхъ бывало Трифоновъ идетъ впередъ, а Плясуновъ за нимъ дѣтокъ за ручки ведетъ. Чудное дѣло! такой ученый и полированый человѣкъ, говорятъ юшковцы, и то въ толкъ себѣ не можетъ взять; видно, говорятъ, тутъ хитрѣе египетской мудрости написано. А вѣдь и въ правду ученый человѣкъ Плясуновъ: изъ Мигилинскаго училища ученикомъ вышелъ; славный право человѣкъ Плясуновъ! Лошади какія, шуба соболья, шапка бобровая, просто—съ милліонщикомъ различить нельзя. Человѣкъ онъ холостой, а какое хозяйство ведетъ, какія наливки, какія соленья, — такихъ пожалуй во всемъ Юшковскѣ не найдешь. Экономка у него такая хозяйка, что другой и днемъ съ огнемъ не найдешь; и не то, чтобы что другое была, что

у старыхъ холостяковъ бываетъ, нѣтъ, просто экономка, только для соленья да для наливокъ имѣется. Трифоновъ такъ другой наливки и не пьетъ. Такъ ее и называетъ—Плясуновская. Просто юшковское купечество и не нарадуется на своего секретаря.—Какіе онъ приговоры пишетъ, такъ иной бы журналистъ ротъ разинулъ: такое словцо вставитъ, что другой и правовѣдъ не разчухаетъ. А ужь набожный какой: мимо церкви не пройдетъ, чтобы не помолиться; нищую братію одѣляетъ, даже въ ратушу за нимъ ходить стали. За то ужь и любятъ какъ его, кто съ нимъ въ ратушѣ служитъ: когда бываетъ имянинникъ, такъ продору нѣтъ; подарки ему дѣлаютъ: соберутъ подписку, — то кубокъ, то сервизъ подарятъ, отъ Сазикова или отъ Губкина выпишутъ, а когда служилъ въ ратушѣ Долговязовъ съ К°, такъ тогда ему кубокъ-то на головѣ несли дворомъ, гдѣ онъ жилъ. За то онъ и угощать мастеръ; справлялъ имянины тогда въ большомъ Юшковскомъ трактирѣ, да такъ угостилъ, что на другой день другъ друга спрашивали: ты былъ? а ты былъ? инда память отшибло А то его разъ угощали въ томъ же трактирѣ, такъ маскарадъ сдѣлали: писца Голубчикова медвѣдемъ нарядили, а бухгалтера вожакомъ, и въ присядку плясали, и пѣсни-то все русскія пѣли: „Я посѣю конопельку", „Спитъ заяцъ подъ кустомъ, шевелитъ хвостомъ." Нечего сказать, веселое времячко было! Пожалуй теперь его не воротишь, по пословицѣ: не все коту масляница. Такіе обѣды да пиры были: за обѣдъ бывало 100 или 200 отдадутъ и затылокъ не почешутъ, да послѣ такое катанье сочинятъ, что небу жарко станетъ. Такъ бывало ночь всю и путаются. Красоты привозной съ собой захватятъ,—ну пьянымъ и море по колѣно. Разъ такъ не только что чиновниковъ, даже сторожей съ собой забрали, а то разъ туда заѣхали, куда и воронъ костей не заноситъ: тутъ бы и концы были ихъ, кабы вѣниками не отпарили. Бывало придутъ юшковцы въ ратушу—гильдію объявлять, такъ всѣхъ обдарятъ: такъ было позаведено, хочешь, не хочешь, а раскошеливайся. Бывало, какъ придетъ, это время такъ бухгалтеръ пляшетъ, а помошникъ Тупоумовъ сперва все пѣсенку поетъ: „какъ пришли красны денёчки, а я въ луга пойду гулять," а потомъ дни на три и закатится; это говоритъ, я для

моціону, потому что все будешь сидѣть, такъ чтобъ гемороя не насидѣть. И какой все славный народъ въ юшковской ратушѣ! Вотъ хоть бы Леденецъ: въ журналахъ статьи, говорятъ, пишетъ, или Кольскій — это просто я вамъ скажу — джентльменъ: „я, говоритъ, дворянскаго происхожденія, у меня, говоритъ, бѣлая кость; я на трясучкѣ ѣздить не могу; мнѣ надо пролетку, потому мнѣ больше другихъ и надо; меня не тронь, а то я скажу тестю, такъ и въ аду мѣста не будетъ.“ Вотъ тоже Мериновъ, — просто пріѣзжай онъ въ Парижъ, такъ за Русскаго не сочтутъ, скажутъ, Германецъ. А экзекуторъ Муходуевъ, — такого щеголя не найдешь другаго; цѣпочку, носитъ на выпускъ какъ военный писарь, и обращеніе самое деликатное, ужь не ошибется кому сказать *вы* кому *ты*. — А вотъ хоть бы бухгалтеръ — что вожакомъ-то былъ наряженъ, такъ это такая политическая штука, что самого Ротшильда за поясъ заткнетъ — такъ отчетъ пригонитъ, что самъ чертъ повѣряй и тотъ подпишетъ, что вѣрно. — Или вотъ хоть столоначальникъ Еревъ, столько лѣтъ служитъ, что три кожи на стулѣ просидѣлъ, а пока бумагу читаетъ, да подписываетъ, такъ старая старуха, какъ говорится, полдороги въ Кіевъ отойдетъ; за то ужь какъ и подпишетъ: малый ребенокъ безъ указки прочтетъ. — Теперь не то что прежде у насъ было. Теперь все на тонкой деликатности, и то все недовольны, все не по нихъ; умниковъ много развелось, которые все тамъ разныя книжки читаютъ, о прогрессѣ толкуютъ, а прежде то-ли было! Вотъ хоть напримѣръ былъ у насъ столоначальникъ Хайловъ, который еще неслужилаго купца служилымъ отмѣтилъ, такъ этотъ, бывало, кто мало поблагодаритъ, или чѣмъ недоволенъ останется, такъ, бывало, палкой, такъ и застучитъ —хромой былъ, съ палкой ходилъ—что душа въ пятки уѣдетъ; а бывало придетъ купчиха раскольниница гильдію объявлять, а онъ ее табакомъ потчуетъ, а то бумагу вмѣсто песку табакомъ засыпетъ, да и то молчали. Былъ еще у насъ секретарь Красовъ, что у городничаго Идолова на ушкѣ висѣлъ, такъ его у насъ такъ боялись, что и чортъ ладону такъ не боится. Какъ узнали, что онъ у городничаго на ушкѣ, такъ всѣ тройную порцію давать стали, съ праздникомъ поздравлять стали: у какого купца свадьба, такъ и

ѣдутъ къ нему съ просьбою: „пожалуйте, батюшка, къ намъ, карету за вами пришлемъ"; точно какъ раскольники за своимъ послѣднимъ попомъ Петромъ Ермиловымъ ухаживали. — Да ужъ и самъ умѣлъ деньгу зашибить, и городничему давалъ. Потянулъ онъ и изъ юшковцевъ животъ! Реестръ городничему составилъ, у какого купца сколько есть капиталу, чѣмъ нажилъ, правильно или неправильно,—все тутъ было прописано. Какъ онъ вышелъ изъ ратуши, такъ купцы три дни не вѣрили, точно ли вышелъ, а то просто пришло хоть живымъ въ землю ложиться; ужъ такой смутьянъ былъ проклятый; да наши юшковцы зла не помнятъ, и теперь ругать ругаютъ, а компанію съ нимъ водятъ. Попросись опять въ ратушу, возьмутъ! Такая ужъ у насъ въ Юшковскѣ поведенція. Ну, да и онъ другой сталъ, какъ этого городничаго смѣнили. Вотъ радость-то была! Купцы у насъ три дни все цѣловались, дни два сперва все изъ-подъ руки говорили, а потомъ какъ узнали, что его и въ городѣ ужъ нѣтъ, такъ свѣчки зажигали, да на окошки ставили; просто, кабы въ пушки можно было палить, такъ на свой бы счетъ палить стали. — А ужъ какой злющій былъ этотъ городничій! чего, чего только онъ съ юшковцами за ихъ денежки не дѣлалъ! и ужъ куда круто тѣмъ было, кто старой вѣры держался. Разъ онъ пріѣхалъ смотрѣть. какъ колодцы у насъ въ городѣ рыли, а купецъ одинъ богатый, а вѣры-то старой, скупой значитъ, ему денегъ-то взаймы не давалъ, и сталъ просить, чтобы колодезь-то дальше отъ дому отвели, да разговоръ и велъ съ Идоловымъ въ картузѣ; городничій на это осердился, да и велѣлъ его подъ надзоръ полиціи взять. „Онъ говоритъ, бунтовщикъ, коли, говоритъ, съ градоначальникомъ въ шапкѣ разговариваетъ; у него недоброе въ головѣ противъ начальства. "Такъ его и записали подъ надзоръ; лѣтъ пять и былъ подъ надзоромъ.— Тужатъ тоже больно наши першіе, что прежде въ ратушѣ набольшими-то были: бывало какъ выборы, то они точно павлины, распустя хвостъ, ходятъ; ужъ нечего сказать, дѣло прошлое, а наши юшковскіе купцы въ свое время попавлиничали; ну а теперь локоть-то и близко, да не укусишь. — Понабрали въ ратушу новыхъ; хоть прежніе-то ихъ и обзываютъ молодятиной и говорятъ про нихъ, что ты еще молода, въ

Херсони не была, а мы тутъ лѣтъ по двадцити пыль стираемъ, да и тѣ сдаютъ, — на задній столъ къ музыкантамъ ихъ посылаютъ; мы говорятъ годимся возить воеводу, а вы, старыя лошади, повозите-ка воду. А бывало — что служилые скажутъ, то и будетъ. Кого хотимъ, говорятъ, того и жалуемъ, а кого хотимъ, того и наказуемъ. И какіе стали теперь ласковые — какъ что-нибудь не вывезло, такъ и пасуютъ. — Было у насъ довольно старшихъ то: выбрали разъ Кукишева: этотъ былъ, такой скряга, что Боже упаси! старшимъ въ ратушѣ служилъ, а сапоги въ заплаткахъ носилъ; прислуги-то онъ не держалъ, такъ бывало сыновья чай сами подавали, кто къ нему придетъ. Разъ ѣдетъ онъ изъ ратуши, а въ ратушу на дворъ возъ метелъ везутъ: купили дворъ месть. А онъ взялъ двѣ метлы къ себѣ въ сани да такъ и поѣхалъ; сторожа-то смотрятъ да глазамъ не вѣрятъ, не съ ума ли Кукишевъ спятилъ. Послѣ него выбрали его зятя Свинкина. Эту штуку Ватрушкинъ сшутилъ; говоритъ: „выбирайте его, онъ весь въ отца, — а отецъ знаете, братцы, хорошо служилъ.“ Ну и выбрали, да и наплакались съ нимъ: ужь такой-то оборотень былъ, что не накажи Богъ злаго татарина! Бывало придетъ въ ратушу, никому не поклонится, и калошъ-то не скинетъ, такъ и претъ; сидитъ да въ носу ковыряетъ; онъ и Плясуновымъ-то насъ наградилъ. Задали при его службѣ юшковцы обѣдъ, денегъ много потратили и до сихъ поръ затылки чешутъ, да городничему не угодили тѣмъ, что не ему дали распоряжаться, а сами стали: такъ онъ такъ турнулъ, что они давай Богъ ноги, — полы въ зубы, да какъ зайцы отъ гончихъ по первому слѣду, а которые обидѣлись, да кое-что лишнее про городничаго сказали, такъ онъ ихъ, любезныхъ, вызвалъ да полдня продержалъ, да и задалъ имъ гонку: „я васъ туда, говоритъ, ушлю, куда Макаръ телятъ не гонялъ! смѣли, говоритъ, на власть ротъ разѣвать!“ А вышла тутъ ошибка: говорилъ-то про городничаго Галмановъ, что монументами торгуетъ, а городничему-то сказали про того Галманова, что мукой торгуетъ, этотъ видитъ, что бѣда неминучая, сталъ на колѣни, да и говоритъ: „видитъ Богъ, не я, я и на обѣдѣ-то не былъ, меня и не звали, я на мельницѣ былъ, а это, говоритъ, должно быть былъ тотъ, что монументами торгуетъ:

онъ такой собачливый.“ Какъ услыхалъ Идоловъ про монументы, а онъ больно не любилъ про смерть, (очень онъ ее не долюбливалъ), какъ закричитъ „вонъ пошелъ ты съ монументами и чтобъ духу твоего никогда здѣсь не было!“ да еще такое крѣпкое словцо прибавилъ, что тотъ у городничаго и калоши, и шинель забылъ, такъ тамъ и остались, да говоритъ: „какъ бы картузъ въ рукахъ не былъ, такъ безъ картуза бы со страху ушолъ.“

Послѣ Свинкина думали, думали кого выбрать, да и надумались; нежданно-негаданно выбрали Гудкова, а Гудковъ-то больно этой чести не желалъ, потому что городничій его не долюбливалъ, за то, что онъ ему мало взаймы денегъ давалъ. Ну ужь онъ, проклятый, помучилъ Гудкова: помыкалъ его всячески, заставилъ его себѣ юбилей праздновать, рѣчь говорить, и денежки опять съ купцовъ собрали. Такъ бѣдный Гудковъ, не дослужа срока, и умеръ отъ этого городничаго. Послѣ дослуживалъ Киряевъ, мужикъ умный и съ Красовымъ, бывшимъ секретаремъ, пріятели. Красовъ то ему и служить помогалъ, потому что душа въ душу жили. Только ужь больно Киряѣва честолюбіе мучило; умный человѣкъ, а такую глупость имѣетъ: служилъ-то онъ послѣ Гудкова безъ году недѣлю, а захотѣлъ, чтобъ общество ему похвальный листъ дало. Боясь, что общество не согласится, онъ какую штуку придумалъ: самъ листъ написалъ, да далъ своему тестю подписи собирать, тотъ и сталъ ходить по его пріятелямъ сначала, а потомъ, какъ тѣ подписали, и по прочимъ купцамъ. Ну какъ не подписать? А какъ подписи такимъ манеромъ собрали, то листъ-то похвальный и передали въ ратушу, а оттуда къ нему домой парадомъ и повезли въ самый день его ангела. Вотъ онъ его принялъ, поцѣловалъ, заплакалъ да и говоритъ: „это дороже мнѣ всѣхъ наградъ, потому что меня все общество благодаритъ; это изъ роду въ родъ пойдетъ и внуки и правнуки будутъ знать, что меня общество благодарило, а васъ, господа кушать ко мнѣ прошу покорно нынче пожаловать.“ А ужь какой онъ хлѣбосолъ, такъ на поди! Разъ былъ у него обѣдъ, разныя власти обѣдали и купечество было; такъ имъ всѣмъ по кульку десерту разнаго въ экипажи положили. — Послѣ него Леонтьева выбрали. Леонтьевъ и спалъ и видѣлъ, чтобъ

быть ему старшимъ въ ратушѣ, а зналъ, что мѣтятъ выбрать не его, а другаго, потому что у другаго-то и лобъ лучше, да и карманъ-то толще, а съ этимъ другимъ Киряевъ-то не больно ладилъ; онъ и говоритъ: хочешь, Леонтьевъ, мы тебя выберемъ, только ты возьми опять Красова въ ратушу, да дай ему тысячу за хлопоты. Леонтьевъ этому обрадовался. Изволь, говоритъ, все сдѣлаю по твоему, только почтите мою солидность. Вотъ и сталъ Красовъ хлопотать, да еще Гуръ отъ мѣщанства: вѣдь когда выборы бывали, такъ и мѣщанъ приглашали, и въ нихъ-то вся сила и была. Гуру посулили 1000 руб. сер. да для раздачи прочимъ 500 р. с. только Гуръ-плутъ говоритъ: „надуете, совѣсть вашу я знаю, давайте деньги впередъ: выгоритъ, такъ ваше счастье, а не выгоритъ такъ видно на роду написано, что не быть Леонтьеву старшимъ въ ратушѣ.“ Мы, говорятъ, деньги за руки дяденькѣ положимъ. — „Какому это, говоритъ Гуръ, дяденькѣ? не косому ли? нѣтъ покорно благодарю! знаемъ мы его совѣсть: собакѣ говядину не вѣрятъ, давайте-ка наличные.“ Да какъ взялъ, такъ и говоритъ: „я, други милые, одинъ сдѣлать ничего не могу, а вы повидайтесь еще съ Трубой, да съ Малиновкой, ихъ тоже ублаготворите. Гуръ-то и Красову говорилъ: „бери деньги впередъ, а то совѣсть-то у нихъ подъ пяткой.“ А тотъ говоритъ: „нѣтъ, братъ, я ихъ знаю, люди добрые, Бога въ поруки дали.“ „Ну говоритъ, какъ знаешь, твое дѣло.“ Этотъ Гуръ такой плутъ, что не приведи Господи! онъ какія штуки передъ выборами-то откалывалъ: узнаетъ, что какой-нибудь богатый мушникъ или другой лавочникъ побаивается, чтобы его въ магистратъ не запятили, вотъ онъ и отправится утромъ пораньше на рынокъ, гдѣ торгуетъ лавочникъ, зайдетъ въ трактиръ, да и пошлетъ оттуда за лавочникомъ: что молъ сословный изъ общества желаетъ васъ повидать. Того точно варомъ обдастъ: вотъ не было печали, такъ черти накачали! Придетъ, познакомится; вотъ Гуръ и говоритъ: „васъ въ реестръ служебный записали, въ магистратъ хотятъ выбрать; можетъ не желаете, такъ это дѣло въ нашихъ рукахъ: вольны связать, вольны и развязать.“ — „Сдѣлайте, говоритъ, милость, — освободите меня!“ — „Извольте, говоритъ Гуръ, можно.“ — „Чѣмъ я для васъ могу быть полезнымъ?“ — „По-

милуйте, говоритъ, мнѣ ничего не нужно, а вотъ не будетъ ли вашего усердія пожертвовать: я у себя на родинѣ въ селѣ церковь отдѣлываю, такъ не пожертвуете ли, что вамъ Богъ по сердцу пошлетъ?" — „Извольте, съ превеликимъ удовольствіемъ." — Гуръ и листъ изъ-за пазухи вынимаетъ: на немъ и заголовокъ сдѣланъ и подписи въ 1000, 500, 300 руб., а меньше нѣтъ. Лавочникъ и глаза выпялилъ, — думалъ, что рубликовъ 25 или 50, — а Гуръ и говоритъ: „вы ужь меньше не подписывайте, а то, глядя на васъ, и другой еще меньше подпишетъ." — „Не могу столько, какъ вамъ угодно, говоритъ лавочникъ. — А сколько же ваше есть усердіе? спрашиваетъ Гуръ. — Да рублей 100. — „Ну давайте 100 р., а подпишите триста." Вотъ какой штукарь былъ этотъ Гуръ! За выборъ то бывало тысячкѣ двѣ три и соберетъ. Разъ такъ онъ разлетѣлся къ Оськину—думалъ съ него что сорвать. „Мы, говоритъ, тебя въ магистратъ упечемъ, давай 3000 руб. сер." Тутъ прямо,— знаетъ что церковью не обманетъ. — Оськинъ-то былъ не въ духѣ, и давай тузить Гура; самъ тузитъ да приговариваетъ: выбирай, говоритъ, выбирай своими боками! Да такую встрепку задалъ, что Гуръ двѣ недѣли въ постели пролежалъ. Ну, а теперь ему чистую дали; куда его на выборы ни запишутъ, все на вороныхъ катаютъ, потому что дѣянія-то его узнали, да и въ ратушѣ построже стало. — Вотъ, сударь ты мой, какимъ манеромъ Леонтьевъ въ старшины попалъ; а Гурова правда вышла; Леонтьевъ Красова надулъ, въ ратушу не взялъ и 1000 не отдалъ: „это, говоритъ, Богу такъ угодно было, чтобы меня выбрали." Ну ужь за то у нихъ съ Киряевымъ и побранки были! Киряевъ-то сначала все урезонивалъ его: сдержи, говоритъ, ты свое слово, вѣдь ты божился, что дашь. А потомъ видитъ, что у него совѣсть-то вылетѣла въ трубу и давай его ругать на чемъ свѣтъ стоитъ. Такъ они и разошлись, хоть виду и не показываютъ, а все одинъ одному могилу роютъ. — Какъ сталъ Леонтьевъ-то набольшимъ въ ратушѣ, какъ надо бумаги то подписывать, а онъ читать по складамъ умѣетъ, а писать то его не учили; ну и нанялъ по секрету учителя, да дни и ночи все дома сидѣлъ, да и писалъ имя и фамилію, ну кое какъ выучился; да и то иной разъ напишетъ, точно мокрая муха ползала.

Порастресъ онъ таки свою мошну на службу, нечего сказать; пришлось таки взаймы брать, а прежде думали, что самъ даетъ. Вотъ она штука-то какая! — А ужь какъ на службѣ-то павлинился, что на поди! Будутъ его юшковцы помнить! Оставилъ онъ имъ на шею накладокъ, да долгу; за то самъ убрался, какъ березка въ Семикъ, на чужія денежки Служить была охота смертная, а участь вышла горькая: — кому сдѣлалъ пользу? чѣмъ его помянуть юшковцамъ? развѣ только подрядчику Сквернакову, который изъ стараго кирпича общественный дворъ строитъ, да за новый денежки получаетъ, или другому подрядчику Вусурину, что улицы въ Юшковскѣ моститъ вмѣсто булыжника известнякомъ, а за булыжникъ денежки получаетъ, а на него и суда нѣтъ, потому что въ этихъ подрядахъ съ Вусуринымъ дяденька Леонтьева участвуетъ: жаловаться значитъ некуда, потому что власти около Леонтьева какъ сыръ въ маслѣ катаются.

Юшковцы насилу дождались, что Леонтьева съ рукъ сбыли, а то говорятъ, что онъ насъ накладками да поборами точно домовой душилъ, а что его павлиньими-то перьями убрали, такъ намъ отъ этого не теплѣе стало: намъ ужь эти павлины-то на самую маковку засѣли.

Бывало, соберутся на выборы, точно цыганы на конной, — кто во что гораздъ; станутъ читать слободы, вотъ потѣха и пойдетъ. Читаютъ, примѣрно, Астафьева. Кричатъ: записать его! записать! А Трифоновъ какъ заржетъ: ненадо! ненадо! — Почему, спрашиваютъ, ненадо? — Да это мой жилецъ, потому и ненадо. — Ну и мимо, пусто тебѣ и съ нимъ! Читаютъ другаго. Писать, кричатъ, писать! — А Трифоновъ говоритъ опять: не надо!—Да почему этого-то не надо? вѣдь это не твой жилецъ. — А онъ у меня въ приходѣ живетъ, паникадило пожертвовалъ. — Ну и опять мимо. — Читаютъ еще другаго: опять кричатъ: писать! — нельзя писать, говоритъ Максимъ Дудочкинъ: это, говоритъ, мой зять. — Ну опять мимо. Читаютъ еще, — и этого, говоритъ, пропустите: это мнѣ по покойницѣ женѣ сватъ. Читаютъ еще. — Пропустить, говорятъ: это человѣкъ небогатый, семейный и безъ него управимся. А Галмановъ кричитъ: писать его, писать! у него коляска есть; онъ на гулянье ѣздитъ въ коляскѣ. — Чи-

таютъ еще, — всѣ молчатъ, а Ермоланчъ кричитъ: писать его, писать, хорошій человѣкъ! — А другіе кричатъ: пропустить! А Ермоланчъ еще пуще кричитъ: писать! — Что ты, говорятъ ему, напалъ на него? что онъ тебѣ сдѣлалъ? какое зло сотворилъ? Да, говоритъ, кучера у меня сманилъ передъ самымъ рождествомъ: вѣдь это кровная, братцы, обида! — Ну всѣ со смѣху просто померли. — Вотъ у насъ какой народецъ-то, а плутъ мужикъ Ермоланчъ по экономіи служилъ и кавалерію получилъ. Дай ему казеннаго воробья прокормить, онъ при немъ свою пару лошадей прокормитъ. Да и Николаичъ стоитъ Ермолаича, — два сапога пара. Николаичъ самъ мукой торгуетъ, самъ и муку доставляетъ, значитъ самъ и пашетъ, и оретъ, и съ крестьянъ оброкъ беретъ. — Читаютъ еще Отрепьева. — Писать, кричатъ, Отрепьева! всѣ кричатъ: писать! — знаютъ, мужикъ больно хорошъ, а секретарь говоритъ: нельзя — подъ судомъ состоитъ. — За что? спрашиваютъ. — Краденое за-знамо серебро принималъ. — Ну и хохочутъ, точно радость какая, что въ своемъ стадѣ паршивыя овцы есть. — Читаютъ еще, — опять кричатъ: писать! — значитъ руки чешутся, въ азартъ вошли. Секретарь говоритъ опять: нельзя этого. — Почему? — Потому что въ конокрадствѣ замѣшанъ, выходитъ онъ лошаводъ. — Не надо намъ лошавода. — Вотъ какія у насъ колѣнца выкидывали, что на поди! А ужь какія у насъ были при ратушѣ потѣшники, — такъ исходи ты весь Божій свѣтъ, а такихъ не найдешь. Вотъ хоть бы былъ Волдыревъ: этотъ не много, не мало, 40 лѣтъ тамъ былъ и свою пользу изъ этой службы извлекалъ. Бывало передъ выборомъ и пойдетъ ходить по рядамъ да пугать: вотъ мы тебя, друга, залобанимъ! ты у насъ въ магистратъ попадешь! — А нечего грѣха таить, магистрата побаивались какъ омута какаго, ну и дѣла тамъ дѣлывались не скоро: пустое какое ни-на-есть дѣло, а годъ протянутъ, — такъ у нихъ положено было. Разъ было тамъ дѣло одного нѣмца — деньги ему надо было получить оттуда, и ходилъ онъ туда за полученіемъ года полтора. — Приди нынче, приди завтра, приди послѣ завтра, Нѣмца каждый разъ отъ этого завтра да послѣ завтра то въ жаръ, то въ ознобъ кидаетъ; онъ такъ свое дѣло и обозвалъ лихорадкой, что черезъ день

бьетъ. На силу-то кончилось, получилъ деньги нѣмецъ, а пригнали полученіе-то къ тому часу, какъ присутствіе кончается, чтобъ на его счетъ угоститься. А нѣмецъ-то полтора года не съ пустыми руками ходилъ. Ну, думаетъ, дѣлать нечего: угощу. Зоветъ повытчика, Мосей Полянка прозывался. Позови, говорятъ, секретаря, позови казначея. Ну, прахъ ихъ побери, позвалъ и ихъ нѣмецъ. Идутъ въ четверомъ; глядь — еще двое знакомыхъ попались имъ; они и тѣхъ зовутъ. Нѣмецъ видитъ, дѣло плохо; что дѣлать? какъ избавиться? Какую же штуку придумалъ: попался ему священникъ, а онъ вынулъ рубль серебромъ подходитъ къ нему да и говоритъ: батюшка, отслужите благодарственный молебенъ: у меня, говоритъ, полтора года лихорадка была, а вотъ нынче избавился. Глядитъ, а магистратъ то отъ него въ разсыпную, только ему кулаки сучатъ. Ну онъ батюшкѣ и разсказалъ, въ чемъ дѣло было. Тотъ посмѣялся, да деньги-то назадъ отдалъ.

Ну какъ этого мѣста было не бояться? Вотъ имъ-то Волдыревъ и пугалъ, такъ его за это попугаемъ и прозвали; не плоше Гура, который на церковь собиралъ въ свой карманъ. Волдыревъ всѣ свои товары передъ выборами продавалъ, не надо, не надо, а купи товару. Бывало сидитъ Волдыревъ на выборахъ, да бумажки разбираетъ, кого записать на службу, кого миновать, а другіе смотрятъ, да и говорятъ: смотрите-ка, попугай-то въ кормушкѣ роется.

Былъ у насъ еще при ратушѣ Мушкинъ. Такъ вотъ была разъ потѣха: поѣхали городничаго Идолова поздравлять, ну и Мушкина тоже пригласили, а какъ пріѣхали къ городничему купцы-то, и ненадивятся: чиновники тамъ разные ходятъ мимо ихъ, да смѣются. Купцы понять не могутъ, что за притча такая, что бы это значило? что они въ насъ смѣшнаго нашли? такія же вѣдь мы, какъ и прежде были. Да ужъ насилу догадались, что смѣются надъ Мушкинымъ: у него мундиръ-то весь засаленный, а брюхо то, гдѣ пуговицы, протерлось, да другое сукно вставлено, бѣлыми нитками вшито, видно дома кухарку заставилъ. Ну за это его и приглашать перестали: осердились; осрамилъ значитъ. А ужъ какой онъ скряга, такъ на поди! служилъ онъ у насъ при училищѣ; — тамъ

у насъ и мальчики, и дѣвочки учатся; — такъ вотъ онъ какую штуку разъ сдѣлалъ: померла у него жена, такъ онъ на помипъ ее дѣвпцамъ въ училище привезъ бисквитный пирогъ, рубль серебра, у нѣмца булочника заплатилъ; собралъ всѣхъ дѣвпцъ, а ихъ тамъ 80, — да на 80 долей и разрѣзалъ пирогъ; какъ его только шутъ умудрилъ фокусъ эдакій сдѣлать! да каждой дѣвицѣ на руку клалъ словно антидоръ въ церкви раздавалъ, — да и говоритъ помяни, дѣвица, за упокой мою новопреставленную сожительницу. Ужъ дѣвицы послѣ не мало смѣялись на этотъ поминъ, — говорили: онъ намъ это смотръ дѣлаетъ, жениться видно хочетъ. А онъ и въ правду женился, да и пріѣхалъ съ молодой женой въ училище ее показать и гостинца дѣвицамъ привезъ 2 ф. чаю да 5 ф. сахару, — вотъ какую щедрость выказалъ! всѣхъ удивилъ! А ужъ какіе у насъ умники при ратушѣ были, — что весь свѣтъ исходи, такихъ не найдешь. Вотъ хоть бы Разумникъ Иванычъ Чужехаповъ: это просто мужъ просвѣтлѣнія! Краснорѣчіе такъ четвериками и мѣряетъ: обѣдъ что ли какой или собраніе, такъ онъ всегда рѣчи говоритъ, а на какой себя деликатности держитъ: кому палецъ протянетъ, кому два, а изъ девяти десятому всю руку дастъ, и шляпу тоже съ разборомъ снимаетъ; просто сказать, съ каждымъ лакеемъ важный баринъ, а съ каждымъ важнымъ бариномъ самъ лакей. Онъ человѣкъ случайный, всякое украшеніе даже можно чрезъ него получить.

Вотъ тоже другой у насъ былъ Облякосовъ, умница, просто профессоръ; засѣдаетъ въ нѣкоемъ заведеніи видно потому, что есть на чемъ сидѣть; тоже рѣчи говоритъ: очень ему хочется на Разумника Иваныча походить, да нѣтъ, никакъ на эту дорогу не попадетъ; а какъ за старыми служилыми-то ухаживаетъ, — просто по ихъ дудкѣ пляшетъ, вертится какъ бѣсъ передъ заутреней. Вотъ оно какъ плохо было прежде у насъ въ ратушѣ, да и теперь не лучше; просто теперь стѣнка на стѣнку ходятъ, точно фабричные въ праздничный день — кто кого осилитъ Вотъ хоть бы какъ Плясунову товарища выбрали: тутъ такъ и ломили стѣна на стѣну. Плясунову больно не хотѣлось, чтобъ Лучинкина выбрали, да Леонтьеву тоже, потому что боялись, что Лучинкинъ не ихъ стороны, пожалуй

на свѣжую воду ихъ выведетъ, — ну вотъ они и распустили слухъ, что Лучинкинъ и такой и сякой; ну и сдѣлали, что его не выбрали, подыскалъ Леонтьевъ другаго. Какое, братецъ ты мой, торжество было, веліе! Горячимъ напиткамъ досталось. — Плясуновъ своимъ благодѣтелямъ за это земно кланялся, да и они ему дали почувствовать свои милости. Вѣкъ будетъ помнить!

Дай Богъ всѣмъ нашимъ ратушнымъ много лѣтъ здравствовать! чтобъ имъ пилось да ѣлось, а дѣло на умъ не шло.

II.

Торговый домъ П. Рогожскова съ сыновьями.

РАЗСКАЗЪ ВЪ ТРЕХЪ КАРТИНАХЪ.

КАРТИНА I.

ДОМАШНІЯ ДѢЛА.

Въ богоспасаемомъ градѣ Плюшковѣ, который наши простодушные прадѣды называли вторымъ Римомъ, — а почему они называли его вторымъ Римомъ, понять намъ, ихъ правнукамъ, трудно, — потому ли, что настоящаго Рима въ глаза не видали, или фанаберію такую имѣли, что, дескать, живемъ мы въ Плюшковѣ, такъ и будь Плюшковъ вторымъ Римомъ, — такъ вотъ, въ этомъ-то второмъ Римѣ и существуетъ торговый домъ П. Рогожскова съ сыновьями. Улица, на которой помѣщенъ этотъ торговый домъ, называлась въ честь родоначальника этого дома Сидора Алексѣевича. Жилъ себѣ Сидоръ Алексѣевичъ съ сожительницею своею Василисою Михайловною въ такомъ мирѣ и любви между собою и обоюдной скупости, что когда умеръ Сидоръ Алексѣевичъ, то Василиса Михайловна его тулупчикъ на мерлушечкѣ и его колпачекъ вязаный, своихъ трудовъ собственныхъ, изъ любви къ сожителю себѣ взяла и сама носить стала. Онъ, говорила она про своего покойнаго сожителя, въ этомъ тулупчикѣ и колпачкѣ

милліоны нажилъ. А какъ онъ нажилъ эти милліоны, знаетъ Богъ да добрые люди; наша рѣчь не объ этомъ, а точно оставилъ онъ такіе милліоны, что во всемъ Плюшковѣ его первымъ милліонщикомъ считали; думали, что богаче его во всемъ нашемъ царствѣ по купечеству нѣтъ; даже такъ думали многіе, что на ихъ вѣку богаче купца и не будетъ, что этимъ милліонамъ и конца не будетъ, что они изъ колѣна въ колѣно такъ и будутъ переходить, и что правнуки будутъ еще богаче внуковъ. Но на дѣлѣ вышло не такъ: праправнукамъ-то и понюхать не досталось, а у внуковъ все сквозь пальцы прошло, точно дуванъ взялъ, а если что и осталось, то значитъ совѣстью покривили, кредиторское утаили. Почему это случилось, что у внуковъ дѣдушкинъ капиталъ сквозь пальцы прошелъ, — за грѣхи ли дѣдушкины Богъ ихъ наказалъ, или за свои покарались, — Господь ихъ вѣдаетъ. Только послѣ смерти Сидора Алексѣевича капиталъ достался его сыну Петру Сидоровичу и супругѣ его Авдотьѣ Герасимовнѣ купно съ чадами. И почтилъ Петръ Сидоровичъ свято память своего родителя; крѣпко подражалъ ему въ скупости, имѣя въ глазахъ примѣръ своей родительницы Василисы Михайловны въ тулупчикѣ и колпачкѣ родительскомъ. Но умерла и родительница. Кому завѣщала она этотъ тулупчикъ и колпачекъ, гдѣ онъ теперь находится — мы не знаемъ: а знаемъ только, что послѣ ея смерти Авдотья Герасимовна зажила иначе, на барскую ногу, и свекрови свой подражать въ скупости не пожелала. Только встрѣчала она препятствіе себѣ въ Петрѣ Сидоровичѣ, который роскошь ненавидѣлъ, и считалъ ее грѣхомъ смертнымъ. Но не долго пожилъ послѣ своей родительницы Петръ Сидоровичъ и внезапу переселился въ вѣчность, на балу у своего свата, къ великой скорби неутѣшной вдовы съ сынами своими и единственною дщерью, выданною имъ за нѣкоего генерала, только не за такого, что по купеческимъ свадьбамъ ѣздятъ, а за настоящаго генерала уже въ годахъ, — лѣтъ за 50 съ хвостикомъ. Оплакали они его всѣ купно, пролились тутъ, значитъ, и превосходительныя слезы на гробъ родительскій. Справили похороны со многими покровами, роздали 10 тысячъ калачей, покормили не одну тысячу нищихъ, справили сотню сорокоустовъ, — словомъ, соблюли всю це-

ремонію по формѣ, и заключили воздвиженіемъ мраморнаго монумента съ извѣстною надписью богатыхъ купеческихъ памятниковъ: „покойся милый прахъ до радостнаго утра, — неутѣшная супруга любезному супругу, скорбящія дѣти дражайшему родителю“, — и все это, знаете, золотомъ, да буквы то по вершку: знай, дескать, нашихъ! Да какъ было и не помянуть такого родителя! и передъ Богомъ грѣхъ, и передъ людьми совѣстно. Петръ Сидоровичъ не много, не мало оставилъ неутѣшной вдовѣ и скорбящимъ чадамъ 3½ милліона, а лежали они въ совѣтѣ 45 лѣтъ, да еще для оборота изъ процентовъ 650,000, и того, 4,150,000, — вотъ онъ кушъ-то какой! упокой его Господи! есть чѣмъ такого тятеньку помянуть!

И стала неутѣшная вдова со скорбящими чадами поживать какъ графиня какая, прихотямъ всякимъ конца не было; а гордость, самолюбіе какое явилось: если въ гости или на балъ кого она своимъ посѣщеніемъ осчастливить вздумаетъ, такъ пріѣдетъ часовъ въ 11, чтобъ непремѣнно быть послѣднею. Странствія по святымъ мѣстамъ стала совершать; вотъ хоть бы въ Кіевъ ѣздила, юродиваго съ собой брала, чудесъ онъ не мало творилъ; — въ одной рубашкѣ ходилъ, ни мяса, ни рыбы не ѣлъ, духовные стихи ей для утѣшенія пѣлъ. Пріѣдутъ бывало на станцію, онъ сядетъ у ея ножекъ, да какъ Соловей Будимировичъ и заливается. Обращеніе съ ней самое интимное имѣлъ, — ну да вѣдь одно слово — юродивый. Послѣ этой поѣздки юродство свое оставилъ: дома, лавки закладывалъ, деньги подъ залогъ давалъ.

Послѣ кіевской поѣздки Авдотья Герасимовна и въ Іерусалимъ собиралась; хотѣла ѣхать на своемъ параходѣ, какъ владѣтельная маркграфиня какая; монастырь какой-то стала сооружать, больше Успенскаго собора, да не достроила. Денежками какъ горохомъ посыпала разнымъ блаженнымъ да угодливымъ, а бѣдную родню на глаза не принимала. Родная ея племянница въ повитушкахъ находится, а она ее за это и на глаза не пускаетъ,—что вотъ въ этомъ званіи родственницу стыдно въ свой домъ допускать: вотъ что гордость-то человѣческая дѣлаетъ! А на блаженныхъ да угодливыхъ по десяти тысячъ тратила; за то какъ ее всѣ эти блаженные и

уважали: скамеечки ей подъ ножки подставляли; ручки у нея цѣловали; а она, вдовица сердобольная, уму-разуму учила ихъ. Племянничка своего любимаго докторомъ сдѣлала, для того, чтобъ былъ при ней и смерть отъ нея отгонялъ, и племянничкомъ-докторомъ не гнушалась, какъ племянницей-бабушкой. Столько чудесъ натворила, что всего и не разскажешь.

А какъ имянинницей бывала, такъ это такой праздникъ былъ, что просто уму помраченіе: изъ пушекъ палили, точно побѣду какую исправляли. И праздновала она имянины своя всегда на дачѣ: пойдетъ, бывало, изъ церкви, — въ колокола звонятъ, изъ пушекъ палятъ, а за ней человѣкъ 200 гостей идетъ. Станутъ за столомъ здоровье ея пить, — опять пальба! Однихъ троекъ до 50ти бывало, лошади разукрашенныя, упряжь серебряная, ямщики молодецъ къ молодцу — кровь съ молокомъ; ѣдутъ, свистятъ; горланятъ: „жизнь копейка!“ потому что знаютъ, куда ѣдутъ и съ кѣмъ ѣдутъ. Земля, бывало, и та въ трепетъ въ этотъ день приходила. Вина на однихъ кучеровъ съ ямщиками ведеръ 20 выходило; всѣмъ обѣдъ былъ, а потомъ дѣлежъ отъ имянинницы по рублю серебромъ. Просвиръ бывало сотни нанесутъ и навезутъ; не одну сотню рублей на нихъ раздавали; а родные поугодливѣе не знали, бывало, чѣмъ ангела въ ангелъ подарить: кто подушку шитую, кто коврикъ подъ ножки, кто скамеечку, кто салфетку на столикъ, кто картину шитую, — да всего и не перечтешь. Одному Романычу за обѣдъ да ужинъ тысячи двѣ отдавали; фейерверкъ пускали; музыкантамъ рублей 300; а гости бывало у сынковъ еще дни два имянины то празднуютъ. Нашъ городничій, толи не гордецъ былъ, а въ уваженіе къ имянинницѣ своего камердинера поздравить присылалъ. А камердинеру отъ имянинницы за эту честь три радужныя давались. Городничій-то и заставилъ Рогожсковыхъ устроить благотворительное заведеніе; имъ это не совсѣмъ хотѣлось, да онъ ихъ припугнулъ: я, говоритъ, кое-что про васъ знаю, да еще пораскопаю. Онъ на это былъ мастеръ-гробокопатель, любилъ старые зады раскапывать; вотъ они по этой причинѣ и благотворителями сдѣлались, а городничему это было и на руку: заведеніе онъ помѣстилъ въ домѣ своихъ родственниковъ; домъ былъ въ раз-

валпнахъ, Рогожсковы на свой счетъ перестроили его. Идолову-то и хорошо: и роднымъ крышу крылъ чужими деньгами, да и передъ начальствомъ отличился: вотъ, дескать, я на пользу отечества стараюсь, сокъ изъ купцовъ выжимаю. Правда, про Идолова говорили, что у него волчій ротъ да лисій хвостъ, а его камердинеръ, просто такъ и жилъ на рогожсковскій счетъ: шампанское ему ящиками отъ нихъ посылалось.

Хорошо жила маменька, да не худо жили и дѣтки. Вотъ хоть бы старшій сынокъ Демидъ Петровичъ — съ лица такой добрякъ, круглякъ, точно саломонова кружка пустая, великій любитель древностей и живописи, особенно миѳологической, и фотографическихъ картинокъ, на которыя въ стеклышко смотрятъ; дорого онъ за нихъ плачивалъ, много денежекъ потратилъ; книги тоже старыя скупалъ и серебро старинное, — знатокомъ себя большимъ выказывалъ. Да какъ и не быть знатокомъ? какъ сотню тысячъ на вѣтеръ пустишь — будешь знатокомъ! До почестей тоже былъ большой охотникъ; какъ и быть надо, кавалеріями украсился, и самъ милости большія творилъ тѣмъ, кто ему потрафить умѣлъ. Для такихъ плутовъ честнаго человѣка изъ дому выгналъ: онъ у него 30 лѣтъ трактиръ держалъ, а онъ на мѣсто его другихъ пустилъ. Одного половаго изъ трактира, а другаго прикащика изъ другаго трактира въ компанію соединилъ, денегъ имъ далъ, купцами сдѣлалъ, посуды имъ накупилъ, чаю, сахару далъ и открыли они трактиръ купца Сорина и К°, съ нумерами и всѣми потаенными ходами. Трактиръ этотъ гремѣлъ на весь міръ; что дѣлалось тамъ — просто удивленье: цыганы, музыка, дамы изъ Амстердама — просто Палерояль россійскій былъ. Какіе тамъ кутежи бывали! Дочка Идолова тутъ лихо отличалась, да еще господинъ Скулобитовъ ловко тутъ кучивалъ; а камердинеръ Идолова разъ на немъ верхомъ ѣздилъ, — все то темная ноченька кроетъ! Бывало Скулобитовъ нарядится кучеромъ, да душенекъ и привезетъ самъ и пошла такая потѣха, только мать сыра-земля стонетъ. Вотъ говоритъ пословица, что у другаго сучокъ въ глазу видимъ, а у себя и бревна не замѣчаемъ; увидитъ бывало Скулобитовъ, что пьяный на улицѣ валяется, тотчасъ въ часть отправитъ, а за собою не видалъ, какъ замарался въ самой сажѣ, да хорошо и попла-

тился за свой коровъ: до сихъ поръ битымъ мясомъ дразнятъ. Только не долго посуществовалъ Соринскій трактиръ: Самъ хозяинъ въ яму попалъ, а товаръ въ приказъ пошелъ. Говорятъ Соринъ обидѣлъ больно своего товарища; вѣрно Демидъ Петровичъ не отъ сердца денежки ему далъ; а очень Соринъ высоко себя держалъ, забылъ пословицу: по одежкѣ протягивай ножки. Бывало въ театрѣ въ креслахъ съ самимъ Геркулесомъ рядомъ сидитъ и видно хорошо кормилъ его, что онъ ему всегда руку протягивалъ; а вѣдь онъ протягиваетъ ее по выбору, не всякому.

Вотъ какія дѣла Демидушка творилъ. А до клубнички былъ большой тоже охотникъ: такую ягоду кромѣ законной имѣлъ, что хоть бы самому султану Турецкому подстать, да и дорого ему эта ягодка стоила! М-me Кудрявая была себѣ на умѣ: обезпечила себя лучше законной жены: домъ подобрала тысячъ во сто, да вещей тысячъ на 25 онъ ей купилъ, да деньгами ей на прожитіе давалъ, — всего пожалуй тысячъ на полтораста будетъ. Сколько Идолову взаймы безъ отдачи давалъ за то, что онъ отъ него своего лица не отворачивалъ, на балъ, на обѣдъ приглашалъ и руку ему протягивалъ. Служилъ онъ тоже въ одномъ заведеніи предсѣдателемъ и не мало тысячъ для своей славы потратилъ. Лошадей пятьдесятъ для охоты держалъ, кучера точно придворные были; ну да и себя видно не забывалъ, тоже на черный день денежки откладывалъ; а вотъ какъ послѣ погрома на него сумасшествіе нашло или совѣсть мучить его стала, такъ въ администрацію какой кушъ-то привезъ? а все-таки видно не мало осталось: на женино имя торговлю завелъ.

Второй сынокъ Сидоръ Петровичъ тоже не мало почудилъ на своемъ вѣку, подивилъ Плюшковъ! да и супруга его пришлась по немъ, потому что изъ рода Рогожсковыхъ была: гордая, самолюбивая, бывало пріѣдетъ въ гости, такъ не найдетъ съ кѣмъ говорить. У насъ въ Плюшковѣ одинъ музыкантъ въ честь ее польку сочинилъ и ея имени посвятилъ, за то что большими милостями отъ Рогожсковыхъ пользовался и карманъ свой набивалъ. Сидоръ Петровичъ поумнѣе и поплутоватѣе будетъ Демидушки, а тоже честолюбіемъ увлекался: украшеній возжелалъ и черезъ Идолова получалъ, за

то что библіотеку по его приказу пожертвовалъ. И такъ честолюбіе увлекло его, что умъ изъ головы потерялъ; фабрику для себя и для Идолова построилъ, домъ въ 200,000 на женино имя у черта на куличкахъ соорудилъ, куда только ночью ѣздать; цвѣтами его украсилъ, оранжереи развелъ, деревья изъ Питера выписывалъ, даже изъ-за границы получалъ. Онъ Идолову на свой счетъ паркъ развелъ, домъ на дачѣ отстроилъ, оранжереи растеніями наполнилъ; за это Идоловъ къ нему къ чорту на кулички запроста чай кушать ѣздилъ: тысячъ 200 онъ ему стоилъ.

А какъ служилъ Сидоръ Петровичъ по выборамъ, такъ тысячъ десять прослужилъ; присутствіе на свой счетъ отдѣлалъ и всю крапиву деньгами посыпалъ; на пожарную команду пожертвованіе сдѣлалъ. По примѣру брата завелъ себѣ вторую султаншу, госпожу Гораздину, изъ дворянъ; на валу ей домъ во 100,000 построилъ, крестьянъ купилъ, да по 20 тысячъ каждогодно на содержаніе отпускалъ. Какіе обѣды задавалъ! сколько за вина одному погребщику денегъ перепало, а вина были всегда самыя дорогія; сигары въ 30 руб. сотня курилъ и гостей угощалъ, 45 коровъ держалъ, 40 лошадей, разной птицы домашней 400 штукъ, а послѣ разгрома казанской сиротой прикинулся, къ зятю въ прикащики — пошелъ.

Третій сынокъ Іона Петровичъ тоже на своемъ вѣку почудилъ не мало, не изъ рода, а въ породу пошелъ: еще какъ въ училищѣ учился, такъ колѣнца выкидывалъ, а какъ денегъ достать негдѣ было, онъ и давай записочки да вексельки выдавать, разумѣется безъ родительскаго дозволенія. Нашлися довѣрители Ляпкинъ съ Хазаровымъ; знали, что получатъ за рубль два. И надавалъ Іонушка документовъ на большую сумму. Ждали, ждали, да и соскучились, къ тятенькѣ и приступили. Тутъ и увидѣлъ себя Іонушка на краю пропасти стоящимъ. Родитель желаніе платить его долги не изъявилъ, и посадили Іонушку въ темную въ частный домъ. Высидѣлъ онъ тамъ три мѣсяца, да спасибо Идолову: выручилъ его оттуда, все дѣло затушилъ и карманъ свой набилъ. Только этимъ не кончилось: послѣ смерти отца, братцамъ пришлось заплатить за Іонушку 200,000, — за шалости его юности. Но Іонушка зла не помнитъ и до сихъ поръ эту метрессу, кото-

рая ему такихъ хлопотъ стопла, и дѣтокъ ея не покидаетъ. Вотъ что значитъ сила любви то человѣческой! Послѣ этого братцы вдумали женить Іонушку и выбрали ему въ тести — мужика скупягу, Ноя Марковича Вытикова. Ной Марковичъ обрадовался, что такой богачъ на его дочкѣ женится и съ радости обѣщалъ, что дастъ за ней семь тысячъ рублей, а какъ подошло дѣло къ концу, такъ надулъ на дѣвишникѣ: я, говоритъ, деньги въ городѣ забылъ, послѣ доставлю. Да такъ до сихъ поръ и доставляетъ, — все ему нѣкогда, у него на этомъ свѣтѣ дѣлъ много, ну на томъ свѣтѣ дѣла у него не будетъ, такъ онъ и разсчитается. Іонушка ему зла не помнитъ: женился онъ, и самъ своей женушкѣ всякаго добра накупилъ: жемчугу и бриллiантовъ, серебра и пр. тысячъ на 50, дачу на ея имя купилъ, да тысячъ двѣсти на черный день отложилъ. А какъ послѣдовалъ разгромъ, такъ не плоше брата Сидора казанскаго сироту разыгралъ: оборванный сертучишка надѣлъ и жену въ стоптанныхъ башмакахъ заставилъ ходить. Теперь онъ виномъ сталъ торговать, въ одномъ городкѣ двадцать кабаковъ открылъ и живетъ себѣ въ простотѣ душевной.

Четвертый сынокъ Анисимъ Петровичъ вышелъ поглупѣе своихъ трехъ старшихъ братьевъ; женился онъ на Мазилкиной, а жена вышла просто баба-яга: въ ступѣ ѣздитъ пестомъ его въ спину погоняетъ. Много тоже денежекъ на своемъ вѣку прожила, много его пообобрала. Охотница была большая до пировъ, музыкантовъ, фейерверковъ и разныхъ артистовъ; но она себя обезпечила: домъ на свое имя тысячъ во сто выстроила, вещей накупила и въ ломбартъ положила, а теперь муженька изъ дома выгоняетъ, и онъ сердечный, одно утѣшеніе только въ чарочкѣ находитъ, потому что русскій человѣкъ виномъ радость и горе заливаетъ.

Такъ куда вотъ пошло достояніе Петра Сидоровича: на балахъ, на фейерверкахъ да на гаремахъ прожито, да Идолову въ карманъ перешло. Послѣ смерти отца, чѣмъ-чѣмъ они не торговали, а дѣло на ладъ не шло, потому что дѣло за нами не ходитъ, а намъ надо за нимъ ходить, по пословицѣ: не хлѣбъ за брюхомъ, а брюхо за хлѣбомъ ходитъ.

Самимъ-то имъ до всего доходить было нѣкогда, потому что нынче балъ, а завтра два, то обѣдъ, то освященіе, то засѣда-

ніе, то съ Идоловымъ свиданіе, то имянины, то крестины, то похороны, то голова болитъ, то всему не можется. Ну такъ и имѣли они разныхъ коммиссіонеровъ. Вотъ хоть бы Карпуша, мужикъ простой былъ, а теперь самъ купецъ и торговлю производитъ. Онъ всѣ ихъ коммисіи и тайныя и явныя исполнялъ, во всѣ дома все поставлялъ и Кудрявой и Гораздиной, и за это за рубль два бралъ. И много тысячъ въ годъ черезъ его руки переходило. Или вотъ хоть бы Левко, мало развѣ схапалъ у нихъ и свою торговлю открылъ! И какое они довѣріе имѣли къ плутамъ такимъ, что и понять нельзя. Познакомились они на бѣду съ однимъ проходимцемъ, который черта на семь верстъ обгонялъ, Ниломъ Створожевымъ. Этотъ къ нимъ просто въ душу влѣзъ, все по ихъ дѣлалъ, точно колдунъ своими масляными глазами ихъ обворожилъ. Сначала передъ ними точно собачка хвостомъ вилялъ и роль лакея разыгрывалъ. Какъ Соринскій трактиръ открытъ былъ, такъ онъ шампанское самъ разносилъ и на колѣняхъ съ бокаломъ стоялъ да такъ ихъ осѣтилъ, что они ему все дѣло ввѣрили. Онъ и зналъ, что оно дурно, да изъ своихъ видовъ скрывалъ, а въ это время себѣ карманъ набивалъ. Богъ, говоритъ, милостивъ, все поправится, будетъ и такой годъ, что всѣ убытки съ барышемъ заразъ покроетъ, а теперь, говоритъ, вы фирму устройте, всѣ капиталы вмѣстѣ соедините, (а фирма была устроена пустая, капиталы только на гербовой бумагѣ значились); да, говоритъ, больше денегъ занимайте. — Ну и начали они занимать и всѣхъ добрыхъ людей обирать. Тутъ попали и вдовы, и попы, и офиціанты, и мѣщане, и артельщики, и генералы, и князья, и барыни, и камеліи, какъ говорится, всякаго жита по лопатѣ, а чтобъ отвратить сомнѣніе, стали еще больше роскошествовать. Фирма была общая и отчетовъ другъ другу не давали. А Створожевъ въ этой мутной водѣ рыбку удилъ. Время-то шло шло, да и пришло, что ни тпру, ни ну. Створожевъ, наловивши рыбки, и говоритъ: нечего теперь дѣлать, надо кафтаны выворачивать; вы, говоритъ, тамъ себѣ устройте, мамашу приготовьте, а я, говоритъ, книги торговыя устрою, гдѣ надо выскоблю, а гдѣ припишу. Вотъ въ одно прекрасное утро и прошла эта вѣсть по граду Плюшкову, такъ вѣрить никто не хотѣлъ. Скорѣй бы повѣрили,

что турецкій султанъ въ христіанскій законъ со всѣмъ царствомъ переходитъ, или что Папа римскій женится. Одинъ такъ другому въ рожу плюнулъ: я тебя, говоритъ, въ часть отправлю, — какъ ты смѣешь такихъ людей марать! Вотъ какую увѣренность плюшковцы въ нихъ имѣли, не меньше, чѣмъ въ ломбардъ. Ну а послѣ, дѣлать нечего, пришлось разувѣряться. И хватили они не много, не мало, до шести милліоновъ, а кредитующихъ до полутораста было, и много тутъ помогъ Створожевъ, иже обрѣтается на Волыни, которая 90 верстъ ближе Можайска.

КАРТИНА II.

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Онъ у насъ осьмое чудо, —
У него завидный нравъ
Неподкупенъ, какъ Іуда,
Храбръ и честенъ, какъ Фальстафъ,
Не страшитесь съ нимъ союза, —
Не разладите никакъ:
Онъ съ французомъ — за француза,
Съ полякомъ онъ самъ полякъ;
Онъ съ татариномъ татаринъ,
Онъ съ евреемъ самъ еврей.
Онъ съ лакеемъ важный баринъ,
Съ важнымъ бариномъ — лакей.
(изъ альманаха).

Нилъ Створожевъ, по прозвищу Козелъ, — явленіе столь крупное въ коммерческомъ мірѣ и въ судьбѣ торговаго дома П. Рогожскова съ сыновьями, что біографія его будетъ для многихъ любопытна. Не будемъ говорить о его происхожденіи, рожденіи и младенчествѣ, когда онъ, какъ обыкновенный смертный, качался спеленатый въ колыбели подъ баюканіе своей няни. Не будемъ описывать его и отрочества, которое онъ провелъ въ одномъ учебномъ заведеніи града Плюшкова, въ которомъ пришлось ему въ послѣдствіи такъ ярко блистать въ коммерческомъ мірѣ и чужими руками загребать жаръ. Не знаемъ, отчего на жизненномъ поприщѣ развились въ немъ такія огромныя способности: природа ли его такъ щедро на-

градила ими, или воспитаніе заведенія, въ которомъ онъ, обогащая науками свой умъ, жадный къ познаніямъ, развилъ дары природы до высшей степени совершенства; — рѣшите сами, читатель, а мы начнемъ его біографію съ дней его мужества, когда онъ, какъ неустрашимый пловецъ, боролся съ невзгодами моря житейскаго, съ тѣхъ тяжелыхъ дней, когда „сиръ и нагъ бѣ,“ и доведемъ до тѣхъ дней, когда, упившись и отъѣвшись, забылъ Бога, создавшаго его.

Окончивъ курсъ ученія, Нилъ былъ брошенъ судьбою къ нѣкоему купцу въ прикащики — сидѣть у анбара, отпирать и запирать его, писать счеты. Участь, какъ видите, не завидная для такой широкой натуры, какъ Нилъ! Бывало задумается голубчикъ, сидя у анбара, о горькой своей долѣ. Долго ли, думалъ онъ, буду я пробиваться въ люди? И такой онъ былъ хитрецъ: кто, бывало, мимо его идетъ изъ купцовъ поважнѣе, онъ и начнетъ кланяться да лазаря пѣть: батюшка! не услышите ли гдѣ мѣстечка получше, а то я здѣсь глохну; я все могу дѣлать, какую угодно бухгалтерію сведу. А если кто его бывало спроситъ: да чѣмъ же вамъ тутъ худо?—И, сударики, отвѣтитъ онъ, да вѣдь и рыба ищетъ, гдѣ глубже, то какъ же человѣку не искать, гдѣ лучше? Правду говоритъ пословица: не родись ни уменъ, ни хорошъ,—родись счастливъ; добился Нилъ своими поклонами да просьбами рекомендаціи къ купцу Пёшкину и поступилъ къ нему въ бухгалтеры; а вы знаете, что такое бухгалтеръ у богатаго русскаго купца: это темная вода во облацѣхъ небесныхъ, и мѣстечко это не холоднѣе секретарскаго: умѣй только концы хоронить. Поступилъ онъ къ Пёшкину въ бухгалтерію и пробудилась въ немъ вся энергія его широкой натуры. Дѣло было большое и для Нила новое, и потому, при всемъ своемъ умѣньи, онъ, какъ пришло время сводить балансъ, свести его и не могъ: потѣлъ, потѣлъ надъ нимъ Нилъ, хоть выжми, ничего не подѣлаешь, — потому что Пёшкинъ самъ по коммерціи былъ дока, на обухѣ рожь молотилъ. Видитъ онъ, что бухгалтеръ его плутъ, и говоритъ ему: ступай, миленькій, пока цѣлъ, я и безъ тебя управлюсь. Повѣсилъ голову Нилъ. Что дѣлать? кто послѣ Пёшкина возьметъ его? Пришлось хоть камни грапить, подъ мостъ подъ седьмую клѣтку идти. Постой, думаетъ Нилъ, подъ

седьмую клѣтку-то идти я и послѣ успѣю; у меня есть пріятель въ сиротскомъ судѣ, дай пойду къ нему бумаги переписывать, все на хлѣбецъ добуду, съ голоду не умру, а между тѣмъ буду мѣста искать.

Такъ и случилось, какъ думалъ онъ: нашелъ онъ дорожку въ одну страховую контору и сталъ по городу шнырить да застраховку отыскивать. Тутъ показалъ свои способности Нилъ: случится бывало споръ какой, гдѣ утянуть, гдѣ что убавить, онъ все это обдѣлаетъ. Любила эти штучки душа его. Въ это время познакомился онъ съ однимъ адвокатомъ Артистовымъ. Адвокатъ этотъ былъ великій магикъ и мудрецъ и по кляузнымъ дѣламъ настоящій Пинетти: только ввѣрься ему, такъ доволенъ останешься. Онъ пользовался большимъ почтеніемъ: Демьянъ Демьянычъ и тотъ ему всегда стулъ подавалъ. Вотъ какое пріобрѣлъ Нилъ себѣ знакомство и покровительство. Точно ему Артистовъ съ неба упалъ. Черезъ него Нилъ познакомился со всею коммерческою знатью, и оставивъ бухгалтерію, поступилъ въ адвокатуру, которую сталъ изучать подъ руководствомъ Артистова. Изучивъ ее скоро и толково, онъ на этомъ поприщѣ сталъ какъ сыръ въ маслѣ кататься, и чего онъ только ни передѣлалъ! Бывало разстроившагося купца приголубитъ, устроитъ, умудритъ, или бывало, когда онъ явится среди дикаго и неистоваго рева его кредиторовъ на конкурсъ, поведетъ своими масляными глазками, сдѣлаетъ лукавую улыбочку и запоетъ какъ горлица своимъ нѣжнымъ голоскомъ, и все стихнетъ и все укротится. Розовый путь жизни насталъ для Нила и началъ онъ думать о женитьбѣ, о тишинѣ семейнаго крова. Высокой былъ нравственности Нилъ! Первая любовь его была кроткое созданіе, вдовушка, нѣмочка, принесшая ему вѣрность до гроба; умѣла она ему варить супъ изъ картофеля, настоящій нѣмецкій, классическій, завела порядокъ на погребѣ и въ кухнѣ. У этой нѣмочки была дочка отъ перваго брака, прелестное созданье. Зажилъ Нилъ между двухъ нѣмочекъ, жены и падчерицы, какъ волкъ между овечками. Какъ сердобольный отчимъ, пристроилъ онъ свою падчерицу, то есть выдалъ замужъ это прелестное созданіе, и сталъ блаженствовать, какъ нѣжный супругъ и отчимъ. Но неумолимая судьба снова приго-

товила ему ударъ: жена его умираетъ. Что дѣлать? кому препоручить хозяйство? и онъ предлагаетъ его своей падчерицѣ и прелестная падчерица покорилась обстоятельствамъ. Она вступила снова подъ кровъ своего отчима, благодѣтеля, утѣшила его въ горести и возбудила въ немъ снова энергію. Пытливый умъ его снова сталъ работать, и планы его получили большее развитіе. Но вотъ судьба снова открываетъ ему широкое поле для дѣятельности: онъ знакомится съ торговымъ домомъ Рогожскова и сыновей, и знакомится въ то время, когда домъ этотъ началъ хромать. Хороша была для Рогожсковыхъ находка такого человѣка, какъ Нилъ, да хорошо было и ему, потому что мутнѣе этой воды для ловли желать было нельзя. Сынки Петра Рогожскова по дѣламъ были неопытные мальчики, у которыхъ развилось только чувство сладострастія и роскоши. Кладъ былъ для нихъ Нилъ: адвокатъ, бухгалтеръ, совѣтчикъ, словомъ сказать — ограненный въ горнилѣ треволненій міра сего. И вотъ тутъ то геній Нила достигъ апогея своего совершенства. Творилъ онъ тутъ дѣла незримыя ни для кого, а зримыя только для него. Два года устроивалъ онъ втайнѣ эту катастрофу и чуть не свелъ съ ума весь Плюшковъ. Онъ протянулъ бы, можетъ быть, и долѣе это дѣло, но увидѣлъ, что какъ глубоко ни залѣзай въ карманъ Рогожсковыхъ, больше ничего не вытянешь, да и притомъ уже стало слышаться хриплое карканье вороньевъ въ торговомъ мірѣ о Рогожсковыхъ, подтверждаемое безпрестанными ихъ займами и неоправданными въ срокъ платежами. Но и тутъ еще Нилъ умѣлъ блеснуть своимъ геніемъ думая, быть можетъ, еще половить рыбки въ мутной водицѣ: онъ устроилъ имъ фирму, и фирма эта была лебединою пѣснію торговаго дома П. Рогожскова съ сыновьями. Въ это же самое время онъ устроилъ себѣ палаццо за городомъ, и поселеніе его тамъ отпраздновано было торжественнымъ обѣдомъ. Въ день обѣда, на который были приглашены имъ гг. Рогожсковы, удостоила его своимъ посѣщеніемъ въ знакъ особой милости и Авдотья Герасимовна. За часъ до пріѣзда Рогожсковыхъ явился отъ нихъ посланный, старый ихъ прикащикъ, и привезъ, вмѣсто хлѣба соли, серебряный кубокъ съ тысячью полуимперіаловъ; на крышкѣ кубка была изображена фигура

пѣтуха съ распущенными крыльями. Какое значеніе имѣла эта эмблема — неизвѣстно. Только что успѣлъ налюбоваться Нилъ на этотъ богатый подарокъ, какъ явилось семейство Рогожсковыхъ. Нилъ подъ руки вывелъ Авдотью Герасимовну и со слезами на своихъ масляныхъ глазкахъ отблагодарилъ виновниковъ своего благополучія. Послѣдовалъ обѣдъ, приготовленный придворнымъ поваромъ. Обѣдъ былъ такой, что самъ Лукуллъ остался бы доволенъ. За обѣдомъ начались тосты за здравіе лицъ торговаго дома П. Рогожскова, начиная разумѣется съ Авдотьи Герасимовны. Нилъ самъ подавалъ шампанское, съ каждымъ лобызался, а у Авдотьи Герасимовны два раза поцѣловалъ ручку. Подъ конецъ торговый домъ такъ разщедрился, что подарилъ Нилу изъ своихъ рощъ 5000 деревъ для постройки дачъ своему любимцу. Фортуна въ этотъ день, какъ видите, была очень милостива къ Нилу; и онъ за этотъ обѣдъ получилъ чистаго барыша тысячъ пятнадцать.

Настроилъ себѣ Нилъ разныхъ доходныхъ палаццо и зажилъ паномъ Твардовскимъ на своей дачѣ. Кто не помнитъ загородныхъ праздниковъ Нила? Но скоро опять наступили для него пасмурные дни послѣдовалъ разгромъ торговаго дома П. Рогожскова съ сыновьями. Какъ ни былъ приготовленъ этотъ кормчій къ бурѣ, но корабль разбился и многое выбросило наружу. Плутни Нила стали видны, и ему предстоялъ уже даровой путь по владимиркѣ но судьба снова дохнула на него счастіемъ и онъ получилъ мѣсто въ управленіи дѣлами обанкрутившагося дома и вмѣсто дароваго пути по владимиркѣ, ему снова открылся путь наживать деньги. О дѣлахъ его по управленію и о прочихъ лицахъ этого управленія мы побесѣдуемъ въ третьей картинѣ, а теперь скажемъ о Нилѣ, что лебединою пѣснію его жизни, финаломъ его пылкой юношеской страсти былъ его романическій бракъ на Волыни. Нилъ влюбился въ 17-ти лѣтнюю красавицу, бѣдную дѣвушку, обрученную другому молодому жениху, который отправился составлять себѣ карьеру. Въ это время Нилъ прельстилъ воспитателей этой дѣвушки своимъ богатствомъ, а ее браслетами и подарками, прислалъ за нею тысячныхъ рысаковъ и увезъ ее къ вѣнцу.

Читатель научится изъ біографіи Нила, как балуетъ судьба своихъ любимцевъ. Не правду говоритъ русская пословица, что дуракъ ѣздитъ въ каретѣ, а умный человѣкъ ходитъ пѣшкомъ. Нѣтъ, умный только человѣкъ ѣздитъ въ каретѣ, а дуракъ всегда ходитъ пѣшкомъ. Не будь Нилъ умный человѣкъ, онъ не ѣздилъ бы въ каретѣ, какъ теперь, и не прошелъ бы такое славное поприще, начиная отъ званія прикащика, потомъ писца, до высшихъ степеней адвокатуры. Ну какъ не сказать къ слову, что овому талантъ, овому два! Посмотрѣли бы вы на его наружность: какая представительность, какая деликатность: какое умѣнье быть пріятнымъ, какое простодушіе на лицѣ его, которому только и мѣшаетъ иногда хитрая улыбка и масляность прищуренныхъ глазокъ. Посмотрите на его фигуру вообще: это округленное брюшко доказываетъ спокойную совѣсть, — значитъ — хлѣбъ соль впрокъ идетъ. Посмотрите на его курчавую головку, — значитъ съ радости кудри вьются. Посмотрите на его плавную походку и увидите, что онъ живетъ не спѣша, что плавно идутъ дни его безмятежной жизни. Любо-дорого на него посмотрѣть, когда онъ идетъ подъ ручку съ своей молодой женой: въ немъ не видать ни ревности Отелло, ни страстей сатрапа. Въ рукѣ у него всегда бѣленькій платочекъ, который онъ частенько прикладываетъ ко лбу. Враги и завистники его говорятъ, что онъ будто все ощупываетъ, не вышли ли рога, но это пустое, — онъ только отираетъ испарину, которая выступаетъ у него отъ избытка удовольстія. Найдите мнѣ въ мірѣ другаго подобнаго баловня и любимца судьбы. Не найдете, увѣряю васъ, даже и въ откупной колодѣ.

Картина третья.

СОВѢТЪ ДЕСЯТИ

Предлагая нашимъ читателямъ эту третью картину „Торговаго дома П. Рогожскова съ сыновьями," мы считаемъ нужнымъ предварительно оговориться, что излагая факты, подобные которымъ совершаются къ сожалѣнію почти ежедневно въ нашемъ коммерческомъ мірѣ, мы имѣемъ цѣлію только

заявленіе этихъ фактовъ безъ всякаго отношенія къ дѣйствующимъ лицамъ, придуманнымъ нами и введеннымъ въ разсказъ.

Послѣ разгрома, оглушившаго весь людъ града Плюшкова, послѣдовало во градѣ этомъ такое недовѣріе между купцами, что ростовщики-процентщики мѣсяца два денегъ подъ учотъ не давали. Уныніе и страхъ такой былъ въ городѣ, точно будто послѣ труса или потопа, а Христофорушка, первый Плюшковскій процентщикъ, вотъ какую штуку выкинулъ: собралъ всѣ наличныя, промѣнялъ на серіи, заперъ въ сундукъ, а ключъ въ рѣку бросилъ. „Боюсь, говоритъ, чтобы какъ-нибудь не соблазниться, кому за два процентика не отдать.“ Ужь то ли Христофорушка не дока: всего Сираха наизусть знаетъ, насквозь всякаго человѣка видитъ, а и то попалъ, да еще что обидно: за восемь процентовъ далъ. Тоска на него напала, пища опротивѣла, насилу шерстяными рукавицами отъ смерти оттерся, голубчикъ.

Какую въ самомъ дѣлѣ вѣру всѣ въ Рогожсковыхъ имѣли, за счастіе считали имъ деньги дать, только возьмите, батюшки, Христа ради, заставьте за себя Бога молить. Ужь то ли еще не плутъ татаринъ Мирза, и тотъ налетѣлъ, свою душеньку захотѣлъ обезпечить: взялъ на Рогожсковыхъ векселей: на, говоритъ, милочка, вѣчно будешь съ кускомъ хлѣба, а вышло дѣло — осталась съ сумой вмѣсто вѣчнаго хлѣба. Ужь на что рабочихъ, что кровавымъ потомъ подъ ношей хлѣбъ себѣ добываютъ, и тѣхъ не пощадила ихъ совѣсть, и у тѣхъ деньги взяли. А вѣдь трудовая копейка, добытая въ потѣ лица, то же что и слеза сиротская, до Бога дойдетъ. Да что говорить, если бы собрать всѣхъ кредиторовъ вмѣстѣ, послѣ разгрома, да списать бы съ нихъ картину, то вышелъ бы пожалуй „Послѣдній день Помпеи“ не хуже Брюловскаго.

Какъ первый-то страхъ прошелъ, да увѣрились кредиторы, что это имъ не сонъ приснился: другіе такъ себя булавками кололи, дескать не во снѣ ли я въ самомъ дѣлѣ вижу, а вышло, что наяву. Какъ увидали кредиторы передъ собой плачущихъ: Демидушку, Сидорушку, Іонушку, переодѣтыхъ въ старый гардеробъ, то и увѣрились, что это не сонъ. Сынки мамашу по совѣту Нилушки, заблаговременно переправили

на дачу и успокоили ее, что все это кончится благополучно: оно бы точно, къ слову сказать, и кончилось бы благополучно, если бы это случилось въ былое время.... Оплошали Рогожсковы, что по раньше не догадались эту штуку сочинить; былъ бы на ихъ улицѣ праздникъ, скатилась бы съ нихъ эта бѣда, какъ съ гуся вода. Думали, думали кредиторы, что дѣлать, съ чего начать? По пословицѣ чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу; а вѣдь кредиторовъ-то 150 головъ—цѣлый гуртъ; всякому своя рубашка къ тѣлу ближе, да и многіе изъ нихъ по разнымъ городамъ были; скоро ли еще узнали, да скоро ли своихъ повѣренныхъ прислали или сами пріѣхали. Хорошо еще, что несчастія никакого не случилось: съ огорченія никто не умеръ или ударомъ никого не пришибло. Какъ собрались они, послѣдовали совѣты, кого въ управленіе выбрать. Тотъ хорошъ, а этотъ еще лучше; тотъ уменъ, а этотъ еще умнѣе. Недѣли двѣ все толковали, одинъ на одного пальцами показывали, перекорялись и насилу уломались. Перваго выбрали Хрюшкина. Этотъ былъ чудо въ своемъ родѣ, прежде святошу изъ себя разыгрывалъ, все свѣчки ставилъ, да Патерикъ Печерскій читалъ. Бывало, если со вторника на среду гдѣ въ гостяхъ, такъ ужинать не станетъ безъ того, чтобы часы не посмотрѣть: если 12 часовъ:—грѣхъ, говоритъ, — середа наступила. Ну, а теперь безъ часовъ обходится, куда Патерикъ положилъ и самъ, я думаю, забылъ. Теперь онъ ведетъ жизнь развеселую: отъ задумчивости и для развлеченія держитъ при себѣ скомороха, прогорѣлаго купца Ахава, который имѣетъ великій даръ веселить сердца человѣческія; да какъ и не пріобрѣсть такого дара, какъ тысячъ сто на вѣтеръ пустишь? Хрюшкинъ безъ него шагу не сдѣлаетъ, вездѣ съ нимъ. Рогожсковы, говорятъ, сами хотѣли, чтобы Хрюшкина въ управленіе выбрали, потому что они думали: авось онъ родителя нашего хлѣбъ соль попомнитъ, когда его родитель къ нашему въ сундукъ ходилъ и нашъ родитель ему всякую помощь за ночь и за полночь оказывалъ. А вышло напротивъ: онъ Рогожсковымъ первый недругъ сдѣлался, а на Нилушку кандалы даже хотѣлъ надѣть.—Втораго выбрали Лежалова: это персона масивная, въ четыре глаза смотритъ. Все, говоритъ, насквозь вижу, никто, говоритъ,

меня не обманывалъ сроду, а я всѣхъ; не родился тотъ человѣкъ на свѣтѣ, котораго я насквозь не вижу. Да какъ этому не повѣрить,—потому что онъ прежде яйцами торговалъ, по деревнямъ ѣздилъ, яйца скупалъ, бабъ обманывалъ, милліоны ихъ на своемъ вѣку пересмотрѣлъ: такъ вотъ онъ отчего и увѣренность въ себѣ имѣетъ. Меня, говоритъ, выберите, я буду въ этой обсерваторіи астрономомъ. Ну и выбрали астронома. Третьяго выбрали Брыкалова—это левъ, рыкающій въ пустынѣ: я, говоритъ, доберусь до всей подноготной. Не будь я Брыкаловъ, если мы рубль за рубль не получимъ. Очень ему обидно было, что онъ такъ опростоволосился: Рогожсковымъ денегъ далъ Забылъ видно Брыкаловъ пословицу: не хвались цыплятами весною съ выводу, а хвались осенью по выводѣ. Оно на дѣлѣ такъ и вышло....—Четвертаго выбрали Персова. Это такое дитятко неугомонное, — просто такъ кулаки на всѣхъ и сучитъ; обругаетъ кого хочетъ и за что хочетъ. А ужъ какъ его самолюбіе на старости лѣтъ осѣтило, такъ просто смѣхъ. Получилъ онъ кавалерію въ петлицу, такъ думалъ, что дескать дрожи передъ нимъ все, какъ листъ передъ травой. Поѣхалъ онъ въ Кіевъ Богу молиться, кавалерію надѣлъ и въ подорожной было прописано, что онъ кавалеръ. Теперь, думалъ онъ, не я буду лошадей ждать, а меня лошади будутъ ждать. А дѣло все таки вышло напротивъ: дожидаться пришлось не лошадямъ кавалера, а кавалеру лошадей. На одной станціи кавалеру показалось очень долго, онъ и давай смотрителя пушить: „давай лошадей, я кавалеръ! давай лошадей, я кавалеръ!“ Кричалъ, кричалъ, а толку не вышло. А какъ поѣхалъ онъ назадъ и пріѣхалъ на ту станцію, гдѣ кричалъ, то и задали ему музыку: сбѣжалось съ полсотни мальчишекъ, взобрались кто на заборъ, кто на крышу, да и давай кричать: „кавалеръ пріѣхалъ! кавалеръ пріѣхалъ! давайте лошадей!“ Да такой гвалтъ учинили, что онъ, голубчикъ, чуть не захворалъ съ досады. Попалъ онъ въ управленіе не изъ чего больше, какъ только для того, чтобъ поругаться вдоволь не по печатному. Ужь Богъ его знаетъ, привычка что ли у него такая или болѣзнь! „Я, говоритъ, лучше не пимши не ѣмши буду, только дай поругать кого нибудь; мнѣ, говоритъ, не поругаться, что пьяному не опохмѣлить

ся.“ — Пятаго выбрали Латкова. Ему это было на руку, потому что онъ самъ былъ долженъ управленію дома П. Рогожскова съ сыновьями значительную сумму, которую съумѣлъ заплатить по 50 коп. за рубль. Въ послѣдствіи изъ управленія его удалили. — Шестаго выбрали Плутера Это такая продувная натура, какихъ мало на бѣломъ свѣтѣ встрѣтишь. Ему при этомъ управленіи было тепло и сытно. Ему оно очень по вкусу пришло, потому онъ въ послѣдствіи и надъ собой устроилъ: это, говоритъ, лучше, чѣмъ жизнь застраховать. Онъ закадычный пріятель Нилушки, — просто два тѣла и одна душа, и живутъ то рядышкомъ, какъ птички неразлучныя. — Седьмаго выбрали Талерова: это полунѣмецъ полурусскій, штука умная, тонкая, не подумавши слова не вымолвитъ: посмотритъ назадъ, посмотритъ впередъ, а тамъ ужь что-нибудь и скажетъ. Ему тоже тутъ было недурно: процентиковъ 5 за хлопоты получилъ. — Осьмаго выбрали Опе, а девятаго Серебрянаго; но эти побыли недолго: переселились въ селенія вѣчныя.

Вотъ какъ управленіе вполнѣ составилось, и стали думать, какого бы еще дѣльца пригласить, адвоката то есть, къ девяти умамъ — десятый умъ. Всѣхъ въ Плюшковѣ перебрали: на оселкѣ какъ золото перепробовали, а въ настоящую пробу не нашли. Послали въ столицу отыскивать и тамъ насилу отыскали доку Одноглазова, по чугункѣ на всѣхъ парахъ привезли, стали ему кланяться: помогите, батюшка! и въ цѣнѣ сторговались по 10 процентовъ съ рубля. Вотъ дока Одноглазый сталъ дѣло разбирать и турусы на колесахъ имъ разсказывать. Ждутъ кредиторы, ждутъ, а толку видятъ мало. Дока Одноглазый языкомъ впередъ ѣдетъ, а на дѣлѣ ни съ мѣста. Видятъ — дѣло плохо, отсчитали Докѣ слѣдующее да и говорятъ: „извините, что побезпокоили вашу честь,“ — и отправили опять по чугункѣ на парахъ во свояси съ полными карманами. Дока этотъ доволенъ не остался, что его оставили; кляузу завелъ. Да счастливы они, что онъ скоро умеръ, а то было бы имъ отъ него на орѣхи. Видятъ, дѣло напутано такъ, что самъ чертъ не разберетъ; давай опять плюшковскихъ докъ перебирать. Перебирали долго, да и взяли Нилушкина

пріятеля Артистова. Нилушка какъ узналъ, такъ просто съ радости въ ладони захлопалъ: дескать, наша взяла! Артистовъ, какъ принялъ дѣла, и говоритъ: „будьте покойны, господа; всѣ силы употреблю на пользу вашу, живота своего не пощажу; мнѣ вездѣ есть случай, вездѣ передо мной двери не заперты, а на счетъ благодарности мнѣ не безпокойтесь: по мѣрѣ силъ и трудовъ меня оцѣните. (Ну ужь одно слово — артистъ!) „Только, господа, говоритъ, надо взять сюда Нилушку." „Это зачѣмъ же, говорятъ, мышь въ крупу сажать?" — „А потому, говоритъ, что онъ со страху все намъ откроетъ, все по совѣсти скажетъ, а мы тогда Рогожсковыхъ по рукамъ и по ногамъ опутаемъ." Какова тонкость-то! ну и взяли Нилушку въ качествѣ бухгалтера при администраціи, жалованье ему положили, — посадили, значитъ, мышь въ крупу! вотъ и пошла работа египетская: есть гдѣ рыбки половить— милліонное управленіе, а Артистовъ отличный рыболовъ: все вмѣстѣ съ Мусоровымъ рыбку ловитъ, а Мусоровъ этотъ — тоже мудрецъ, въ нѣкоей коммерческой расправѣ засѣдаетъ. По лицу такой постникъ и смиренникъ, а и онъ тутъ соблазнился—въ милліонномъ управленіи за одно съ Артистовымъ и Нилушкой рыбки ловить пустился, т. е. по просту сказать—ихъ руку сталъ держать. Ему это было можно, потому что дѣло то это по его отдѣленію. Кредиторы думаютъ: ну, у насъ въ управленіе люди выбраны — первый сортъ, ума палата, душой не покривятъ. Адвокатъ хоть и плутъ, да мы ему 6000 жалованья сами положили, по совѣсти труды его оцѣнили, такъ онъ будетъ за насъ. У Нилушки душа точно рѣдкая, какъ рѣшето, да и совѣсть тоже больше подъ пятками, да мы ему жалованья 5000 дали, такъ поневолѣ будетъ жить по совѣсти, — вѣдь 5000 получить не мутовку облизать. Жаль голубчики кредиторы ошиблись, что на такихъ дѣльцовъ положились. Началъ Нилушка съ Артистовымъ дѣла такія творить, что просто ума помраченье! такъ опутали управленіе— точно мухъ паутиной, да и пищать то не велятъ. Хрюшкинъ-то съ Лежаловымъ видятъ, что дѣло плохо, что Артистовъ съ Нилушкой на посулѣ какъ на стулѣ, а на дѣлѣ какъ не ѣли, и говорятъ: „вы намъ не мѣшайте, а мы вамъ мѣшать не будемъ. Понимаете?" — „Понимаемъ! какъ не понять! мы

не малые ребята, всякій хлѣбъ на своемъ вѣку ѣдали. Только, господа, вы бы еще присоединили Плутера, и тогда васъ тройка будетъ везти. Я, говоритъ Артистовъ, на козлы сяду, Нилушку на облучекъ посажу, а Мусорова въ экипажъ, бариномъ, и по добру по здорову изъ этого болота выѣдемъ, а прочіе тамъ какъ знаютъ — чертъ съ ними!" Такъ и случилось, точно по писаному: Лежаловъ, Хрюшкинъ и Плутеръ свои денежки давнымъ давно заручили; фабрики Рогожсковыхъ подъ видомъ благочестія въ компаніи купили по 25 коп. за рубль, а послѣ опять рублемъ въ управленіе продали. Плутеръ съ радости даже рѣчь говорилъ—геніальная башка! Товаръ Рогожсковыхъ по 60 коп. за рубль продали, а прочіе кредиторы положили зубы на полку, какъ говорится, и ждутъ, что великіе умы членскіе, совѣсти непомраченной, въ ихъ пользу сдѣлаютъ. А они имъ только пыль въ глаза пускали. Къ родственникамъ пристали, родовой какой-то капиталъ стали отыскивать, спустя лѣто въ лѣсъ по малину, да деньги на это тратили. — Разъ какую штуку Совѣтъ Десяти сдѣлалъ: были они, какъ говорится, подъ-шефе, собрали свору да къ родственникамъ въ домъ и отправились — родовое имѣніе отыскивать; родственниковъ-то самихъ дома не было они и вызвали родственницу — даму, да и давай отъ нея торговыя книги требовать. Удивило ее это требованіе; видитъ она, что всѣ они на второмъ взводѣ, а можетъ быть подумала, что не съ ума ли сошли, посмотрѣла на нихъ и сказала имъ приличное привѣтствіе: ступайте, дескать вонъ. Смѣшная была штука: они и слова не пикнули,—видятъ, что сами кругомъ дураки,—да поскорѣе давай Богъ ноги. Лежаловъ пришелъ домой—точно изъ бани, а Хрюшкинъ, со стыда, что глупость сдѣлалъ, на недѣлю изъ Плюшкова уѣхалъ съ пріятелемъ своимъ Ахавымъ въ бахусову пустыню. Забыли они пословицу, что съ возу упало, то пропало. Имѣнія искали, котораго найти нельзя, а не догадались у Демидушки спросить про картинную галлерею, про библіотеку да про старое серебро, а вѣдь этого на 100,000 будетъ; или у Сидорушки — на какія деньги его супруга въ 200,000 домъ себѣ соорудила—на родовыя или на благопріобрѣтенныя? а сколько денегъ перебрали они изъ управленія на отыскиваніе родоваго имѣнія — и отчета

нѣтъ! все начальство съ ногъ сбили по этому дѣлу, а послѣ чуть самимъ не пришлось въ ноги кланяться, за то, что неправильный искъ имѣли. А кредиторы и рта не смѣли противъ управленія разинуть: что тѣ хотятъ, то и творятъ. Хрюшкинъ дѣло кончилъ; Лежаловъ рощу купилъ самъ по той цѣнѣ, какъ ему хотѣлось. Плутеръ пряжей торговалъ, хлопокъ покупалъ, счета подавалъ, денежки получалъ. Кредиторамъ въ уплату выдали по расчету чуть не проценты за время на капиталъ. Сулили рубль за рубль, а достанется за рубль — касимовскій рубль! Артистовъ себѣ карманъ набилъ, на старость лѣтъ обезпечилъ себя; Нилушка домъ въ Плюшковѣ купилъ, сперва на чужое имя, а потомъ на свое перевелъ, сосѣдомъ Плутеру сдѣлался: кофе другъ къ другу пить жалуютъ. Мусоровъ тоже копеечку зашибъ, на рыбную ловлю ѣздитъ, вмѣстѣ съ Артистовымъ рыбку удочкой ловить: занятіе невинное и безгрѣшное. Артистовъ у Мусорова — свой человѣкъ: когда Мусоровъ у Артистова бываетъ, то ему не только хозяева рады, даже комнатныя собачки лапку подаютъ А когда они вздумаютъ пріѣхать на дачу къ Нилушкѣ, такъ просто прелести бываютъ: обѣдъ, музыка, преферансъ, ералашъ, фейерверки, хороводы, пѣсни, рыбная ловля — просто все давай, да и то мало! —Хрюшкинъ-то, у Нилушки посаженымъ батюшкой былъ. Вотъ какъ на свѣтѣ-то все измѣняется: то владимірской грозилъ, а то въ батюшки посаженые пошелъ. — А Нилушка-то каковъ: и карманъ набилъ, и невѣсту отбилъ, и изъ воды сухъ вышелъ. И Лежаловъ визиты Нилушкѣ дѣлаетъ; все на Нилушку смотритъ — не налюбуется. То въ очки посмотритъ, то очки на лобъ подымаетъ — посмотритъ, и думаетъ: я плутоватъ, а этотъ еще плутоватѣе; вотъ какъ бы соединить его да меня воедино, такъ вышелъ бы такой плутъ, что весь бы Плюшковъ обобралъ и спасибо бы не сказалъ.

А что ни говорите, тройка изъ этого болота выѣхала благополучно: Лежаловъ былъ въ корню, Хрюшкинъ съ Плутеромъ на пристяжкѣ; Артистовъ правилъ, Нилушка на облучкѣ сидѣлъ, а Мусоровъ — бариномъ въ экипажѣ. Тѣ, которые везли, денежки свои давнымъ давно получили, а что еще получатъ, то уже польза будетъ; а тѣ, что правили да бариномъ си-

дѣли — карманы набили. Прочіе же несчастные кредиторы сиди у этого болота, да жди когда то оно просохнетъ, да ужъ и просохнетъ-ли когда наше Плюшковское болото?

III.

Курьезы Нижегородской ярмарки.

— Когда, Трифонъ Степановичъ, съ ярмарки прибыть изволили?

— Да съ-недѣльку будетъ, родимушка, по чугункѣ прикатили благополучно, очень можно сказать благополучно: никакого неудовольствія не получили. А вотъ туда ѣхали, такъ проштрафились: на поѣздъ наѣхали, — кто носъ расквасилъ, у кого на лбу рогъ выросъ, а одинъ почтенный такъ бородой за кринолинъ сосѣдки зацѣпился, — честную свою браду обезчестилъ. Ну, да все, слава Богу, благополучно кончилось: всѣ съ цѣлыми головами остались, — и за это надо дорожное начальство благодарить, а не взыскивать съ него: вѣдь мы еще по чугункѣ-то малые ребята, а тутъ еще на бѣду только стали мы учиться уму-разуму у другихъ, у кого, значитъ, черепъ тоньше нашего. А тутъ еще дешевка подвернулась, и забираетъ она русскаго человѣка, нечего сказать, оченно ловко. Насмотрѣлся я таки на ярмаркѣ, какъ русскій человѣкъ спивается и скоту безсловесному уподобляется.

— А что, Трифонъ Степановичъ, какъ въ ярмаркѣ торговали?

— Торговали, родимушка, и горе горевали: кто пріѣхалъ самъ да денегъ не привезъ, а кто и самъ не пріѣхалъ, и денегъ не прислалъ. Вотъ хоть бы сибирскій край — золотое донышко былъ, и тотъ портиться сталъ. А были и такіе, что изъ ярмарки тайкомъ убрались, точно Поляки до лясу. Вотъ хоть бы ярославскій купецъ Ротовъ — молодецъ: тысячъ на 400 слишкомъ огрѣлъ! это хоть бы и столичному, московскому или петербургскому, такой кушъ осилить. Нѣмцы кантонскимъ чайкомъ кяхтинскихъ торговцевъ утерли; славный кусочекъ себѣ въ лапы забрали, — а мы сидимъ на своей зем-

лѣ да глазами хлопаемъ, у моря погоды дожидаемся: авось да небось, тпру да ну. Тысячныхъ рысаковъ объѣзжаемъ, а насъ-то самихъ кого въ корень, кого на пристяжку запрегаютъ. Денежки ходили въ красненькихъ макарьевскихъ сапожкахъ. Такіе тузы за процентикъ въ мѣсяцъ брали — что на поди, а другіе рады были и за полтора, только бъ добраться до двора. А въ банковой конторѣ засѣдатели знатные молодцы въ уборѣ: богатыхъ пріятелей выручали. Вотъ оно что! — большому кораблю большое плаваніе. — Вотъ на хлѣбныхъ торговцевъ жаль было смотрѣть: просто опустя хвостъ ходили. Урожай — всѣмъ милость божія, а для нихъ вишь наказаніе божіе — утекъ изъ кармана! А будь неурожай, — то посмотри каждому изъ нихъ въ ликъ то: праздникъ двунядесятый узришь — разрѣшеніе вина и елея! — По правдѣ тебѣ сказать, торговлей похвалиться нельзя, а вотъ увеселеніями можно.... И ужь повеселилось же купечество всѣхъ россійскихъ городовъ и весей: за весельемъ и плохую торговлю забыли, и денежную нужду, и то, что постъ на дворѣ. И тутъ наши московскіе верхъ взяли — сибиряковъ и тѣхъ за поясъ заткнули, а тѣ ли не горазды весело жизнь коротать! А еще не то бы было, да много женъ съ мужьями въ ярмарку понаѣхало,— такъ руки-то маненько и посвязаны. Наши дамы умнѣе стали: поразузнали, что такое ярмарка — ну возлюбленныхъ однихъ и не пускаютъ. Одинъ мужъ жену не взялъ: „у меня, говоритъ, помѣщеніе дурно"; — а она не будь глупа — да и шасть нежданно, негаданно къ возлюбленному: „я, говоритъ, не взыщу, — гдѣ нибудь помѣщусь". Да каждый вечеръ супруга-то подъ ручку: пойдемъ, говоритъ, миленькій, подъ губернаторскій домъ музыку слушать". А то такъ въ театръ. Вотъ какія умницы стали!—А то вѣдь наши тамъ безъ женъ дѣлай что чуднѣй: „гуляй, душенька! небо божье, земля наша!" Такъ благодушествуютъ, что инда жутко со стороны посмотрѣть. — Красоты привозной столько было, что прежде и не бывало. Одинъ Блудневъ 40 маркизъ привезъ; всѣ націи были: просто ярмарку въ султанскій гаремъ обратилъ,— чего хочешь, того просишь: мало тебѣ Кунавина, ступай къ Малявину, тамъ что твое Кунавино. Ступай къ Заткевичу,

къ Купріянову, къ Аверину: тамъ канканъ и фолишотъ, арфисты, музыка, цыганки. Паркъ еще открыли, фейерверки пускали, тутъ камеліи процвѣтали; музыкальные, танцовальные вечера, маскерады; — Садомъ съ Гоморрою и тѣ бы пожалуй позавидовали. Театръ, артисты со всей Россіи, концерты; Осипъ Лазаревичъ утѣшалъ, мадамъ Косицка, Полтавцевъ да не одинъ, а двое; жаль, что Живокини не было, распотѣшника-то нашего! — Гдѣ ты на земномъ шарѣ сыщешь такое веселье? и въ веселомъ городѣ Парижѣ такого веселья нѣтъ. И скандальчики были, и потасовки случались, и блюстители въ канаву попадали. Одному доктору такой пластырь самому приложили, что и другимъ такого онъ не прикладывалъ: значитъ — лѣчи, не порти. На мосту казаки мужиковъ ловко нагайками лупили: значитъ до мостовъ указъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія еще не дошелъ. — Жуликовъ-мазуриковъ былъ полный комплектъ: мелкіе подъ руку попадали, а большіе проскакивали на волю.—Разъ въ Кунавинѣ купцы молодцы такъ распотѣшались: живыя картины представлять вздумали: Олимпъ съ нимфами и купидонами — въ натурѣ какъ есть. Говорятъ, вишь не совсѣмъ то хорошо Олимпъ кончился: пришлось мошну развязывать и то слава Богу, что мошной, а не чѣмъ другимъ отдѣлались.

А ужь истинно именитое наше купечество умѣетъ цѣнить труды человѣческіе; вотъ хоть бы и Блуднева безъ награды не оставило: за то, что всѣ націи собралъ и всю ярмарку утѣшалъ, кубокъ ему въ 300 руб. по подпискѣ подарили,— значитъ — чувствуй и помни наше расположеніе! А ужь онъ именно пользовался расположеніемъ и не одного купечества, а всего именитаго человѣчества. А ужь послѣ Блуднева никто такъ не утѣшилъ, какъ Смирновъ: у того какія то армянки али грузинки плясали,—и самъ чертъ не пойметъ! ужь больно хороша была одна Надя! такая пригожайка да плясать мастерица, что и не увидишь другой такой. Московскія цыганки противъ нея гроша мѣднаго не стоютъ. Просто какъ запляшетъ да плечикомъ поведетъ, такъ — ходи изба, ходи печь, хозяину негдѣ лечь,—рѣдкой утерпитъ, чтобъ самому въ плясъ не пуститься. Скажетъ: „одинъ Богъ безъ грѣха“ — да и валяй трепака! Хоть

какія старыя косточки и тѣ расправитъ. Нашъ именитый Плюшковскій купецъ и разныхъ орденовъ кавалеръ Кралинъ пиръ на весь міръ давалъ: шампанскимъ точно улицы поливали. „Кто хочешь — пей, за все денежки отдадимъ! мало что-ли ихъ у насъ? не занимать стать!“ Да такъ раскуражился, (пошли ему Господи много лѣтъ здравствовать, жить да не стариться!) — что не смогъ, право слово, не смогъ: молодость вспомнилъ, сюртукъ съ плечъ долой, да и пошелъ съ Надей, — да такъ жиганулъ, что самъ бы цыганъ Илья (не пой его косточки въ сырой землѣ!) и тотъ бы спасовалъ! —

Вотъ оно что значитъ ярморочное дѣло! вотъ что куражъ да барыши то дѣлаютъ! А поди ка у себя въ городѣ такъ, въ постъ съ сахаромъ чай пить не станутъ, — давай намъ меду. Стань-ка при нихъ въ пятницу въ трактирѣ скоромное ѣсть, такъ басурманомъ назовутъ. Пронесутъ мимо ихъ въ трактирѣ скоромное постомъ, такъ они подзовутъ половаго и спросятъ: кому подаетъ, — барину али купцу? Если барину, такъ ничего, а если купцу, такъ спросятъ: кто такой? какъ бы не пришлось за такого басурмана дщерь свою отдавать, загубишь пожалуй. — А тутъ у Никиты зазнамо уху на куриномъ бульонѣ хлебаютъ, да говорятъ: „дѣло ярморочное, пріѣдемъ домой — милостыню сотворимъ: отцамъ скитникамъ цыбичекъ чайку пошлемъ: они голубчики Богу за насъ помолятъ“.

Много было пріѣзжихъ и изъ любопытства ярмарку посмотрѣть, а главное — ярмарочное веселье. Вотъ и Лобанчиковъ пріѣзжалъ, всѣ увеселительныя заведенія обозрѣвалъ, — такъ съ цѣлой толпой и шествовалъ, точно принцъ какой. Вѣдь онъ по коммерціи у насъ паукомъ считается: многихъ у себя въ паутинѣ держитъ, не хуже паука кровь то высасываетъ. — Былъ и Недокрасовъ — одно лицо сопровождалъ: смотрите, дескать, купечество, какими я милостями за свою честность да прямодушіе пользуюсь. — А они ему со страху въ поясъ кланяются. — Много, другъ, было народу всякаго сорта. Ну вы тутъ какъ безъ насъ поживали?

— Да такъ, Трифонъ Степановичъ, жили смирненько: постились, Богу молились, огурцы солили, мостовыя чинили,

московскія газеты зубрили. Задирательныя газеты — нечего сказать: иной разъ читаешь и не понимаешь, а мурашки-то по тебѣ такъ и ползаютъ!

IV.

Дружеская бесѣда за чайкомъ съ медкомъ.

1.

— А, милѣйшій Феклистъ Ѳедулычъ, мнѣ на умъ пришло и давно я собирался тебя спросить про Арефьевичу духовную — чѣмъ дѣло-то по ней кончилось, кто правъ, кто виноватъ остался, кого Богъ покаралъ?

— Да что тебѣ, сударикъ, сказать то? Дѣло-то почти на чеку стоитъ, да ты знаешь ли всю суть-то, али нѣтъ?

— Знать-то знаю, милѣйшій, да не до тойкости.

— Ну такъ я тебѣ пожалуй разскажу, благо свободно: Я-то знаю потому, что мнѣ кумъ Микита Микитичъ ономнясь все разсказалъ по душѣ, какъ по писанному. Исторія важная, чорту работы было до поту, а можетъ быть пожалуй, что и самъ онъ тутъ учился, потому что надъ этимъ дѣломъ такой народъ трудился, что самого сатану поучитъ. Видишь ты, Арефьичъ-то какъ захворалъ, да больно плохъ сталъ, Василій то Иванычъ, истовецъ-то нашъ, что за всѣми у насъ смотритъ, чтобъ кто на лобъ лишняго знаменія не сдѣлалъ, или что когда къ намъ великороссіянинъ зайдетъ, лобъ себѣ съ нами не перекрестилъ, такой фарисей, что ветхозавѣтные фарисеи ему и въ подметки не годятся, мужъ честенъ, раза три подъ уголовнымъ былъ, да и всю жизнь изъ подъ присмотра не выходитъ, на каждый острогъ, какъ на свою квартиру смотритъ, а когда писаніе читаетъ, то только объ одномъ и жалѣетъ, что Іуда кровь неповинную дешево продалъ: дескать, кабы я на его мѣстѣ былъ, такъ дороже бы взялъ; ну да словомъ сказать, своей персоной любой острогъ украсить можетъ, чудо что за человѣкъ, и въ мясоѣдъ чай съ изюмомъ пьетъ, въ каждомъ карманѣ по двѣ лестовки держитъ, — вотъ у него то и разгорѣ-

лись зубы на Арефьичевъ капиталъ; вотъ онъ съ зятюшкой своимъ Иваномъ Иванычемъ и смастерилъ духовную въ свою пользу, да и подладилъ себѣ Арефьичева друга купца Березу, чтобы онъ подложилъ ему подписать эту духовную. А Арефьичъ умирать-то еще не собирался. „Съ ума говоритъ, вы сошли! Я Богъ дастъ выздоровлю, такъ самъ себѣ выберу душеприкащика.“ — А ему говорятъ, что духовная составлена въ пользу родныхъ, да на благотворенія. Вотъ какую рѣчь-то вели, а не то, что было писано. Разумѣется и купецъ Береза не задаромъ пустился на эту штуку, чай сторговался съ Василіемъ-то Иванычемъ. Побился, побился купецъ Береза, видитъ толку-то нѣтъ, не подписываетъ да пожалуй еще обманъ-то откроется, и возвратилъ духовную Василію Ивановичу. А Арефьичъ возьми да и умри дни черезъ два. Что дѣлать? жаль, что не удалось дѣльца смастерить, но онъ и тутъ ухитрился: возьми да и подмахни подъ Арефьичеву руку, да и свидѣтелей нашелъ: Егора Саватеича — этому не учиться стать подписывать, онъ и самъ себѣ по фальшивой духовной, послѣ своей хозяйки, Прасковьи Ивановны, домикъ подобралъ и племянника ея чуть не по міру пустилъ; да еще двоихъ: Семена кузнеца, да подрядчика Татарина, а подъ Арефьичеву-то руку подписался купецъ голованъ, который Арефьичу остался долженъ 12000 рублей; и въ духовной про него сказано, чтобъ съ него по векселю не взыскивать, а только просить убѣжденіемъ. Хороша штучка, сударь ты мой! а имѣніе-то все стоитъ триста тысячъ руб. серебромъ. Писателемъ завѣщанія былъ подъячій съ приписью. Ну-съ, они все думали да составляли, писали да подписывали, что вотъ, дескать, предъявимъ да наслѣдниками будемъ, анъ нѣтъ — дѣло, какъ говорятъ цыгане, закранжевало и пошло своимъ порядкомъ: кто писалъ да подписывалъ—въ острогъ попалъ, свидѣтелей тоже за рѣшоточку. Говорятъ, будто ихъ выпустили, опять по волѣ ходятъ. Ну а Иванъ-то Иванычъ на порукахъ у свояка Васьки, что фальшивыя деньги дѣлалъ, — въ Ирбитъ выѣхавшимъ числится. Было бы еще хуже, и Василію Ивановичу сидѣть бы въ приличномъ помѣщеніи, то-есть, сударь ты мой, въ острогѣ, да Леонтьичъ за него заступился: онъ ему по мошнѣ другъ, т. е. изъ пятидесяти тысячъ не вы-

ходитъ, у Леонтьича то форсу много, а капиталъ-та не ахти какой, да и тотъ по сучкамъ развѣшанъ. Вотъ хоть бы когда Рожанкинъ умеръ, то вдругъ при описи на Леонтьичѣ на 60 тысячъ векселей оказалось. Ну, да за то онъ большіе случаи имѣетъ черезъ Мигалыча: это два тѣла, одна душа. Черезъ Мигалыча-то онъ на это дѣло и напустилъ тму египетскую, да во время тмы то что надо и пообдѣлали. Этотъ младенецъ золотое млеко-то любитъ сосать. А настоящимъ наслѣдникомъ послѣ Арефьича остался племянникъ отъ сестры, которому они сказали: „ты; братъ, не хлопочи, плетью обуха не перешибешь", и предложили ему на мировую 25 тысячъ руб., а остальное все дескать въ нашу пользу. Каковы грабители! вѣдь это какъ есть денной, да и караулъ кричать нельзя, Вотъ что обидно, и Господи ты мой, посмотришь что за штукари у насъ въ городѣ живутъ, да еще почетомъ пользуются; съ трубочистомъ гдѣ встрѣтятся, такъ сторонятся, чтобы не замараться, а сами чернѣе всякой дымовой трубы. Украдь у нихъ кто старую рогожку, такъ кричать будутъ на весь міръ, что мало въ Сибирь послать; а ужь постники-то какіе! мы съ тобой, сударикъ, бусурмане противъ нихъ. Въ Вербную Субботу рыбу ѣсть не станутъ, скажутъ, что только икра да молоки показаны, а человѣка такъ живьемъ проглотитъ въ великую Пятницу за грѣхъ не сочтутъ. Ну-съ, сударь ты мой, ходатаемъ выбралъ Василій Иванычъ своего внучка Ивана-то Иваныча, зятя Ивана Андреича. Дѣло ходило гдѣ такъ, гдѣ эдакъ, гдѣ сюда, гдѣ туда; въ одномъ мѣстѣ имъ помогала очень *кулебяка*. И такое-то дѣло дѣлается и чѣмъ оно кончится, Богу извѣстно, сударь ты мой. А народъ первый сортъ, посмотри на всѣхъ на нихъ: вотъ бы для потомства снять съ нихъ фотографію, да приложить описаніе, было бы что описать. Хорошъ Василій Иванычъ: кафтанъ на крючкахъ носитъ, голову поникши держитъ, смиреніе показуетъ, на шеѣ платка не носитъ: грѣхъ говоритъ, это штука аріанская, я, говоритъ христіанинъ древле препрославленный, а не песъ. Говоритъ тихо, медоточиво; домъ и ворота заперты крѣпче острога; собаки всѣ въ хозяина — громко не лаютъ, а какъ онъ же, норовятъ изъ-подтишка укусить. Заставь чорта, да не простаго, а чорта сыщика у Василія Иваныча совѣсть най-

ти, — не возьмется, скажетъ: господинъ сатана, заставьте лучше веревку изъ песку вить. Или посмотри на зятюшковъ Ивана Иваныча и Василія Алексѣича: первому, какъ увидите, такъ и скажете: кистеня недостаетъ, а другому—отвертки да лома. А вѣдь оба объ честности да справедливости только и толкуютъ. А Василій Алексѣичъ и зятя-то себѣ въ карты выигралъ: на пятнадцать тысячъ серебромъ обыгралъ, да ихъ же въ приданое и отдалъ. Посмотри ты на внучка Ивана Андреича: бороду отпустилъ въ подобіе древнимъ праотцамъ, а такъ и смотритъ, какъ бы тебѣ дорогу въ карманъ проложить. Ну, ужь Леонтьичу-то не слѣдъ бы съ такими людьми якшаться, да видно нельзя: тятенька съ дяденькой Василія Алексѣича съ нимъ на одномъ солнушкѣ онучки сушили, да что онучки, еще чего не просушили ли! всяко бываетъ. Чортъ силенъ, и горами качаетъ, а вѣдь мы что? хоть и купцы первостатейные, а естество слабое. Говорятъ, за человѣкомъ семь бѣсовъ ходятъ: блудный, сребролюбный, притязательный, горделивый, льстивый, завистливый и лицемѣрный, — такъ гдѣ-жь тутъ слабому-то естеству уберечься! однако, сударикъ, свободно, свободно, а все надо и къ лавочкѣ; говорится пословица: сидика ты хозяинъ переломя ножку у лавочки.

2.

— Съ прошедшимъ праздникомъ, Федулъ Феклистычъ!

— Съ прошедшимъ праздникомъ, сударикъ! Ну вотъ, слава тѣ Господи, и праздничкп прошли, пока Богъ грѣхамъ терпитъ, а грѣховъ-то у насъ съ три короба будетъ.

— Видѣлся вчера я съ кумомъ Микитою Микитичемъ; про Арефьевичеву духовную опять потолковали Никакъ онъ себѣ въ толкъ не возьметъ, что такое дѣло среди бѣлыхъ дней дѣлается, да еще въ большомъ городѣ, гдѣ всякая власть стрегущая на пользу человѣка бдить, и начальство на всякомъ шагу встрѣчается и законъ, слава тебѣ Господи, есть. А я и говорю: не дивись, рабъ Божій Микита Микитичъ, бываютъ случаи, что и власть вздремлетъ. Микита Микитичъ говоритъ, что у нихъ теперь диктаторъ больно хорошъ, Артистовъ: онъ тайно руководитъ, а явно не взялся; „я, гово-

ритъ, довѣренность отъ васъ на это дѣло не приму, потому что оно больно черно, пожалуй съ вами угодишь къ Ермилу Тимоѳеичу въ гости; я такъ вамъ изъ за уголка буду дорогу показывать.“ Особенно онъ имъ въ одномъ судѣ очень хлопоталъ, да не выгорѣло, а денегъ онъ съ нихъ столько побралъ, что маленькій чертенокъ заразъ не донесетъ. Наканунѣ доклада въ этомъ судѣ онъ увѣрилъ Василія-то Иваныча, что, дескать, все за насъ, онъ и говоритъ Ивану-то Андреичу, истовцеву-то внучку, которому довѣренность-то отъ тестя Ивана Иваныча дана была: все, дескать, уладилъ, всѣхъ подготовилъ судей праведныхъ, а на дѣлѣ то вышло тпру, стой, шалишь. Изъ всѣхъ подготовителей оказался только одинъ судья кулебяка. Иванъ то Андреичъ какъ узналъ, что только одна кулебяка на его сторонѣ, едва могъ съ мѣста двинуться, точно его громомъ пришибло. Артистовъ-то струсилъ, вывелъ его изъ суда да прямо въ трактиръ, давай ему голову уксусомъ мочить да хрѣнъ нюхать давать, да и говоритъ: „ничего, любезный Иванъ Андреичъ, будьте покойны. хоть одинъ на нашей сторонѣ, мы теперь и выше пойдемъ,“— т. е. по просту сказать, зубы ему заговаривалъ. Мастеръ Артистовъ, мастеръ, нечего сказать: попади онъ въ волчью яму, такъ онъ и тамъ съ волками по волчьи завоетъ; атаманъ всего крапивнаго сѣмяни, право слово, такъ. Я, говоритъ, отъ васъ не отступлю, а буду за вами по пятамъ итти, а вѣдь мнѣ вездѣ рука есть. Вы, говоритъ не бойтесь: вѣдь вотъ изъ-подъ аресту-то я васъ выхлопоталъ; вы только мзды-то не жалѣйте, а то мы съ ней въ запертыя двери пройдемъ.“ Ну, истовецъ то нашъ Василій Ивановичъ мзду-то тратить не больно любитъ; онъ любитъ, чтобъ кого до нага раздѣть, а самому и ремешка не истратить; скупъ онъ очень. Въ 48 мъ году, какъ у насъ холера была, такъ умирать собирался, два гроба купилъ, одинъ себѣ, другой женѣ, по дешевой цѣнѣ, по 15 р., а послѣ, какъ холера то миновала, такъ онъ ихъ гробовщику, который у него денегъ занималъ, за 40 руб. навязалъ. Каковъ дока! отъ гробовъ 10 р. нажилъ. Когда у насъ былъ Мышьякъ Распекаевичъ, который всѣхъ богатыхъ купцовъ какъ барановъ стригъ, узналъ онъ и про истовца, что у него милліоны, и все зубы грызъ, какъ бы его постричь,

да никакъ случая-то не выходило. Будь теперь при немъ это дѣло, такъ бы давно кончили, потому что истовецъ далъ бы ему барашка въ бумашкѣ, а Мышьякъ Распекаевичъ съумѣлъ бы это на правую дорогу вывести. Какъ ни увертывался истовецъ-то отъ Мышьяка, а разъ таки налетѣлъ. Ты знаешь, онъ все у насъ за обрядностью смотритъ, какъ бы кто изъ бритыхъ къ образу прикладываться не подошелъ, помилуй Богъ,— какъ ему тогда послѣ бритаго то прикладываться? вѣдь грѣхъ. Вотъ разъ къ намъ приходитъ за службу разсыльный, подпоясанъ кушакомъ. Истовецъ увидалъ это да и давай его заставлять распаясаться,—споръ завелъ, —тотъ и распоясался. Мышьяку Распекаевичу и донесли, что вотъ какія дѣла истовецъ творитъ, а тому этого и надобно было, послалъ по немъ, дескать, позвольте посмотрѣть на вашу физіомордію, что, дескать, вы за звѣрь въ пустынѣ. Дрогнулъ въ тѣ поры истовецъ: что дѣлать? дескать, не равенъ часъ живьемъ проглотитъ. Онъ со страху старухамъ и пожертвованіе сдѣлалъ — три фунта масла коровьяго да столько же свѣчь сальныхъ, да по три копѣйки по милостынѣ роздалъ, чтобъ Богъ тучу громовую пронесъ, что надъ его головой виситъ... На судъ ведутъ въ палаты Пилатовы, за дѣло правое, — а у самого отъ этого пожертвованія изъ зубъ кровь три дня текла, а ѣхать надо. Онъ такъ убоялся ѣхать одинъ, что упросилъ ѣхать съ собою купца Горшакова, дескать, можетъ при тебѣ будетъ помилостивѣе ко мнѣ, да и судъ держать будетъ поправѣе. Какъ увидѣлъ его Мышьякъ Распекаевичъ, да какъ заревѣтъ: какъ ты смѣлъ распоясывать разсыльнаго!—„Батюшка! такъ уставъ намъ велитъ." — Я те дамъ уставъ! — Истовецъ въ ноги. „Виноватъ, прости, яви милость свою рабу твоему, — милость и на судѣ хвалится." Самъ ухватилъ его за ноги да и давай сапогъ ему цѣловать. Прости, говоритъ, батюшка, отъ ногъ не отойду. А Мышьяку это и по сердцу, что такого звѣря сразу прострѣлилъ до сердца: дескать, теперь вижу, какимъ путемъ до твоего кармана добраться. Только Мышьякъ не добрался до истовцева кармана,—ему отставка пришла,—такъ истовецъ то изъ его когтей безданно, безпошлинно и вышелъ, — видно ему на роду такимъ счастливцемъ быть написано. А куда хитеръ истовецъ: нашелъ случай чрезъ

пріятеля своего Леонтьича, духовную то прочесть предъ обществомъ въ ратушѣ: дескать, тутъ не все намъ, а есть и вамъ: домъ обществу отказанъ. Только общество на эту кляузу не пошло и отъ дома отказалось. Хорошо говорятъ, больно ратушный секретарь Акимычъ эту духовную читалъ: про благотворительность-то всѣ слыхали, а прочее какъ читалъ, такъ все закашливался,—про векселя Головановы, да про то, что Ивану Ивановичу безъотчетность по духовной во всемъ предоставлена и что его не учитать, ни повѣрять никто не можетъ. Чисто, чище хрусталя дѣльце-то сдѣлано. Они теперь еще путь хорошій нашли, только дорога больно грязна. По этому пути не завязнете ли, братцы, да и трактъ то сибирскій недалеко; не своротили бы васъ съ этого пути да на него. Дѣло пришло имъ такъ, что носъ вытащитъ, хвостъ увязъ—хвостъ вытащатъ, носъ увязъ, а что будетъ дальше, такъ мнѣ кумъ непремѣнно разскажетъ, а я тебѣ, братъ, разскажу. Авось правда объѣдетъ кривду. Теперь, говорятъ, правда-то пошибче по судамъ стала ѣздить; случается, что и кривду обгоняетъ.

V.

Рядскіе Шутники.

Новая комедія Островскаго „Шутники" выставляетъ одну изъ характерныхъ чертъ обильно принадлежащую русскому человѣку вообще, а русскому купечеству въ особенности—это страсть подсмѣиваться, *подтрунивать*, *задѣвать*, *точить зубы*, *перемывать косточки*, доходящая иногда до издѣванія и изъ шутки переходящая въ обиду и явное оскорбленіе. Московскіе ряды ежедневно представляютъ проявленія этой страсти: забѣжитъ, напримѣръ, въ ряды собака, и она доставитъ собой потѣху рядскому купечеству, которое съ гиканьемъ и крикомъ бросается на нее и бѣдное животное мечется изъ угла въ уголъ. Эта потѣха доставляетъ удовольствіе большинству рядовичей и они этимъ, пожалуй еще, гордятся. „Вотъ какъ напужали! инда на стѣну бросилась!" говорятъ они послѣ потѣхи. —Попробуйте сказать противъ этого, и вы вооружите противъ себя десятки

обитателей темнаго царства. „Вотъ нашолся какой заступникъ! Собаку жаль стало!" закричатъ они. Въ Москательномъ ряду до сихъ поръ сохраняется праотческій обычай потѣхи надъ собаками. Приведетъ съ собой покупатель собаку, увидятъ ее и потѣха готова: обмакнутъ кисть въ скапидаръ, подкрадутся къ собакѣ, мазнутъ ее этой кистью, чрезъ нѣсколько минутъ скапидаръ станетъ щипать, и бѣдное животное визжитъ и катается кубаремъ къ удивленію хозяина, который никакъ не можетъ понять, что сдѣлалось съ собакой. Кругомъ стоитъ толпа рядовичей съ шуточками и хохотомъ, что считается *невиннымъ* удовольствіемъ въ рядахъ московскихъ; но случалось, что эта невинная потѣха имѣла исходъ трагическій: хозяинъ собаки узнавъ въ чемъ дѣло, возвращался въ ряды, но не съ собакой а съ палкой и доставлялъ себѣ потѣху направо и налѣво надъ личностями, усердно хохотавшими надъ собакой, и ему этотъ палочный протестъ сходилъ съ рукъ благополучно: жаловаться не смѣютъ — сами виноваты. Пришолъ другой съ собакой и опять тоже. Кого только не дразнятъ рядовичи? въ рядахъ московскихъ, какъ говорится, нѣтъ спуску ни конному, ни пѣшему. Ходитъ по рядамъ полупомѣшанный старикъ Ф. Н. Наумовъ, собирая Христа ради — и онъ обращенъ въ потѣху, и при его появленіи цѣлый рядъ кричитъ ему: „безпачпортной! прописной бродяга!" Старикъ отвѣчаетъ потокомъ ругательствъ; ему отвѣчаютъ хохотомъ; значитъ довольны. Ходитъ старуха, продаетъ свѣтильни для лампадъ, и она служитъ потѣхой: при ея появленіи начинаютъ кричать: „Подъ холстину пора!" (то есть умирать пора); ходитъ солдатъ лѣтъ 70-ти, едва передвигая ноги, и его рядскій досугъ обратилъ въ потѣху и ему кричатъ; „Казенную кашу укралъ!" Есть въ рядахъ маклеръ, при появленіи котораго кричатъ: „вралевъ! вралевъ! почтеніе вралеву!" и часто его встрѣчали съ приколотой бумажкой на платьѣ. Ходитъ еще по рядамъ отставной солдатъ, старикъ разнощикъ, продающій куръ, и ему есть особая кличка отъ рядовичей: „Цапля". — Старикъ сначала отвѣчаетъ бранью, а потомъ измученный крикомъ и дерганьемъ со всѣхъ сторонъ, плачетъ какъ дитя, — и этотъ моментъ доставляетъ имъ полное удовольствіе. Ходитъ по рядамъ, со-

бирая Христа ради, какая-то бѣдная чиновница; ей кричатъ: „барыня курицу украла!“ Трудно даже и перечесть всѣ личности которыя служатъ потѣхою нашему купечеству: — каждый пьяный, проходящій рядами, каждый разнощикъ имѣетъ особую кличку; одного дразнятъ: „Сотскій!“ другаго: „батюшка благослови!“ Третьему ухаютъ, и такъ далѣе, и чѣмъ больше онъ сердится, тѣмъ больше удовольствія доставляютъ.

Каждый проходящій въ рядахъ татаринъ и еврей, тоже потѣха: первому кричатъ: „свиное ухо съѣлъ!“ и притомъ показываютъ ему уголокъ полы или платка въ формѣ уха, а второму кричатъ: „жидъ! жидъ!“ Недавно одинъ почтенный рядскій гонитель евреевъ былъ принужденъ по жалобѣ еврея публично просить прощенія и дать росписку впредь не оскорблять цѣлаго общества евреевъ.

Въ нѣкоторыхъ рядахъ даже есть свои привиллегированные шуты, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы приходить и потѣшать своихъ патроновъ: пѣть пѣсни, плясать, играть на гармоникѣ, и отпускать проходящимъ дамамъ плоскія шуточки къ вящему удовольствію своихъ покровителей. Половые городскихъ трактировъ, служатъ тоже забавою и имѣютъ также разныя клички: „лещь,“ „горшки“ „вѣникъ,“ „корову поцѣловалъ“ и т. п. Одинъ изъ рядскихъ почтенныхъ купцовъ, благообразный, пользующійся особымъ уваженіемъ, слывущій за человѣка набожнаго, постника, милостынедателя, странноприимца, убѣленный сѣдинами, отецъ семейства, постоянный посѣтитель Мѣщанинова трактира, обдарилъ всѣхъ половыхъ разными кличками, а тѣхъ, которые боятся щекотанья, при каждомъ посѣщеніи трактира, хватаетъ за бока, и подымаетъ крикъ на всѣ комнаты, не стѣсняясь нисколько другими посѣтителями. Конечно онъ считаетъ это для себя невиннымъ развлеченіемъ.

Можетъ быть читатель подумаетъ, что всѣмъ этимъ рядскимъ курьезамъ предаются мальчики, что стоятъ у лавокъ и зазываютъ покупателей, или прикащики, которые не знаютъ, какъ скоротать скучное стояніе у лавочной притолки. Нѣтъ, не одни мальчики и прикащики, но и многіе почтенные хозяева, которымъ постомъ и чай съ сахаромъ грѣхъ. Это строгіе цѣнители и судьи чужихъ поступковъ, отплевывающіеся

отъ современнаго прогресса, чтущіе Виктора Ипатьевича Аскоченскаго, ублажающіе память Ивана Яковлевича, бесѣдующіе о спасеніи своихъ душъ съ Іоанами Пехорцами, отцами Андреями, Матюшами, Филиппушками и прочими свѣтилами темнаго царства, и вотъ при какой обстановкѣ выростаетъ въ рядахъ цѣлое поколѣніе мальчиковъ и молодыхъ прикащиковъ, будущихъ дѣятелей нашего общества! Случится иному батюшкѣ, не отплевывающемуся отъ прогресса, и воспитывающему своего сына въ коммерческомъ училищѣ или практической академіи, взять его оттуда и показать ему ряды, гдѣ онъ долженъ будетъ со временемъ его замѣнить и честнымъ образомъ наживать деньги, и даетъ ему батюшка наставленіе: „такому-то и такому-то кланяйся ниже, въ ряду веди себя смирнѣе, у насъ люди всѣ почтенные, почетъ любятъ, заслужи ихъ расположеніе.“ И вступаетъ юноша съ какимъ-то любопытствомъ, а отчасти и страхомъ въ ряды; кланяется низко этимъ указаннымъ батюшкою людямъ и вотъ при этомъ то сынѣ, которому дано такое строгое приказаніе на уваженіе, пройдетъ Наумовъ или барыня, и вдругъ эти почтенные общественные дѣятели начинаютъ, кричать прописной бродяга!“ или „барыня курицу украла!“ съ удивленіемъ смотритъ юноша на этихъ веселыхъ старцевъ, и ушамъ и глазамъ не вѣритъ, и думаетъ послѣ: что за шутку сшутилъ со мною отецъ? уважать ихъ заставлялъ! да развѣ можно уважать ихъ? они столько же негодны для уваженія какъ „старыя лошади“ для скорой ѣзды, на которыхъ можно только возить воду.

VI.

Пятіалтынный

Не за тридевять земель, не въ тридесятомъ царствѣ, жилъ былъ купецъ Папушниковъ; жилъ торговалъ да денежки наживалъ; но какъ въ семъ тлѣнномъ мірѣ всему конецъ положенъ, то и купцу Папушникову пріиде часъ смертный, оставилъ онъ и духовное завѣщаніе, коимъ предоставилъ все свое

благопріобрѣтенное имущество, движимое и недвижимое, сыну своему, молодцу шустрому и практичному. Но ко удивленію тѣхъ, кого и удивить сіе надлежало, сынокъ вступить въ наслѣдство желанія не изъявилъ. Я, говоритъ, достовѣрно знаю (да кому же и знать?), что у родителя капиталу нѣтъ, даже и кредиторамъ вполнѣ платить нечѣмъ А почему и для чего родитель сдѣлалъ (экая простота то израильская!) духовное завѣщаніе, только деньги на гербовую бумагу потратилъ, да пошлины заплатилъ, я и понять не могу, а все родительское имущество предоставляю кредиторамъ (значитъ прежде ублаготворился) Оно и коротко и ясно — лавка запечатана во время. Законъ соблюденъ, какъ говорится, и зубомъ не ухватишь, кредиторамъ и осталось одно утѣшеніе соорудить покойному купцу Папушникову памятникъ въ образѣ конкурснаго правленія, украсить его приличной памяти усопшаго надписью, что „по рѣшенію такого-то Коммерческаго Суда умершій купецъ Папушниковъ объявленъ должникомъ злостнымъ.“ Въ ожиданіи сооруженія такого памятника кредиторы узнаютъ, что нѣкія родственники по плоти усопшему, братья Шляпины, открыли лавку торговать такимъ то товаромъ, какимъ торговалъ усопшій, и что въ этой лавкѣ очутились и сынокъ, отказавшійся отъ родительскаго наслѣдства, и братецъ усопшаго и прикащикъ усопшаго, да и товаръ усопшаго. Дѣльцо обдѣлано чисто и иголочки не подпустишь. Пока кредиторы ахаютъ да крестное знаменіе творятъ, что дескать не дьявольское ли это наважденіе намъ представляется, къ нимъ послы отъ братьевъ Шляпиныхъ являются. — Желаютъ, дескать, съ вами повидаться по дѣлу покойнаго купца Папушникова. Какъ не повидаться? Надо повидаться. Братьевъ Шляпиныхъ зовутъ, надо вамъ доложить, одного Дурандасъ Исидоровичъ, а другого Плутольясъ Исидоровичъ; у перваго написано на лбу: „театры и маскерады,“ ну пускай его и ходитъ въ театръ и маскерадъ, его и въ сторону, а у другаго-то, у Плутольяса Исидоровича, написано на лбу: „бери, когда даютъ, бѣги, когда бьютъ.“ Это человѣкъ либеральный, гуманный, филантропъ, дамскій угодникъ, рѣчи его слаще манны небесной, душистѣе розы, докторъ, акушеръ, повивальная бабушка, все что угодно а сердце-то какое мягкое:

услышитъ онъ, что муха въ паутину попала, освободитъ, непремѣнно освободитъ; ежели высоко, стулъ на столъ поставитъ, мало—два, а освободитъ. Вотъ онъ и память своего усопшаго родственника освободить пожелалъ отъ вышереченнаго памятника. — Являются кредиторы. „Вы желали со мной видѣться?" — Точно такъ. — Вы имѣете претензіи наумершаго Папушникова? — Точно такъ. — Я его родственникъ. — Пріятно слышать. — Положеніе его тогдашнихъ дѣлъ дурно. — Непріятно слышать. — Я по родству вошолъ въ его дѣла, (и лавку открылъ на свое имя тоже). Вы вполнѣ не получите; согласитесь на уступку. — По скольку же вы за него платите? спрашиваютъ кредиторы. — Да по *пятіалтынному* — Какъ по пятіалтынному? — Ежели не понимаете, что значитъ по пятіалтынному, то просто по 15 коп. за рубль. Чтожъ согласны? — Нѣтъ. — Такъ въ конкурсѣ и этого не получите, — съ васъ пожалуй еще возьмутъ на содержаніе конкурса; я это вѣрно знаю (кому же и знать какъ не родственнику? по родству и не это знаютъ!) Какъ это по вашему, я не знаю, а по нашему это денной. Кричите краулъ, да толку-то не будетъ—хоть кричи, хоть не кричи.

VII.

Сказаніе

О НѢКОЕМЪ ИМЕНИТОМЪ УЧИЛИЩѢ ГРАДА ПЛЮШКОВА.

„Дѣла давно минувшихъ дней."

Училище сіе составляетъ красу одной изъ улицъ града Плюшкова, и именитое наше купечество гордится имъ, какъ ненагляднымъ своимъ дѣтищемъ. Дескать, другаго нѣтъ въ мірѣ, за всѣмъ сами наблюдаемъ, въ страхѣ Божіемъ воспитываемъ. Разныхъ непотребныхъ наукъ за порогъ не пускаемъ, языки иностранные дѣломъ вражіимъ считаемъ, а музыку и танцы бѣсовскимъ навожденіемъ. Обучи-ка ихъ этому, да возьми къ себѣ для лавки, такъ въ кухнѣ съ кухаркой, дворникомъ и кучеромъ обѣдать и ужинать не заставишь, на запятки за экипажемъ не поставишь; капусту рубить тоже баста, въ банѣ вмѣсто парильщика мыть тебя тоже не станетъ, а вѣдь все

гривенникъ выгоды; да еще малый вѣничекъ-другой захватитъ, полъ мести годится; въ своихъ обноскахъ ходить или кладь на себѣ изъ города нести также не заставишь. Ну, а какъ наукъ то этихъ не знаютъ, то и въ послушаніи нашемъ живутъ: въ праздничные дни или въ зимніе вечера, Москов. Вѣдом., Душеполезное чтеніе, Домашнюю Бесѣду намъ читаютъ, чтобы намъ самимъ глазъ себѣ не портить. Вѣдь чужіе то глаза дешевле своихъ. Неученому-то можно когда и тукманку дать, — сами на нихъ выросли; можно и порку задать; что молъ долго въ лавку шелъ, не зѣвай, не на барщину идешь, а въ хозяйскую лавку, его капиталъ оберегать; а вѣдь хозяинъ тебя поитъ и кормитъ, такъ ты долженъ за его милости, за хлѣбъ соль, за старые обноски, да за то, что тебя держатъ въ строгости, какъ песъ вѣрный его оберегать, покупателя зазывать, горла своего не жалѣть. Посѣчь можно, ради страха Божія, вѣдь это не тѣлесное наказаніе, а купеческое, хозяйское. Вонъ писали же какъ-то въ газетахъ, что какой-то князь дѣтскія розги изобрѣлъ; значитъ и дворянскихъ дѣтей посѣкаютъ, а намъ-то, купцамъ, именитымъ кавалерамъ, своего малаго посѣчь и грѣха нѣтъ, и въ священномъ Писаніи показано „старшему малаго на пути правомъ держать.“ Посему у насъ въ училищѣ и учителя то все набраны изъ колѣна Левитова, и приставники тоже изъ семинарскихъ, которые въ дьячьки не годились, — народъ все душеполезный: смиренный такой, сюртуки носятъ по пятки, волосы длинные, смотрятъ въ землю, говорятъ все больше на славянскій манеръ. Вотъ какіе приставлены, ни въ одномъ училищѣ такихъ нѣтъ. Сами придумали ихъ набрать, своимъ умомъ дошли. Одно только жаль, что народъ пьющій; — ну да кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ. Говоритъ же пословица: „пьянъ да уменъ — два угодья въ немъ.“ А главный-то нашъ блюститель, наставникъ нашего училища, — врачъ, профессоръ, агрономъ, ботаникъ, акклиматизаторъ и безсребренникъ Елей Алексѣевичъ, по прозвищу Нелюбимый — краса всего учительства въ нашемъ градѣ. Онъ принялъ наше училище со дня его рожденія такъ сказать, какъ изъ утробы матери рождаемое дѣтище и возрастилъ, и укрѣпилъ не щадя своего живота до дней сихъ. На славу нашу, училище наше

управляется нашими благопочитателями, которые, къ слову сказать, сами часто аза въ глаза не знаютъ. Совѣта педагогическаго училище наше не имѣетъ, да и нужнымъ того не находитъ, потому что у насъ есть Елей Алексѣевичъ — онъ нашъ совѣтъ педагогическій. Къ чему эти заморскія выдумки затѣвать? узнаетъ объ этомъ Викторъ Ипатьевичъ, анаѳемой проклянетъ: купцы вы, дескать, плюшковскіе, посты соблюдаете, пятисотенные колокола отливаете, генеральство ухой угощаете, живете по православному, а въ училищѣ своемъ нѣмецкій совѣтъ заводите! Ну такъ у насъ его и нѣтъ. Елей Алексѣевичъ не меньше Виктора Ипатьича не любитъ эти всѣ совѣты, потому что ему очень хорошо и безъ совѣтовъ. Прочіе учители всѣ изъ его рукъ смотрятъ. Экономъ у насъ тоже больше на бумагѣ значится. Обязанность Елея Алексѣевича по училищу очень разнообразна: смотритъ онъ за ученіемъ учениковъ, смотритъ за ихъ здоровьемъ, ибо онъ и врачемъ по училищу числится, — профессоромъ медицины себя называетъ а гдѣ онъ экзаменъ на профессора медицины держалъ, это покрыто мракомъ неизвѣстности, или какъ говоритъ одинъ приставникъ: университетъ, гдѣ Елей Алексѣевичъ числился профессоромъ, находится за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, гдѣ жаръ птица живетъ. Смотритъ онъ и за учителями, и за приставниками и за сторожами, и за печами; увольняетъ и нанимаетъ учителей, нанимаетъ и расчитываетъ приставниковъ, наказываетъ учениковъ, акклиматизируетъ растенія, занимается куроводствомъ, шелководствомъ, —вотъ какія многосложныя и многотрудныя обязанности нашего Елея Алексѣевича! Физіономія сего почтеннаго мужа изображаетъ весь трудъ его подвиговъ. Это глубоко изрытое морщинами чело показываетъ, къ какой безпрерывной дѣятельности находится его умъ, работающій на пользу юности; эта кроткая улыбка точно говодитъ каждому: ты мнѣ братъ, люби меня, а я люблю тебя. Эта сухощавость и сгорбленность говоритъ: я есмь трудъ и бдѣніе. Низкіе поклоны не показываютъ человѣкоугодіе и лицемѣріе.... нѣтъ, это истинное смиреніе. Посмотрите на Елея Алексѣевича, когда онъ рекомендуетъ ученика купцу, пріѣхавшему выбрать себѣ малаго для лавки въ нашемъ училищѣ: до сихъ дней показы-

ваютъ учениковъ, какъ невольницъ пашамъ на турецкомъ базарѣ, то есть выводятъ гуртомъ и купецъ осматриваетъ и выбираетъ себѣ малаго, какъ тушу на Хитровомъ рынкѣ. Елей Алексѣевичъ разсыпается тутъ, какъ продавецъ невольницъ,—то скажетъ: повернись, то подыми глаза вверхъ, то застегни пуговицу, то не сутулься, то не переминайся съ ноги на ногу,—словомъ—товаръ лицомъ продаетъ. По окончаніи выбора, — если этотъ купецъ богатый или извѣстный, Елей Алексѣевичъ превращается въ лису, водитъ его по заведенію, разсказываетъ ему, какія мѣры принимаетъ онъ на пользу заведенія; какъ у насъ тепло тòпятъ и сытно кормятъ; останавливается въ классахъ, спрашиваетъ хорошихъ учениковъ, которые должны бойко отвѣчать, чтобъ посѣтитель остался доволенъ, а Елей Алексѣевичъ остался бы въ выгодномъ положеніи въ глазахъ посѣтителя. И эти труды и смиреніе вознаграждены по ходатайству совѣта Елей Алексѣевичъ очень дорожитъ мнѣніемъ сильныхъ міра сего. Но бывали и съ нимъ происшествія потрегающаго свойства: въ градъ нашъ лѣтъ 15 тому назадъ прибылъ нѣкто Пугаловъ и всѣ трухнули. Трухнулъ и нашъ Елей Алексѣевичъ,—думаетъ себѣ: неравенъ часъ, кто знаетъ, что можетъ случиться, и напугался онъ какъ услыхалъ, что Пугаловъ хочетъ училище осматривать. Онъ сейчасъ же заставилъ учениковъ списать картину училища, хорошую раму купилъ, напялилъ на себя мундиръ, да къ Пугалову, а прежде, какъ и слѣдовало, дочкѣ и женѣ Пугалова поднесъ въ подарокъ цѣлый картонъ разнаго шитья изъ дѣвичьяго училища. Ну, Пугаловъ и обратился въ Сахара Медовича, сталъ разсматривать картину, а Елей Алексѣевичъ сталъ передъ нимъ на одно колѣно, и поставилъ картину на другое: эдакъ вамъ дескать виднѣе будетъ. Тотъ хоть и крутая натура, а все человѣкъ; видитъ такое смиреніе и уваженіе и говоритъ: „слышалъ я про тебя, что ты плутъ, да не вѣрю; теперь я тебѣ защита.“ Елей Алексѣевичъ, какъ пріѣхалъ отъ Пугалова, такъ весь день по училищу точно сорока на одной ножкѣ скакалъ отъ радости,—„знать, говоритъ, никого не хочу,—плюю теперь на всѣхъ.“

Въ настоящее время Елей Алексѣевичъ, къ общей радости

учащихся ученіемъ не занимается: времени, говоритъ, не имѣю, стара стала, слаба стала,—а только надзираетъ за ученіемъ и здоровьемъ учениковъ и наказуетъ непокорныхъ. Наказанія непокорнымъ и непослушнымъ придуманы съ философскою мудростію: если, напримѣръ, замѣтитъ Елей Алексѣевичъ, что „авдиторъ“ оказалъ поблажку своему подавдитору, то заставляетъ послѣдняго драть уши первому или таскать его за волосы, а если замѣтитъ, что онъ деретъ ему уши или волосы не больно, то приказываетъ уже авдитору тоскать за волосы или за уши подавдитора. А если и тутъ замѣтитъ поблажку, то примется самъ исполнять это на славу. При этомъ прочіе ученики разсмѣяться не смѣютъ, потому что Елей Алексѣевичъ находитъ тутъ характеръ трагическій, а не комическій, а въ трагедіяхъ кто же смѣется? Такихъ смѣхуновъ подвергалъ Елей Алексѣевичъ слѣдующему наказанію: пойди, говоритъ онъ битому, оттаскай вотъ этого, что надъ тобой смѣялся, таскай его и приговаривай: за что ты надо мной смѣялся, когда я справедливому наказанію подвергался? Ученика, которой не выучитъ урока, заставлялъ самого себя бить по щекамъ, а самъ стоитъ, какъ отецъ сердобольный и приговариваетъ: сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ. А если случится, что много учениковъ не знаютъ урока, то вызыветъ ихъ врядъ, на колѣни поставитъ и заставитъ другъ друга таскать за волосы. Сѣченіе въ училищѣ совершалось по особенной методѣ: Елей Алексѣевичъ каждому передъ операціей давалъ выпить стаканъ воды, а подъ голову клалъ что нибудь, чтобъ голова была выше, а то можетъ приливъ крови быть къ головѣ, вотъ что значитъ соединеніе медицины и педагогики вмѣстѣ! Сѣченіе бывало приличное: рѣдкій на недѣлѣ въ больницу не попадетъ. Видите ли, читатели, какимъ перломъ педагогики владѣетъ наше училище въ лицѣ Елея Алексѣевича.

Теперь мы разскажемъ, какъ справлялся и справляется донынѣ день его ангела: за мѣсяцъ всѣ ученики объ этомъ говорятъ своимъ родителямъ, родственникамъ и воспитателямъ, что дескать не забудьте приготовиться или горе будетъ мнѣ грѣшному, если забудете, буду я тутъ, какъ въ гееннѣ огненной. Вотъ наступитъ сей день, мирно встаетъ Елей Алексѣевичъ,

одѣвается безъ брани и крику, какъ это бываетъ въ прочіе дни, отправляется къ обѣднѣ; за обѣдней слѣдуетъ молебенъ. Ученики отправляются въ залъ, становятся въ рядъ и при появленіи именинника дружно кричатъ: „съ ангеломъ!" Елей Алексѣевичъ отвѣчаетъ: „благодарю васъ дѣти, нынче не учитесь, погуляйте," и обращаясь къ приставникамъ, которые тутъ же поздравляютъ его, говоритъ: „напойте дѣтей хорошенько чайкомъ" (разумѣется казеннымъ), т. е. попросту сказать, не воруйте нынче чай, я имянинникъ. Отдавъ приказаніе отправляется къ себѣ на квартиру. Тутъ сначала встрѣчаетъ его супруга и даетъ лобзаніе, которое ему рѣдко дается, потому что Богъ имъ ладовъ не далъ. Тутъ онъ переходитъ въ кабинетъ и принимаетъ поздравленія и подарки отъ родителей и родственниковъ воспитанниковъ. Тутъ вы увидите и богатаго купца съ четвертной бумажкою, и прикащика съ кулькомъ, присланнымъ имяниннику, и бѣдную мать, принесшую фарфоровую чашку, купленную на послѣднія деньги, и сторожа, принесшаго просвиру и пару носковъ, связанныхъ его женою, и бисквитный пирогъ — складчину истопниковъ и буфетчиковъ. Подъ конецъ кабинетъ Елея Алексѣевича обращается въ какую-то выставку: тутъ и сукно, и кульки съ чаемъ и сахаромъ, и кульки съ виномъ; и ящики съ стеариновыми свѣчами, и бисквитные пироги, и просвиры, и бѣлые хлѣбы, и крендели, и неразвязанные свертки съ чѣмъ — и понять нельзя, и форфоровыя чашки, и банки съ вареньемъ — словомъ всего не перечесть. Въ этотъ день всѣ должны дарить его, отъ послѣдняго истопника до послѣдняго ученика, и горе тому, кто забудетъ эту 11-ю заповѣдь, данную Елеемъ Алексѣевичемъ—такъ зовутъ этотъ день въ училищѣ.—Елей Алексѣевичъ имѣетъ похвальную привычку, которой мы совѣтуемъ придерживаться всѣмъ педагогамъ нашего града, получающимъ подарки: онъ ведетъ реестръ отъ кого на сколько получено, и какъ его за это любитъ наше купечество, и какъ онъ его за это любитъ! Бываетъ напримѣръ какой именинникъ или такъ бываетъ вечерокъ у купца, сынокъ котораго учится въ этомъ училищѣ, вотъ купецъ и проситъ Елея Алексѣевича въ гости, да еще, дескать, отпустите двухъ-трехъ мальчиковъ на вечеръ послужить — чай подать, одёжу сни-

мать,—ну и отпускаетъ. А одинъ такъ прислалъ разъ: отпустите молъ, Елей Алексѣевичъ, пареньковъ своихъ, которые порослѣе, молодцамъ подсобить капусту порубить. Ну, нѣтъ, не отпустилъ: неприличнымъ, говоритъ, считаю.

За Елеемъ Алексѣевичемъ выступаетъ теперь передъ вами цѣлый рядъ учителей нашего знаменитаго училища—числомъ поболѣе, цѣною подешевлѣ — вотъ девизъ нашего благопопечительнаго совѣта.

Первый изъ нихъ нѣкто византійскаго писанія Аплике, натура, сохранившая вполнѣ типъ древнихъ греческихъ учителей, временъ Пиѳагора. Онъ ужасно не любитъ почему то бѣлокурыхъ, ненавидитъ рыжихъ и симпатизируетъ брюнетамъ. Наказанія, употребляемыя господиномъ Аплике, были слѣдующія: рванье за уши до крови, это было одно изъ любимыхъ, рванье за виски съ приподниманьемъ, колоченіе табакеркой въ грудь съ произнесеніямъ какихъ то греческихъ бранныхъ словъ. И ни отъ кого Елей Алексѣевичъ не получалъ столько жалобъ, каждый классъ съ записываніемъ въ журналъ, какъ отъ г. Аплике, да и самъ Елей Алексѣевичъ такъ привыкъ къ его жалобамъ, что не обращалъ на нихъ вниманія.

Второй учитель Гарася Кудрявый изъ колѣна левитова, готовился въ духовное званіе, но за неприличный костюмъ, изъ званія этого уволенъ; подкуриваетъ онъ всѣмъ: и благопопечительному совѣту и Елею Алексѣевичу. Чортъ и свинья — любимыя его названія, которыми онъ называетъ учениковъ небогатыхъ родителей. За волосы таскать не любитъ, потому что скверно пахнетъ, за уши тоже, потому что, пожалуй, разгорячившись, ухо оторвешь. Онъ тузитъ кулакомъ въ спину.

Третій учитель Цыпъ-ца дуровъ — личность презентабельная, гуманная и чистоплотная. Если ему когда случалось подрать ученика за волосы, то сейчасъ же шелъ къ рукомойнику умывать руки, не потому что не повиненъ, а по чистоплотности.

Четвертый учитель, по прозванію Парфуша Громобоевъ, каждый классъ громобойствуетъ по рукамъ учениковъ квад-

ратною линейкой, и опухшія руки не переводились никогда въ его классѣ.

Пятый — Меригинъ, по прозванію Почечуй, обращался согласно съ погодою: въ хорошую погоду, когда у него не болитъ поясница, былъ добръ, а въ дурную, когда поясница, какъ онъ говаривалъ, давала знать, былъ настоящій почечуй и горе тогда бывало намъ грѣшнымъ.

О прочихъ учителяхъ я умолчу, потому что обращеніе ихъ было болѣе или менѣе сносно. Приставники, которыхъ чуть не баталіонъ, мѣнялись какъ погода, иногда даже оставались по нѣскольку дней; многіе не знали нашихъ именъ, да и мы часто не знали именъ ихъ: всѣ они были пьяная бурса, съ дикимъ характеромъ татарскихъ улусовъ. Всѣмъ приставникамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность передавать Елею Алексѣевичу каждое слово, каждый шагъ учениковъ. Смѣшно и жалко было на нихъ смотрѣть при появленіи Елея Алексѣевича въ классахъ: они вытягивались въ струнку, руки по швамъ, кланялись въ поясъ и говорили при каждомъ словѣ: сударь, осмѣлюсь доложить, беру смѣлость передать. Замѣчалъ ли приставникъ, что Елей Алексѣевичъ не благоволитъ къ какому нибудь ученику, ученикъ дѣлался жертвою его доносовъ. Одинъ приставникъ увлекся даже до того, что донесъ Елею Алексѣевичу, что ученикъ, къ сонномъ бреду, ругалъ его и эконома. Въ это время экономомъ былъ Филиппъ Площадной, набивавшій карманы около училища. Доносъ этотъ не имѣлъ однако желаннаго успѣха. Одинъ изъ приставниковъ любимецъ Елея Алексѣевича, училъ въ первомъ классѣ мальчиковъ азбукѣ, не вѣдая даже ея, и бывши въ пьяномъ видѣ, дрался безпрестанно линейкой. Его исключили за то, что ругался въ классѣ по извощичьи и въ кровь надорвалъ одному ученику уши. Другой приставникъ, Никифорычъ, завѣдывалъ амуниціей и сапогами, которыми бивалъ мальчиковъ по головѣ и по лицу. Третій — Филипповичъ занимался больше Боголѣповыми дочками, заставлялъ учениковъ писать разныя любовные стихи и пѣсенки, жалобъ отъ учениковъ не принималъ: терпѣть я не могу, говаривалъ онъ, чтобы другъ другомъ были недовольны. А ежели ученики придутъ жаловаться, то онъ непремѣнно оставитъ ихъ безъ обѣда, а

то поставитъ на колѣни и начнетъ бить кулаками или щипать у нихъ волосы изъ висковъ. Разъ онъ избилъ ученика Старокопытова въ спальнѣ за то, что онъ, легши спать, началъ разговаривать съ другимъ ученикомъ, Филипповичъ подошелъ къ нему, и не говоря ни слова, началъ его щипать. На бѣду входитъ своей лисьей походкой, крадучись, Елей Алексѣевичъ и спрашиваетъ, кто кричалъ. Ему говорятъ Старокопытовъ. — Для чего ты кричишь? — Да меня щиплетъ Филипповичъ. — За что вы его щиплите? — Онъ мнѣ спать не даетъ, отвѣчаетъ Филипповичъ. И въ первый разъ Елей Алексѣевичъ принялъ сторону ученика и сказалъ: не смѣйте щипать дѣтей или я васъ выгоню вонъ. Ушелъ Елей Алексѣевичъ, а Филипповичъ принялся бить всѣхъ, кто ему попадалъ подъ руку и избивши ихъ, преспокойно легъ спать. Это одинъ примѣръ изъ бездны ихъ. Теперь скажу о дядькахъ, коридорныхъ, ламповщикахъ, полотерахъ и швейцарахъ. Этотъ сѣрый людъ былъ и есть за одно съ учениками; исправляютъ всѣ ихъ коммиссіи, разумѣется за магарычъ, покупаютъ даже папиросы, не смотря на строгое запрещеніе курить. Приставники сами одолжались у учениковъ папиросами и лакомствомъ. Ученики отлично играли въ свои козыри, пьяницы, подкаретную, разумѣется, по маленькой; одинъ разъ устроили на чердакѣ качели; это узнали приставники и за 30 коп. согласились не доводить до Елея Алексѣевича. При этомъ училищѣ существуетъ богадѣльня и женское училище, про которое мы побесѣдуемъ въ свое время, а теперь скажемъ, что сторожа были отличные проводники ко всему: они давали ученикамъ на прокатъ чайники, прятали ихъ лакомство, папиросы, кушанье, присланое родными, потому что у себя держать было нельзя: или дядьки, воровали или съѣдали приставники, а что получше, отбиралъ Елей Алексѣевичъ, говоря, что отъ этого портятся зубы. Впрочемъ онъ отбиралъ и не одно лакомство, а даже и дѣтскія книги, Сочиненія Ишимовой, Библіотеку для дѣтей, и кромѣ учебника не дозволялъ ничего читать ученикамъ, а потому они и предавались невольно шалостямъ.

Учителя занимались съ воспитанниками только 4 часа въ сутки, уроки задавали небольшіе; послѣ звонка, который

означалъ начало классовъ, учителя являлись всегда черезъ полчаса. За просроченное время съ нихъ не вычиталось, потому что учителя получали дешевую плату, такъ если вычитать за просроченное время, то имъ бы не осталось ровно ничего. Мальчиковъ же, опоздавшихъ нѣсколько минутъ на урокъ, оставляли безъ обѣда или ужина. Приходитъ учитель и сосчитаетъ баллы, выставленные авдиторомъ. Величина ихъ зависитъ отъ угощенія авдитора; кто больше дастъ, тотъ получитъ лучшій балъ, хоть не знай ни бельмеса. Судите же, какъ шло въ училищѣ преподаваніе, если въ одномъ классѣ русской грамматикѣ училъ разбитый параличемъ правой руки и лѣвой ноги, едва владѣвшій языкомъ, и при этомъ положеніи еще сохранившій способность драться линейкой. Въ третьемъ и четвертомъ классахъ для неисправныхъ было еще слѣдующее наказаніе: ихъ ставили въ уголъ въ кучу, а одного около кучи; этотъ былъ пастухъ, а прочіе — стадо, и они должны были въ такомъ положеніи стоять отъ часу до двухъ. Это было болѣе похоже на игру учителей съ учениками, нежели на наказаніе за проступокъ. Изъ этого училища выходили многіе съ хорошимъ почеркомъ, потому что нѣкоторые изъ учителей были хорошіе каллиграфы, а о прочемъ не спрашивайте. Грамматика, ариѳметика, бухгалтерія, законъ божій шли такъ себѣ, т. е. значились только въ программѣ, а про географію такъ же думали, какъ Простакова въ Недорослѣ: зачѣмъ, дескать, учить географіи — теперь не только что извощики, есть даже желѣзныя дороги; довольно и того, что она въ программѣ стоитъ. Со дня своего открытія училище наплодило градъ нашъ недоучками, незнающими правилъ русскаго языка. Оно конечно ставитъ себѣ въ оправданіе дешевизну содержанія и ученія, а пора бы попечительному совѣту припомнить пословицу: что дешево, то гнило, — что дорого, то мило.

Разсказавъ вамъ читатели, объ умственной пищѣ, которою питало насъ училище и расплодило столько недоучекъ, я поразскажу и о пищѣ вещественной. Обѣдъ нашъ начинался почти всегда щами изъ сѣрой капусты; о этихъ щахъ можно сказать извѣстное присловіе: „щи съ осиновой коркой.“ Частенько и эти не съѣдались, а выливались учениками, потому

что варились изъ промозглой капусты. Каша, мать наша, давалась въ ограниченномъ количествѣ. Половина масла, назначеннаго для каши, употреблялась приставниками, истопниками и дядьками на помазаніе власъ главы своей. За чистотою столоваго бѣлья никто не смотрѣлъ, такъ что скатерти подъ конецъ недѣли всегда были похожи на половики, и противно было положить на нихъ хлѣбъ съ тарелки; вилки и ножи были поломаные, салфетки грязныя до безобразія; многіе ученики замѣняли ихъ лоскутками бумаги. На скатертяхъ и салфеткахъ, сложенныхъ на ночь въ кучи, спали постоянно буфетчики, набранные изъ мужиковъ и отставныхъ солдатъ. Картофель въ нашемъ училищѣ цѣнили какъ драгоцѣнный фруктъ и давали по нѣскольку ломтиковъ; хлѣбъ давали также по небольшому ломтю. Воспитанники, чтобъ получить больше хлѣба, должны были давать буфетчику разъ или два въ годъ на чай. Въ скоромные дни давалось во щахъ по ломтю говядины величиною съ мѣдный пятакъ; въ праздничные дни давали за обѣдомъ по пирогу. Про посты и постные дни нечего и говорить: грибы, щи, лапша и конопляное масло, которое было всегда черно, какъ деготь, наводятъ до сихъ поръ на насъ отвращеніе. Скажите, могли ли бы мы быть сыты и довольны такой Антоніевой пищей? Дѣти достаточныхъ родителей питались присылаемымъ отъ родныхъ и покупали хлѣбъ у хлѣбника, который продавалъ его на 10 и 12 руб. въ день. Вначалѣ даже въ училищѣ не было и чая, а изрѣдка давали ученикамъ сбитень, потомъ стали поить чаемъ, который называли брандахлыстомъ, какъ надо полагать въ видахъ сбереженія здоровья, чтобъ не разслабить нервы, и такой жидкій, что сквозь стаканъ чая можно было видѣть черезъ улицу. Отцы наши, экономъ Филипповичъ, Площадной и Степанъ Облаевъ не забывали своихъ кармановъ. Послѣдній, говорятъ, на экономическія деньги по гривенничку въ преферансъ игралъ. Человѣкъ онъ, какъ говорится, первый сортъ: родился онъ въ дымной избѣ, потомъ жилъ ткачемъ на фабрикѣ, потомъ разными путями нажилъ денегъ, втерся въ кругъ богатыхъ купцовъ, дѣлалъ имъ хорошіе ужины, игралъ въ большую игру и сдѣлался душой общества, а на самомъ дѣлѣ представилъ собой пословицу: мужика хоть 15 лѣтъ въ котлѣ

вари — все будетъ мужикъ. Извощичья брань не сходила у него съ языка. Именитые купцы хладнокровно переносили эту брань за его щедрое угощеніе и постоянные проигрыши. И такому-то человѣку поручили экономію училища, и слыша общія жалобы, выбрали его вторично, а потомъ въ знакъ благодарности выбрали въ совѣтъ нашего благопопечительства. Такіе экономы были на руку Елею Алексѣевичу, который гнулся передъ ними въ дугу. Плохая пища приносила ему большую выгоду, потому что несъѣденной пищей наполнялись цѣлые ушаты и они поступали на его скотный дворъ, состоявшій изъ коровъ, свиней, куръ разныхъ породъ, утокъ и гусей, которыхъ лѣтомъ стерегли на пруду ученики по дежурству. Такъ голодали бѣдные воспитанники на глазахъ благопопечительнаго совѣта, который имѣлъ уши, чтобъ слышать, но былъ глухъ и нѣмъ какъ рыба.

За пищею скажу про одежду. Она состояла изъ галстуха, казакина и брюкъ одинаковаго толстаго сукна, которое покупали сами благопопечители у своихъ родственниковъ или благопріятелей. Другая одежда такая же, только изъ тонкаго сукна, надѣвалась въ высокоторжественные дни и экзамены; въ будни же ученики походили болѣе на тѣхъ мальчиковъ, которые ходятъ по рядамъ и собираютъ въ мѣшки бумагу и всякую дрянь. Казакины носились по два года. Бѣлье было похоже, какъ будто оно сшито не изъ холста, а изъ парусины или мѣшковины; шинели изъ толстаго сукна на холодной подкладкѣ безъ ваты носились и весною, и лѣтомъ, и осенью, и зимою. Спальни и классы вполнѣ соотвѣтствовали пищѣ и одеждѣ. Елей Алексѣевичъ наблюдалъ строго только за наружною чистотою, а до прочаго ему не было дѣла; вотъ за чистотою половъ онъ очень усердно смотрѣлъ и поэтому даже подъ кроватями заставлялъ учениковъ выметать соръ слѣдующимъ образомъ: мальчикъ раздѣвался до рубашки, бралъ въ руки суконку и чистилъ ею полъ, потомъ собиралъ соръ въ кучу и дядьки уносили его; разумѣется, что при этомъ полъ обтирался болѣе рубашкою, чѣмъ суконкою. Классы представляли тоже одну наружную чистоту и она исполнялась все таки учениками, которыхъ безъ ошибки можно было

назвать бѣлыми неграми. Это подтвердать всѣ дѣти бѣдныхъ родителей.

Больница нашего училища представляла жалкую картину своеволія Елея Алексѣевича. Ежели я скажу, что свиньи больше знаютъ толку въ апельсинахъ, чѣмъ Елей Алексѣевичъ въ медицинѣ, то это будетъ безъ ошибки. Консультантомъ этой больницы былъ нѣмецъ-докторъ, котораго приглашалъ Елей Алексѣевичъ тогда только, когда заболѣвалъ ученикъ, сынъ богатыхъ родителей, а дѣти бѣдныхъ родителей умирали безъ консультаціи доктора нѣмца, а по методѣ Елея Алексѣевича. Обойдетъ онъ бывало классы, и шасть въ больницу, сдѣлаетъ глубокомысленную мину, болѣе похожую на то, что у него тѣсны сапоги, слонитъ голову на сторону и начнетъ осматривать языки и щупать пульсъ. Любимыя лѣкарства Елей Алексѣевича были: клещевинное масло, алтейный декоктъ съ селитрой или съ мятной водой. Помощникомъ Елея Алексѣевича былъ фельдшеръ Василій Григорьичъ, который зналъ медицину столько же, сколько трубочисты знаютъ астрономію. Эта замѣчательная личность большую часть своей жизни проводила за женскими работами — вышиваньемъ въ пяльцахъ, вязаньемъ воротничковъ и чулковъ. Послѣднимъ онъ занимался вечеромъ или на дежурствѣ въ больницѣ, куда неловко приносить пяльцы. По выбытіи Никифорыча изъ приставниковъ Василью Григорьевичу поручили аммуницію и сапоги воспитанниковъ и онъ же взялся стричь ихъ за особую плату. Онъ не хуже Никифорыча упражнялся въ битьѣ учениковъ сапогами. Обращеніе Василья Григорьевича съ учениками было самое отвратительное: вмѣсто того чтобъ успокоить больнаго, онъ его всегда дразнилъ; стоны и слезы больныхъ мальчиковъ доставляли ему видимое удовольствіе и рождали разныя шуточки. Елей Алексѣевичъ, откланявшись вмѣстѣ съ Васильемъ Григорьичемъ на мужской половинѣ, отправлялись лѣчить на женскую.

Работы учениковъ исполнялись тоже по методѣ Елея Алексѣевича, и носили на себѣ характеръ барщины. Напримѣръ, приходила Елею Алексѣевичу мысль выслать учениковъ на дворъ собирать щепки, и не смотря ни на какую погоду, ученики отыскивали на огромномъ дворѣ щепку, какъ Израиль-

тяне манну небесную. Осенью каждый годъ постоянно собирали на дворѣ листъ. Скотный дворъ былъ задушевною утѣхою и отрадою Елея Алексѣевича въ минуты житейскихъ невзгодъ и въ часы нарушенія семейнаго счастія, которое осязательно чувствовалось всѣми учениками. Въ эти минуты больше всего доставалось ихъ затылкамъ, потому что тогда щедро сыпались ученикамъ подзатыльники отъ Елея Алексѣевича. У насъ говорили, что тутъ дѣйствуетъ электричество: Елей Алексѣевичъ, получивъ въ шею толчокъ дома, передавалъ его ученикамъ, какъ электрическій токъ. Сколько бѣдные ученики переносили страданій въ пользу птичьяго двора, особенно въ началѣ лѣта при выводѣ цыплятъ, утятъ, гусенятъ, индѣятъ и пр. Для охраненія этихъ питомцевъ ученики устроивали заборы около того мѣста, гдѣ они гуляли и много сажень дровъ переносили собственными руками; а дежурные изъ учениковъ на птичьемъ дворѣ должны были и уроки твердить, и за питомцами смотрѣть. Сколько перемѣнилось попечителей, а ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ни слова за учениковъ. Плюшковское купечество, очень недавно поняло, что въ благопопечители должны выбираться не по толщинѣ брюха и по величинѣ бородъ, а прежде Боже ты мой, кого не выбирали плюшковцы въ совѣтъ этого училища! Эти безграмотные окончательно подчинялись вліянію Елея Алексѣевича и тормозили развитіе училища, которое давно бы достигло лучшаго жребія. Эти гайдуки темнаго царства преспокойно становились на запятки за Елеемъ Алексѣевичемъ и стояли какъ фонарные столбы. Былъ, напримѣръ, у насъ въ совѣтѣ одинъ попечитель, который все свое служеніе заявилъ тѣмъ, что при поступленіи осмотрѣлъ, есть ли у учениковъ на шеѣ кресты, или какъ онъ выражался, тѣльники, и запретилъ ученикамъ разыгрывать въ праздники театръ, который онъ называлъ дьяволыщиной. Другой, заявилъ свое существованіе тѣмъ, что возилъ пряники и самъ раздавалъ ученикамъ, а Елей Алексѣевичъ приказывалъ ученикамъ младшаго возраста цѣловать у этого попечителя ручку. Былъ еще попечитель нѣмецъ, который заявилъ себя тѣмъ, что говорилъ: „здраствуйте, малшикъ, ушись карашо и будетъ послѣ карашо,“ и присылалъ Елею Алексѣевичу два раза въ

годъ по кульку вина. Былъ еще одинъ попечитель, употреблявшій обильно горячіе напитки и ужасно боявшійся своей жены. Онъ пріѣзжалъ въ училище, послѣ выпивки спать, и выспавшись, подписывалъ бумаги. Во все свое служеніе онъ прислалъ въ училище три ушата моченыхъ яблокъ лѣтомъ, когда они начали уже портиться и выбрасывались вонъ. Былъ еще такой попечитель, отъ котораго мы кромѣ хрипу не слыхали ничего. Это былъ только золотой мѣшокъ. Еще былъ у насъ благопопечитель — какая-то смѣсь Домашней Бесѣды съ Письмовникомъ Курганова. Онъ безпрестанно возилъ въ училище генераловъ, которыхъ можно встрѣтить на всѣхъ купеческихъ свадьбахъ, по приглашенію кондитера, ученыхъ литераторовъ въ родѣ Бѣшенцова, Ѳедота Кузьмичева и Бориса Ѳедорова. Разъ мы по милости его удостоились видѣть даже Ѳаддея Булгарина. Бѣдный Ѳаддей Венедиктовичъ: ходилъ, ходилъ, хвалилъ, хвалилъ и остался съ пустымъ желудкомъ. Попечитель надѣялся, что закуска будетъ у Елея Алексѣевича, а онъ былъ въ этотъ день подъ арестомъ съ ранняго утра: его дражайшая половина уѣхала, заперла все съѣстное и ключи увезла съ собою. Это была ея обычная месть мужу, и Ѳаддей Венедиктовичъ, какъ говорится, остался на бобахъ. Я думаю, что этотъ казусъ былъ первый и послѣдній съ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ.

Выбрало разъ общество одного ученаго купца, но этотъ какъ увидалъ, что противъ рожна трудно прать, махнулъ рукой и вѣрно подумалъ: я вѣдь не солнце, этого болота осушить не могу. — Одинъ плюшковскій голова не только запретилъ отпускать учениковъ на праздники и вакацію домой, но не велѣлъ даже пускать въ церковь постороннихъ дамъ, даже мущинъ. Другой голова приказалъ ученикамъ въ Рождество и на Святой ходить съ поздравленіемъ къ богатымъ купцамъ. Третій голова сдѣлалъ распоряженіе отпускать на праздники и на вакацію только тѣхъ учениковъ, за которыхъ платятъ деньги, а не платящихъ не отпускать. — Экономъ училища Филиппъ Площадной не умѣлъ даже читать и писать и съ трудомъ считалъ на счетахъ, что впрочемъ не мѣшало ему наживаться отъ училища, поставляя затхлую муку, сѣрую капусту, снятки съ пескомъ, и во все его служеніе

ученики не ѣли другой говядины кромѣ мостолыжины. Экономъ Облаевъ постоянно ругался при ученикахъ по извощичьи, и вѣрно за такую откровенную душу поступилъ потомъ въ благопопечительный совѣтъ. — Въ теченіе описываемаго мною времени, мы видѣли только двухъ разумныхъ членовъ, которые что могли, то и дѣлали, одинъ матерьяльными средствами, другой нравственными; но и они болѣе или менѣе были очарованы Елеемъ Алексѣевичемъ и находились подъ его вліяніемъ. А слѣдовало бы не смотрѣть на фокусы этого педагога. Чего бы, кажется, ждать отъ него? самъ говоритъ: стара стала, слаба стала. Слѣдовало бы измѣнить и программу преподаванія въ духѣ Домостроя, чтобъ училище не плодило такихъ малыхъ, которые способны только исполнять должность лакеевъ и не только хозяевамъ и прикащикамъ ихъ, но даже кучерамъ чистятъ сапоги, кафтаны и лошадиную збрую.

Финаломъ моего разсказа будутъ экзамены училища. На этихъ экзаменахъ сходилось именитое плюшковское купечество, которое посѣщало училище не въ видахъ любознательности, а болѣе въ видахъ угощенія. А надо вамъ сказать, что угощеніе бывало отличное: чай, фрукты, вина и закуска Такъ какъ экзамены эти бывали всегда лѣтомъ въ Петровъ постъ, то это знаете — аршинныя кулебяки, зернистая икра, заливная осетрина, разварныя стерляди и такъ далѣе, — ну какъ не пріѣхать? кушай, сколько пойдетъ на доброе здоровье. За мѣсяцъ, бывало, начинаются приготовленія, начиная отъ мытья половъ и лѣстницъ до ученическихъ головъ, которыя тщательно стриглись. Елей Алексѣевичъ руки и языкъ начиналъ держать короче въ отношеніи учениковъ, потому что всѣ выходящіе ученики дарили его, разумѣется дѣти достаточныхъ родителей, да и небогатые тоже рѣдко увертывались, особенно тѣ, которымъ Елей Алексѣевичъ рекомендовалъ мѣсто. Прочіе учители тоже опускали руки и не давали имъ воли. Пища улучшалась въ слѣдствіе настоятельнаго требованія Елея Алексѣевича эконому; то есть, дескать, неравно чортъ кого изъ купцовъ надоумитъ зайти въ кухню, и вѣдь пожалуй другой исторію заведетъ. Дежурство около утятъ и гусенятъ прекращалось; скотный дворъ и шел-

ковичные черви тоже переходили на руки сторожей, разумѣется на время, до окончанія экзаменовъ. Одежда и языки учениковъ подвергались каждодневному осмотру; захвораетъ ученикъ тутъ хоть насморкомъ, Елей Алексѣевичъ сейчасъ пошлетъ за нѣмцемъ докторомъ. Но вотъ назначали дни для экзаменовъ и одинъ для акта; на это разсылали приглашенія купечеству и оно валило валомъ на даровое угощеніе. Благопопечители хотя и говорили, что это угощеніе дѣлаютъ они изъ своего капитала, а на дѣлѣ это происходило на счетъ годовой экономіи. Приглашались и публицисты, и писатели, калымъ особенный даже получали, чтобы ничего не писали объ училищѣ—ни дурнаго, ни хорошаго: мы, молъ, ваше высокоблагородіе, любимъ жить въ тихомолку, ниже травы, тише воды. А былъ случай, разъ пригласили двухъ публицистовъ, старичковъ беззубыхъ, а они-то и укусили. Они получили приглашеніе честь честью и пріѣхали въ каретѣ. Ну, пріѣхали, попили, поѣли, похвалили; даже на прощанье захватили десерту по узлу въ носовые платки и уѣхали. Ждутъ день, ждутъ два, ждутъ недѣлю — никто не является поблагодарить за посѣщеніе да привезти благодарность, — ну и не вытерпѣли, въ газетахъ и тиснули. Такъ Елей Алексѣевичъ такъ трухнулъ, что съ лица почернѣлъ, даже землѣ предаваться сталъ, насилу дня черезъ четыре поправился. Ну, благопопечители разсердились и приглашать этихъ кусакъ не стали. А пріятно, очень пріятно быть на нашихъ экзаменахъ, послушать, какіе вопросы задаютъ, какіе отвѣты получаютъ. Вотъ одинъ изъ посѣтителей, напримѣръ, спрашиваетъ: кто былъ Моисей?—Пророкъ.—А Илія?—Пророкъ.—Отлично!—А сколько будетъ сто разъ восемь?—Восемьсотъ.—Отлично. —А 10 разъ 49?—490.—Хорошо!—А тутъ Елей Алексѣевичъ подноситъ рисунокъ и говоритъ: это вашъ сынокъ рисовалъ.—Мишка-то? неужто? а и впрямь Мишка, важно! только зачѣмъ же цвѣты? лучше бы фрукты. Елей Алексѣевичъ дѣлаетъ гримасу, какъ дѣлаютъ обезьяны въ клѣткѣ при видѣ орѣховъ, и говоритъ: и цвѣты хорошо.—И цвѣты хорошо, повторяетъ довольный папенька. А нѣкоторые изъ купцовъ, желая сами участвовать въ экзаменахъ и не зная съ чего начать, пускаютъ въ ходъ загадки: скажи, молъ, маль-

чикъ, что безъ ногъ ходитъ?—День.—А еще что?—Ночь.—Важно, умникъ. А на женскомъ экзаменѣ спрашиваютъ: а скажи мнѣ, дѣвица, кто пироги печетъ? — Печка, отвѣчаетъ дѣвица.—Умница.—А нѣкоторые, желая блеснуть своей ученостью, спрашиваютъ, напримѣръ: какъ пишется слово миръ,—чрезъ *i* или *и* и т. п.—Видите ли, читатели, какъ патріархально существовало наше училище десятки лѣтъ на славу града и утѣху купечества. О женской половинѣ училища мы надѣемся побесѣдовать со временемъ, а побесѣдовать есть о чемъ. Преданіе хотя будетъ и свѣжо, а повѣрится съ трудомъ.

VIII.

Заключеніе.

(Письмо изъ Плюшкова).

Прослышалъ я, что вы имѣете намѣреніе собрать и напечатать разныя исторіи о нашемъ купечествѣ. — Смотрите не наживите себѣ враговъ: у насъ того и гляди всякую басню каждый къ себѣ примѣнитъ *). Вотъ хоть какъ напечатано было въ „Развлеченіи“ о Юшковской ратушѣ, а мы, жители города Плюшкова, приняли ее ни съ того ни съ другаго на свой счетъ да и вломились въ амбицію, да въ такую амбицію, что у многихъ изъ глазъ искры посыпались. Какъ получили этотъ нумеръ, да прочитали и говорятъ: это мы, это на насъ пашквиль сочинена. Въ рядахъ у насъ купцы собирались человѣкъ по 10-ти да по 15-ти, да все читаютъ и разбираютъ. Это, говорятъ, тотъ, а это, говорятъ, этотъ. Видно нашъ городъ и въ самомъ дѣлѣ недалеко ушелъ отъ вашего; видно и мы на сказку похожи. Неужели и взаправду Юшковъ и Плюшковъ одного поля ягоды? А что было въ ратушѣ, такъ просто курамъ на смѣхъ: тамъ разыгралась

---

*) Видно и досихъ поръ, какое не придумывай имя, какъ говоритъ Гоголь, уже непремѣнно найдется въ какомъ нибудь углу нашего государства, благо велико — кто нибудь носящій его и непремѣнно разсердится не на животъ а на смерть... *Ред.*

комедія „Ревизоръ", какъ уѣхавшій ревизоръ, письмо присылаетъ. Одинъ сталъ читать, а прочіе — слушаютъ. Стали читать про Плясунова, а нашъ ратушный письмоводитель и говоритъ ни съ того, ни съ другаго: это я, и лошадь моя; это меня описали; а я еще хвалился, что семь лѣтъ служу, а никто меня не описывалъ; вотъ и накаркалъ себѣ на голову! А прочіе—хохочутъ. А какъ дойдетъ до кого, да покажется ему, что портретъ похожъ, выругаетъ, плюнетъ, да и прочь пойдетъ. И такую глупость купцы возымѣли, что смѣются, да и говорятъ: пойдемъ въ Юшковскую ратушу,—да и тамошнихъ служащихъ стали этими же фамиліями обзывать, какъ у васъ было написано: Вожакъ, Муходуевъ, Плясуновъ. А послѣ, какъ начитались, и стали придумывать, кто это написалъ. Эту штуку, говорятъ, сочинилъ никто другой, какъ Спичкинъ: это, говорятъ, онъ изъ зависти сдѣлалъ, что у нашего письмоводителя такіе доходы, какихъ и первая султанша не получаетъ: у него и шуба соболья есть, и лошади, и экономка, и иное прочее. Это онъ. Забрать его, а коли не сознается, такъ въ клоповникъ посадить и солеными селедками на тощакъ накормить. А потомъ, говорятъ: это вотъ кто: это есть такой писака; онъ и прежде насъ описывалъ. — Да почемъ же онъ знаетъ?—А ему другой передаетъ. Мы было разъ его на цугундеръ забрали, да скользокъ —вывернулся, да мы ему еще ногу подставимъ, полетитъ онъ у насъ вверхъ тормашками! Одинъ такой дуракъ нашелся, что подтвердилъ это. Это онъ, говоритъ, право слово онъ; мнѣ сказывали, что онъ эту мараль еще не печатную читалъ. Да эдакимъ манеромъ человѣкъ 15 и перебрали безвинно виноватыхъ, точно воровъ отыскивали, а на слѣдъ попасть не могли. Вашъ сочинитель чай и не знаетъ, что онъ у насъ такихъ бѣдъ натворилъ, а пожалуй и знаетъ, да радъ тому случаю, что въ его огородъ камушки не попадаютъ. Письмоводителю купцы даже въ глаза говорили; увидятъ гдѣ его и хохочутъ и пальцами показываютъ, ну и онъ хохочетъ, а у самого кошки на сердцѣ скребутъ. Кто эдакъ спроситъ его, онъ и говоритъ: пустяки все это, экономка у меня простая, а не особенная, а была у меня прежде точно такая экономка, да уѣхала, оранжерею завела, камеліи разводитъ. А что я страдаю безсонницею, — врутъ:

сплю крѣпче всѣхъ этихъ сочинителей; намедни насилу добудились, говорятъ: девять часовъ, въ ратушу пора! А я говорю съ просоньевъ: чортъ съ ней! Не я для ратуши, а она для меня. Да говорятъ: чтобъ опять гонки не было, что поздно приходите. Я говорю: чортъ съ ней и съ гонкой: безъ меня тамъ, что безъ рукъ; вѣдь у меня руки золотыя; плюю я и на купцовъ-то; а начальниковъ надо мною нѣтъ: я вѣдь всѣхъ подобралъ въ ратушу, не они на меня кричатъ, а я имъ окрикъ даю. На мой вѣкъ хватитъ, а тамъ трава не рости. Послужу еще, такъ уберусь какъ верьбочка всякими украшеніями; а захочу жениться, такъ любой Плюшковскій тузъ за меня свою дщерь отдастъ. А что я пересталъ въ преферансъ играть,— опять врутъ: играю по гривеннику ѣзжу къ купцу Охалову на дачу, до бѣла дня играю. А что я дѣтокъ за ручки вожу,— такъ и тутъ конфузіи нѣтъ: я ихъ люблю, какъ родныхъ; у меня своихъ нѣтъ, я имъ къ Рождеству и къ имянинамъ игрушки дарю; къ Троицѣ поѣду,—родителямъ просвирку привожу, а дѣтямъ игрушечекъ: кинь хлѣбъ за лѣсъ, пойдешь и найдешь. А что я приговоры нехорошо пишу, такъ это не ихъ дѣло и безъ меня напишутъ. Глупы, говоритъ, эти сочинители; книги сочиняютъ, а русской пословицы не знаютъ: „ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами.“ Кто языкъ-то держитъ за зубами, тотъ шубу соболью носитъ, а кто не держитъ,—тотъ въ ватной шинели на морозѣ бѣгаетъ, а что онъ честный человѣкъ, такъ въ этомъ мало проку: что и честь, когда нечего ѣсть! А я и безъ нея живу, какъ у Христа за пазухой.

Эдакимъ-то манеромъ нашъ письмоводитель и другіе себя обознавать стали. Его высокостепенство нашъ именитый гражданинъ Толстобрюховъ принялъ на себя то, что про Леонтьева сказано. Вотъ поди, и умный человѣкъ, а приравнялъ себя къ пробкѣ, да какъ осерчалъ-то, страсть! „Я, говоритъ, на днѣ морскомъ отыщу этого сочинителя; ко всѣмъ градоначальникамъ просьбы подамъ; всѣ власти на ноги подыму! Найдите мнѣ этого злокозненнаго покоя моего возмутителя! Чего ему отъ меня хочется? Чтобъ на него куриная слѣпота напала! онъ мой кредитъ подрываетъ.“ А чѣмъ подрываетъ и

понять нельзя: потому что всякій знаетъ, что у Толстобрюхова денегъ и куры не клюютъ.

А Трифонова на себя принялъ Охаловъ. Топочетъ ногами и кричитъ:—это я! Инда захворалъ: хотѣлъ кровь отворить, да Богъ помиловалъ, такъ обошлось. Вотъ онъ злодѣй сочинитель что съ нашими добродѣями надѣлалъ!

И Ермоланчъ нашелся: такъ пушилъ, что Господи спаси, онъ у насъ ругаться то собаку съѣлъ: во всемъ Плюшковѣ такого ругателя нѣтъ, особенно, когда въ карты проигрываетъ. Нашелся и Свинкинъ: эту честь на себя принялъ Тарасъ Ивановичъ Скотининъ. Настоящая скотина во плоти; ходитъ оборванный, картузишка замасляный, точно портняга прогорѣлый, а почетнымъ человѣкомъ себя считаетъ и гордость великую имѣетъ: умнѣе меня, говоритъ, во всемъ Плюшковѣ нѣтъ.

Опозналъ себя и Отрепьевъ—это оказался купецъ Верблюдовъ, что въ рядахъ безобразничаетъ и проходу никому не даетъ. Такой шутъ гороховый: придетъ къ его сосѣду покупатель, а онъ на него зажигательное стеклышко наведетъ, а то изъ трубочки горохомъ стрѣлять станетъ. Ему когда читали эту статью, онъ все говорилъ: правда, правда, а какъ дошло до Отрепьева, онъ и ушелъ въ лавку, да все тамъ и сидѣлъ; слова не промолвилъ: значитъ знаетъ кошка, чье мясо съѣла. Нашелся и *дяденька:* онъ въ вашемъ себѣ двойника увидалъ. Точно говоритъ, насчетъ мощенія улицъ — правда: былъ тотъ грѣхъ; да мы пустынь съ нимъ пополамъ устроили, такъ Богъ проститъ. А дяденька этотъ Иваномъ Касьяновичемъ прозывается; его весь Плюшковъ знаетъ; онъ большую страсть до пожаровъ имѣетъ: гдѣ только въ городѣ пожаръ, тамъ онъ и въ полночь и заполночь — первый тутъ. Когда у насъ въ городѣ по полиціи служилъ Битовъ, пріятель Касьяна Ивановича (это было два тѣла и одна душа, а почему они были такіе пріятели, это исторія благоуханная, мы ее разскажемъ когда нибудь при случаѣ), такъ Битовъ бывало и не спѣшитъ на пожаръ ѣхать, потому знаетъ, что Иванъ Касьянычъ тамъ, и всѣмъ распорядится не хуже его. А потому такая страсть у Ивана Касьяныча до пожаровъ была, что, говорятъ, когда его мать рожала, такъ въ это время изба ихъ горѣла.

Нашелся и Волдыревъ. Этому какъ прочитали, онъ и говоритъ: это штука польская, возмутительная, это я знаю, полякъ написалъ. Нашелся и Гуръ, и почему это призналъ себя такой честный гражданинъ, понять не можемъ: тутъ плутъ описанъ, а призналъ себя честный человѣкъ! это такой благодѣтель, что одни милости да добрыя дѣла творитъ; у всѣхъ богадѣленокъ душеприкащикомъ числится; если жребій въ рекруты кому достанется, такъ охлопочетъ, свои деньги истратитъ: я, говоритъ, не изъ чего другаго служу, а ради Господа Бога. Если какой молодецъ съ пути собьется, такъ онъ его на путь наставитъ, невѣсту ему найдетъ, женитъ, самъ въ отцы посаженые пойдетъ. Вотъ хоть бы купца Дурина на своей жиличкѣ женилъ: и ему хорошо, да и Варварѣ Тимофеевнѣ недурно — пристроилась. Онъ этой сказкой такъ обезкураженъ былъ, въ такое уныніе впалъ, что думали, чтобъ надъ собой чего не сдѣлалъ. И то ужь жена догадалась: ладонку надѣла, да три зари четверговую соль давала; ну слава Богу и оправился.

Нашелся даже и Красовъ: это призналъ себя чиновникъ Недокрасовъ. Былъ, говоритъ, грѣхъ, точно, много, говоритъ, языкомъ я зла надѣлалъ; много масла въ огонь подливалъ. А точно, онъ служилъ при городничемъ Продовѣ; это братецъ родной тому, который названъ у васъ Идоловымъ, но онъ почище Идолова колѣнца выкидывалъ. Вотъ хоть бы къ слову сказать, жилъ у насъ фабрикантъ Большерыбовъ, померъ, да сынку фабрику отказалъ. Сынокъ въ купцахъ быть не пожелалъ, а захотѣлъ въ привилегированное сословіе вступить, и опредѣлился онъ служить къ Продову, гдѣ служилъ и Недокрасовъ, а еще служилъ у него Подлецкій, трехпробный, который съ жены своей взятку взялъ. Вотъ они служатъ, а фабрика разваливается. Только разъ Недокрасовъ и говоритъ: знаешь что, Большерыбовъ, мы твою фабрику продадимъ. — Кому? — Да городу. — Да на кой чортъ нужна она городу? — Это не твое дѣло, ты сколько за нее хочешь? — Вотъ столько то. — Ладно, а что возмемъ больше, то наше. Ну и ударили по рукамъ. Подлецкій и предложилъ Продову купить для города фабрику у Большерыбова; мы, дескать, придумаемъ, что изъ нея сдѣлать.

Ну общество и купило, да и заплатило вдвое противъ того, что Большерыбовъ назначилъ: оно и рта разинуть не смѣло противъ Иродова: онъ ихъ капиталы у себя въ опекѣ держалъ, гривенника безъ его спроса истратить не смѣли. А какъ послѣ него другой городничій поступилъ, такъ вѣрить этому не хотѣлъ, а когда доподлинно узналъ, такъ просто диву дался, что Иродовъ такой былъ, а купцы такіе дураки. Подлецкій и Недокрасовъ барыши подѣлили; послѣднему столько досталось, что онъ послѣ этой покупки домъ въ залогъ взялъ, значитъ пріобрѣтеніе въ ростъ пустилъ, а купцы галкамъ и воронамъ благодѣяніе сдѣлали: онѣ на фабрикѣ гнѣзда вьютъ и ночевать туда улетаютъ, да за Иродова и за купцовъ Бога молятъ.

Послѣ этой продажи, Большерыбовъ съ Иродовымъ такъ сблизился, что своимъ человѣкомъ у него сталъ. Разъ выпивши, такой скандальчикъ у него на дачѣ сдѣлалъ, что Иродовъ его вывести изъ залы приказалъ, да послѣ крѣпко на крѣпко запретилъ ему при себѣ напиваться. А здоровъ онъ пить, нечего сказать: бутылокъ шесть шампанскаго выпьетъ, такъ ни въ одномъ глазѣ; а когда пить перестанетъ, отдыхъ дѣлаетъ и стакановъ по сорока чаю пьетъ. А ужъ вралъ какой, что другаго и не найдешь: женщины отъ него въ гостяхъ такъ и бѣгаютъ, а то осрамитъ; не въ отца видно дитятко уродилось. Вотъ вашего Идолова купцы не любили, а нашего Иродова— любятъ: какъ вышелъ въ отставку, такъ за двадцать верстъ провожать ѣздили, плакали, обѣдъ ему прощальный задали и теперь съ ангеломъ поздравлять ѣздятъ его и супругу. Недавно была она имянинница, такъ на дачу къ ней отправились. Мы, говорятъ, священнымъ долгомъ себѣ поставляемъ милости ваши въ сердцѣ хранить Вы отецъ нашъ и командиръ. И точно, умри онъ, такъ на своихъ раменахъ понесутъ, на свой счетъ памятникъ созиждутъ, золотую надпись сдѣлаютъ: „отцу и благодѣтелю отъ признательныхъ гражданъ града Плюшкова себѣ на прославленіе, вѣкамъ на удивленіе.“ А то, пожалуй, и некрологію напишутъ и напечатать отдадутъ.

Вотъ какія дѣла на бѣломъ свѣтѣ дѣлаются: не напечатай вы сказку о Юшковской ратушѣ, мы бы не разсказали свою призказку. Пожалуй, можетъ, и еще кто себя призналъ въ

этой сказкѣ, да кто поумнѣе — молчитъ; пускай, дескать, что хотятъ, то и пишутъ, а мы живемъ, да и въ усъ не дуемъ. А что если и на нашу прискаску найдутся дураки и губы надуютъ? говорится пословица: чѣмъ больше будешь сердиться, тѣмъ больше будутъ смѣяться.

Если будете печатать второй выпускъ — напишите: кое что къ тому времени и мы припасемъ, у насъ еще уголъ непочатый, есть кое что тронуть.

СОДЕРЖАНІЕ.

2007055412